

Андрей Фролов
Механическое сердце

Город Лифтов – 2

Текст предоставлен правообладателем.

Аннотация

Добро пожаловать в Спасгород! Каждый Лифт здесь обладает характером, сознанием и даже душой. С давних пор умные машины помогают людям, и горожане платят им уважением и любовью – все, кроме одного... Таинственный Мглистый Механик снова возник из небытия и вышел на охоту за Лифтами. Стража бездействует, и, кажется, никто не остановит злодея. Но трое отважных ребят – близнецы Дима, Витя и Настя – готовы бросить Мглистому вызов. Только как простые школьники справятся с бессмертным чудовищем?

Андрей Фролов Механическое сердце

Пролог

В кабинете городского чиновника гаснет свет – резко, одним щелчком.

Второй щелчок – это включается центральный амбиграфический проектор, новенький и блестящий. Яркий пестрый луч бьет в центр кубического каркаса для просмотра фильмов и передач. Но на этот раз чиновник и его коллеги смотрят не развлекательные шоу и не выпуски новостей. В специальной конструкции начинается трехмерная запись с одной из амбикамер наружного наблюдения.

Амбикарта, похожая на хрупкую стеклянную пластинку, совсем новая. Блестящая, еще не успевшая покрыться сетью царапин. Изображение, считываемое с нее проектором, довольно четкое, мелкозернистое, хоть и черно-белое.

С первых кадров становится понятно, что запись ведется с одной-единственной камеры. От этого происходящее внутри проволочного куба не обладает полноценным объемом. Чтобы не упустить ни единой мелочи, зрителям приходится переместиться на одну сторону амбивизора – картинка псевдорельефная, почти двухмерная, едва выпуклая.

В правом верхнем углу изображения мелькает эмблема Гильдии. Ее сопровождает титр: «Только для внутреннего пользования, код доступа 4». Затем на экране появляется надпись мелким шрифтом, из которой зрители узнают дату записи и место, где она была сделана. После этого начинается немое кино.

Из динамиков проектора не доносится ни единого звука. Комната наполнена лишь шорохом одежды, покашливанием зрителей и тонким скрипом стилусов, когда те касаются сенсорной поверхности планшетов.

В центре изображения лифт: шахта, уходящая куда-то за верхний край картинки, сверкающие серебристые двери с двумя створками, информационная панель и пульт протокольного доступа. Вокруг видны люди. Мужчины, женщины, дети – целыми семьями они огибают полую колонну, гуляя и раскрывая рты в неслышных разговорах.

Через несколько секунд в поле зрения амбикамеры (она установлена высоко под потолком, но может фокусироваться на самых мелких деталях) появляются трое. Широкоплечий улыбчивый мужчина в пиджаке с дерматиновыми заплатками на локтях. Стройная темноволосая женщина, подвижная и разговорчивая. И ребенок – маленький мальчик лет шести-семи. В руках у него мяч, который сейчас, на полуобъемном изображении, светло-серого цвета. Но важные, одетые в плащи зрители точно знают, что игрушка зеленая, изготовленная из упругой, приятно пахнущей резины. Мальчик бросает мяч и ловко ловит его обеими руками, когда тот отскакивает от серебристых створок. Женщина – судя по всему, мама – делает ему замечание. Но малыш никак не хочет

угомониться, и пепельный шарик продолжает скакать. Туда-сюда, в двери – в руки. Игра несколько не утомляет ребенка, наоборот, видно, что он неподдельно ей рад.

Широкоплечий мужчина нависает над пультом протокольного доступа, начинает манипуляции, вызывая кабину на этаж. Мимо проходят веселые, жизнерадостные люди. У многих в руках надувные шары и куски сахарной ваты. Они на считанные секунды попадают в кадр, исполняя в разыгрывающемся представлении роли безликих статистов.

– Был ли установлен голосовой контакт? – сухо интересуется один из чиновников, нарушая царящую в кабинете тишину.

– Так точно. Дистанционный, – так же бесцветно отвечает ему сосед, внимательно всматривающийся в куб амбивизора. – ЛПС-44 отреагировал на отклик за три уровня сверху.

Мужчина на экране завершает протокол, отходя от пульта и посматривая на информационное табло. Женщина грозит сыну пальцем, но не прерывает разговора с мужем. Мальчик вежливо здоровается с лифтом, но продолжает забаву, бросая мяч в его двери и ловя на отскоке.

Картинка чуть зернит, по изображению пробегает редкая рябь – камеры наблюдения не отличаются высоким качеством съемки. В следующую минуту происходящее внутри куба будто замедляется, движения становятся плавными, словно под водой бассейна. Скачущий мяч (дверь-руки-дверь) прыгает медленнее, будто решил вздремнуть в полете. Женщина что-то рассказывает супругу, помогает себе жестами, жизнерадостно хохочет. В ответ мужчина усмехается и разводит руками. Слов не слышно, но одной серой картинке хватает, чтобы понять – это очень счастливая семья, в которой редко ссорятся и еще реже кричат на единственного сына.

Отец семейства стоит к лифту правым боком, пульт доступа не виден за его широкой спиной. Женщина – левым, почти выпустив сына из поля зрения. Картинка сотен оттенков мышиного словно темнеет, как будто специальным кинематографическим эффектом решается усилить эффект происходящего в амбивизоре. Мальчик кидает мяч точнехонько в стык двух сверкающих створок лифта.

– Где сейчас ЛПС-44? – спрашивает любознательный зритель, сидящий ближе всех к проволочному кубу.

– Полтора уровня вверх, минует техплощадку, – отвечает ему все тот же сосед, делая новую скрипучую пометку в планшете.

– Причину установили? – так же спокойно и равнодушно интересуется первый.

– Кратковременное заедание главного шкива приводного механизма, – сверяясь с записями, удовлетворяет его любопытство второй. – Неисправность была устранена в тот же день...

«Тот самый день», о котором говорит чиновник, сидящий в темноте перед амбивизором, продолжает воспроизводиться с неотвратимой обреченностью. Черно-белый, беззвучный. Но всем сидящим в кабинете будто наяву слышно, как стучит в дверцы кабины неугомонный детский мячик зеленого цвета, ударяется о выпуклые серебряные поверхности, отскакивает к улыбчивому мальчугану. Руки малыша чуть сгибаются, ловя игрушку, и распрямляются снова, отправляя мяч вперед. Тот летит к дверям, чуть по дуге, неспешно и величественно.

В этот момент на информационном табло вспыхивают протокольные символы, означающие прибытие кабины. Сверкающие створки распахиваются. Не встречая преграды, мяч залетает внутрь. Мальчик бросается за ним. На черно-белой картинке, едва имеющей объем из-за единственного источника съемки, видна темнота, глубокая, пугающая, за которой ничего нет. Она царит меж распахнутых серебристых дверей, только подчеркивающих контраст своим цветом. Зеленый резиновый шарик влетает в этот пласт тьмы, мгновенно исчезая. Ребенок, метнувшийся за игрушкой, одним прыжком минует порог кабины... которой за порогом нет.

– ЛПС-44 запротоколировал несанкционированное открытие? – все тем же безжизненным, лишенным эмоций тоном интересуется главный зритель.

– Да, но с опозданием. Несовпадение скорости прибытия привело к десинхронизации внешнего и внутреннего процессоров, – услужливо комментирует коллега, который уже неоднократно просматривал запись до этого сеанса.

Время замедляется еще сильнее.

Женщина успевает среагировать первой. Она рывком поворачивается к дверям шахты. Глаза ее раскрываются широко-широко – это заметно даже на примитивной амбикарте системы внешнего наблюдения. Зрители точно знают, что из ее открытого рта вырывается короткий дикий крик...

Ноги шаркают по полу кабинета. Фигуры в плащах с капюшонами склонились над амбивизором, будто колдуны над волшебным шаром, в котором видно будущее. В помещении тишина. Внутри объемной картинке – тишина. От этого становится еще страшнее...

Мужчина, повернувший голову чуть позже, словно уменьшается в размерах. Плечи его опускаются. На какое-то короткое мгновение кажется, будто он усох, резко потерял в росте и весе. Гримаса искажает его широкое добродушное лицо. Он протягивает руки, шагает к порогу.

Мальчик исчез вслед за зеленым мячом. Его поглотила тьма, внутри бесцветного изображения кажущаяся бездонной. Женщина бросается следом. Самоотверженно, как умеют лишь мамы, бесстрашно и не задумываясь о собственной безопасности. Люди-статисты, гуляющие вокруг столбообразной шахты, застывают на своих местах, вздрагивают. Их привлек отчаянный крик. Они хмурятся, озабоченно оборачиваются, руки со сладким лакомством застывают, не донеся угощение до губ.

Мужчина успевает схватить жену за талию, когда та уже наполовину тонет в густой клубящейся мгле за порогом шахты. Женщина бьется, кричит, все еще намереваясь шагнуть во мглу, словно не понимая, не желая понимать – она опоздала, и сыну уже ничто не может помочь.

На лицо отца невозможно смотреть без сострадания. Оно перекошено, словно тот пытается вытянуть из открытых дверей лифта не хрупкую супругу, а многотонный мешок с камнями. На щеках мужчины что-то блестит. Женщина, извиваясь в его хватке, лупит мужа по рукам, будто умоляя ее отпустить. Он, наконец, вытаскивает ее наружу.

На информационном табло сверкают аварийные сигналы. Воеет сирена, которой зрителям не слышно. Прохожие-статисты со всех сторон сбегаются к шахте, кто-то бросается к темному провалу, заглядывая туда так, словно еще в силах что-то изменить...

Муж сминает жену в великанских объятиях. Бережно, но сильно-сильно, не позволяя ей совершить бездумное и страшное. Та бьется в истерике, содрогаюсь всем телом, что-то кричит, пытается вырваться. На черно-белом экране отец семейства, еще две минуты назад смешливый и добродушный, поворачивается к иссиня-черному провалу. В глазах его мерцает что-то... что-то темное, как клубящаяся за порогом пустота. Так он и стоит: совершенно неподвижно, сжимая в руках беснующуюся супругу, не отрывая от шахты пристального, навсегда окаменевшего взгляда.

Запись заканчивается. Внутри проволочного куба мелькает титр об окончании трансляции. Важный чиновник, задававший вопросы, поднимается из своего кресла, хрустя коленными суставами.

– Лифт на полную перекалибровку процессора, – негромко, но весомо приказывает он, и со всех сторон начинает скрипеть хор стилусов. – Взять со свидетелей расписки о неразглашении. До полной починки ЛПС-44 место оцепить, шахту закрыть. Я лично поговорю с родителями мальчика...

В кабинете безымянного городского чиновника включается свет.

Резко, одним щелчком.

Введение

Эта история произошла через две учебных четверти после того, как наши герои – Витя, его брат Дима и их сестренка Настя – очутились дома. Они вернулись из необычного, полного опасностей и поразительных открытий путешествия, куда попали благодаря своему любопытству и парочке нарушенных правил. Но в первую очередь благодаря странному Лифту Высокого класса, который отвез их далеко-далеко, вынудив совершить судьбоносное восхождение на милый сердцу Заботинск¹.

Впрочем, раз уж пришла пора рассказать вам вторую часть этой истории, не станем торопить события. Вместе с отважными героями окунемся в пучину повествования, старательно восстановив его подлинную картину и не упуская ни единой детали!

Наша история крепко связана с удивительным и необычным местом под названием Спасгород. Отдаленно напоминая высоченную стопку блинов (внутри каждого из которых жили и работали люди), больше всего он был похож на гигантский металлический цилиндр, поделенный на этажи, которые местные обитатели привыкли называть просто – полянами.

Была ли Родина наших героев башней или являлась выкопанным в земле колодцем? Этого ее жители знать не могли, восхищаясь величием и уникальностью своего дома изнутри. Но не стоит думать, что наружу спасгородцы не выбирались из-за лени или безразличия – путь за внешние стены был закрыт по причине страшной и смертельной опасности, подстерегавшей вовне любое живое существо.

Смирившись с ее незримым существованием, миллионы жителей многоэтажного железного цилиндра (давайте условимся, что для удобства в нашем рассказе он останется «башней») обосновались на просторных и высоких полянах, даже не помышляя о вылазках. День за днем они трудились на своих рабочих местах, коротали вечера в кругу семьи в аккуратных домишках под черепичными крышами, отдыхали на специальных развлекательных ярусах, воспитывали детей и ходили по магазинам.

Пожалуй, неторопливое бытие спасгородцев отличалось от нашего с вами скукой, огромным количеством запретов и определенным однообразием. Но, стоит отметить, что среди взрослых представителей этого общества встречалось на удивление мало недовольных таким существованием. Причиной тому служила... нет, простите, эдак я забегу вперед, а ведь совсем недавно обещал быть последовательным.

Продолжим!

Жизнеобеспечение Спасгорода обеспечивала целая армия всевозможных машин, агрегатов и механизмов, построенных теми же талантливыми учеными, что проектировали и возводили сам город. Уникальная прожектор-машина Светоч-ЗСИ-2 с ее сотнями тысяч специальных зеркал заменила горожанам солнце, проникая на каждую поляну и даже имитируя смену времени суток. Мощнейший генератор кислорода Поток-ЗВИ-4 наполнял ярусы чистым воздухом и поддерживал комфортную температуру.

Особенные аппараты создавали снег на полянах для зимних видов спорта и искусственные облака, блуждающие под сводами полян. Вероятно, и то и другое основательно отличалось от того, что наблюдаем мы с вами. Но спасгородцев этот вопрос волновать не мог, а усилия трудолюбивых механизмов делали их жизнь чуть краше, разнообразнее и уютнее.

Однако главными помощниками обитателей башни оставались Лифты. Нет-нет, совсем не те бездушные кабины, какие мы с вами можем встретить в своих жилых домах, торговых комплексах или деловых центрах. Лифты Спасгорода были разумны, обладали индивидуальными характерами и даже свободой воли.

За Лифтами приглядывала всесильная Гильдия Смотрителей – профессиональная организация самых талантливых и умелых инженеров и механиков. Впрочем, мудрость и проницательность членов Гильдии со временем стали настолько нарицательны, что в руках ее представителей оказалось как шефство над Лифтами, так и негласный контроль над всей

¹ Читайте об этом в книге Андрея Фролова «Путь наверх». (Прим. ред.)

жизнедеятельностью Спасгорода. С их согласия и одобрения утверждались законы, распределялись ресурсы, наказывались виновные и вознаграждались достойнейшие.

Увы, главные действующие лица нашей истории, хоть и являлись отважными героями, получить награду из рук Смотрителей никак не могли. Ведь за несколько дней возвращения в родной поселок они успели узнать нечто таинственное и не совсем хорошее (чего не полагается знать даже взрослым Спасгорода) и до сих пор были вынуждены хранить это в строжайшей тайне.

Не вдаваясь в подробности предыдущих злоключений Вити, Насти и Димки, скажу лишь, что судьба изрядно помотала всех троих. Познакомила сразу с несколькими уважаемыми и мудрыми Лифтами, а также едва не погубила в руках Александра Дрейфуса, Мучителя Лифтов и Собирателя Процессоров, которому сами разумные механизмы дали зловещее прозвище Мглистый Механик.

Вернувшись на домашнюю поляну, в поселок под названием Заботинск, путешественники провели необычную и совсем не детскую беседу с Петром Петровичем, своим любящим отцом. С человеком, против воли выполнявшим не самые чистоплотные приказы Гильдии Смотрителей... В то раннее утро они тихо переговаривались на кухне, словно заговорщики. Тогда дети пообещали, что никогда, никому и ни при каких обстоятельствах не станут рассказывать о том, что видели во время своих странствий по нижним полянам.

Впрочем, один раз ребята вплотную подошли к тому, чтобы приоткрыть занавес секретности. В день, когда выполнили обещание, данное Ворчуну, и намекнули папе, что где-то внизу один уважаемый Лифт остро нуждается в профосмотре и замене деталей. Петр Петрович с пониманием отнесся к туманным намекам – по цепочке коллег передал дело соответствующей бригаде. Вскоре старику оказали помощь, и более эта тема в семье не поднималась.

Возвратившись в школу, Настя и ее братья без труда наверстали пропущенные уроки. Довольно скоро они вновь влились в поток неспешной привычной жизни, в которой нет места оборотням, сумасшедшим механикам и жутким существам, населяющим нижние уровни башни.

И так продолжалось до тех пор, пока однажды, обычным утром (мы ведь помним, что любое приключение обычно начинается именно в такой – ничем не примечательный день?) вспыльчивый и простодушный Димка не исчез прямо из здания средней образовательной школы...

Глава первая, в которой старые знакомцы встречаются безрадостно, а кое-кто отправляется на поиски беглеца

Под сводами школы прокатилась звучная мелодичная пульсация, отмеряющая конец урока. И в тот же миг в десятке аудиторий, как и в нашем мире после звонка, зашаркали в предвкушении большой перемены сотни ног. Сотни глаз устремились на двери классов, а самые строгие преподаватели даже прикрикнули на наиболее нетерпеливых учеников, напоминая, что «музыкальный пульсар – для учителя».

Впрочем, в этот день на перемену рвались далеко не все: либо отличники (они закончили контрольную раньше остальных), либо двоечники (они с задачами справились абы как, но тоже заранее). Остальные девчонки Настиного класса торопливо дописывали ответы и тетради сдавать не спешили – в общеобразовательной школе Заботинска шел день проверочных и тестов.

Еще раз пробежав взглядом по странице с работой, Настя поймала себя на мысли, что совсем не испытывает волнения. Она точно знала, что самое неприятное, способное угрожать ее оценке – это крохотный минус после пятерки. И то, скорее всего, за чистописанное и оформление. Потому что материал – гигиена и санитарный самоконтроль работника

фермерской поляны – у Насти, что называется, «отскакивал от зубов».

И никакого секрета в этом не было.

Просто ее мама – яркая и жизнерадостная Юлия Николаевна – уже не первый год трудилась на одной из таких полян, ухаживая за опасными, но невероятно полезными буренками. Естественно, она раскрыла дочери все тонкости профессии – в том числе и те, которых не найти в учебниках.

Дождавшись, пока староста дойдет до ее парты, Настя протянула однокласснице тетрадь. Как и большинство школьных тетрадей, та была изготовлена из плотной сероватой бумаги, скорее напоминавшей картон. Такая технология прибавляла листкам и переплету немало веса, зато делала блокноты многоразовыми, позволяя слой за слоем счищать исписанные поверхности.

Девочка бережно закрутила колпачок счастливой авторучки, которой выполняла только контрольные и промежуточные тесты (нужно признать, «удачливая» ручка еще ни разу не подвела ее), и убрала талисман в портфель.

Учительница тем временем неторопливо перелистала собранные старостой работы. Осмотрела класс поверх крохотных очков и великодушно кивнула:

– Урок окончен, все свободны. Увидимся послезавтра.

Самые нетерпеливые ученицы тут же ринулись к выходу, толкаясь и смеясь. Остальные неспешным ручейком потянулись за ними, а кабинет наполнился шорохом отодвигаемых стульев и детскими разговорами.

Прощавшись с учительницей, в школьный коридор вышла и Настя, весьма жизнерадостно помахивая портфелем. Если остальные проверочные пройдут так же легко, она вновь закончит четверть с одними пятерками!

Холл рекреации был заполнен девичьими бантами, как летнее поле распустившимися цветами, – в школах Спасгорода предпочитали раздельное обучение, и поэтому классы целиком состояли либо из девочек, либо из мальчиков. Однако на переменах ученикам позволялось общаться, а потому первые гости из «мужской» части здания уже пробрались на чужую территорию.

Двое известных забияк бросились сквозь толпу, дергая школьниц за косички и щипаясь. Со всех сторон раздался пронзительный визг, которым девочки провожали возмутителей спокойствия, а на головы ребят обрушились увесистые портфели и стопки учебников – Настины сверстницы знали, как дать хулиганам отпор.

Сама Настя в игре участвовать не захотела. Она быстро прошла сквозь шумный коридор, ловко избежав дерганья за пышный хвост светлых, чуть желтоватых волос. Легким бегом спустилась на первый этаж и торопливо вышла во внутренний школьный двор, сейчас почти безлюдный. Большую перемену девочка решила провести на лавочке под лучами Светоча, дочитывая жутко интересную книгу, совсем не относящуюся к школьной программе.

В ней рассказывалось про гигантскую мифическую поляну, сплошь затопленную водой, в толще которой поселилось таинственное белоснежное существо с кучей щупалец. Главный герой романа, отважный капитан из гильдейской Стражи, дал слово поймать мутанта, постоянно портящего очистительные установки, и посвятил этому большую часть жизни². Там, где Настя остановилась в последний раз, одержимый смельчак готовился к спуску на дно в специальном непроницаемом корабле, чтобы дать чудищу последний бой.

При описаниях подводной твари девочка ежилась даже под яркими теплыми лучами, невольно вспоминая мерзопакостную бабушку Красимиру, порождение технических лабиринтов и псевдополян. Но упоение от тайного знания, что далеко не все описанное в книге – выдумки, пересиливало страх, и она упорно листала станицу за страницей.

² В нашем мире есть книга с похожим сюжетом. Это знаменитый роман американского писателя Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит», написанный в 1851 году.

Вообще-то отведенный на отдых и бесплатный обед час можно было посвятить повторению материала перед грядущими контрольными. Но Настя (равно как и ее братья) училась более чем прилежно, а потому имела возможность тратить свободное время для собственного удовольствия. Причем, стоит отметить, успеваемость ребят не снизилась даже после известного *происшествия*, когда пропавших детей несколько дней искал весь перепуганный Заботинск.

Но, несмотря на стабильно высокие оценки, внимание учителей к троице все же увеличилось. Не проходило и недели, чтобы одного из наших героев не оставили в школе после уроков на психологическое тестирование или «душевную беседу» с классным руководителем.

Учителей и высоких мускулистых мужчин в штатской одежде (с повадками Стражников Гильдии) интересовало, не вернулась ли к беглецам память. И если многие сотрудники школы действительно хотели помочь детям восстановить эмоциональный фон, то аналитики Стражи жаждали лишь деталей и подробностей: кто увел их с поляны? Кто вернул? Что они видели, пока находились за пределами Заботинска? В каких технических помещениях побывали? С кем разговаривали и что слышали?

На все эти вопросы тройняшки, как и условились заранее, отвечали немногословно и незамысловато – «мы не помним». Оставался непреклонен и Петр Петрович, их любящий отец, которого на работе для профилактического разговора вызывали по два раза за смену. И даже, пытаясь надавить и сломить, сократили заработную плату. А еще скрывать тайну помогал поступок мамы, сразу спалившей в подвальной печи военную форму (в которой дети вернулись домой).

До сих пор никто из юных заговорщиков не мог дать точного ответа, почему Юлия Николаевна поступила именно так. Может быть, из-за брезгливости к чужой одежде, да еще и весьма грязной и заношенной? Может быть, из-за опасений подхватить заразу? А может, потому, что (хоть и не лезла в чужие тайны) тоже хотела помочь и защитить семью от излишнего внимания Смотрителей?

Как бы то ни было, карантинные службы не нашли в доме никаких следов униформы с поляны Казарма. Соседи и поселковый урядник Саньч (он первым встретил путников после восхождения на Заботинск) трепать языками тоже не спешили, а потому легенда путешественников о беспамятстве продолжала хранить общий секрет...

И все же, несмотря на бесплодность разговоров с вежливыми мужчинами в строгих костюмах, дети улавливали на себе чье-то пристальное внимание. Было сложно сказать, в чем оно выражалось – в ощущении невидимой слежки или же в опасливой настороженности со стороны посельчан. Но оно покрывалом нависло над Настей, Витей и Димкой, заставляя быть пайныками и обсуждать свои приключения исключительно шепотом и хорошо заперев окна...

Чаще всего это происходило, когда приходили ночные страхи. Кошмары, предельно яркие и реалистичные, время от времени посещали их всех. В такие моменты ребята просыпались на скомканных простынях, укрываясь одеялом до подбородка, и торопливо зажигали прикроватные светильники. Чтобы прогнать липкие видения, они собирались вместе (чаще всего – в комнате братьев), тихонечко делясь заново пережитыми волнениями.

Тени по углам спальни казались злобными и густыми, имевшими собственную плоть и душу. А иногда даже мерещилось, что в одной из них – самой непроглядной – угадывается высокий угловатый силуэт великана в брезентовом фартуке, заляпанном машинным маслом уничтоженных Лифтов.

Зловещий образ преследовал их во снах, заставлял пугаться шорохов и раздвигать шторы. Все потому, что один раз проснувшийся среди ночи в слезах Витька убеждал брата и сестру, что видел обвешанного трофейными шестеренками безумца прямо во дворе их дома, рядом с белоснежным палисадом и столом, который семья использовала для воскресных обедов на свежем воздухе.

Этот яркий ночной кошмар заставил вспомнить (а ведь прошло уже немало времени)

мимолетный образ, замеченный ими после возвращения на Заботинск – зыбкую дымку, смутную фигуру во внешней стене. И отныне не проходило и нескольких дней, чтобы все трое не сравнивали тот момент с недавним сном Виктора, пытаясь определить, идет ли речь о призраке погибшего чудовища, или же потрясенное сознание брата до сих пор порождает пугающие галлюцинации.

Ночные перешептывания ответов на эти вопросы не давали. Но от них все равно становилось чуть легче, и ребята разбредались по кроватям, точно зная, что рядом есть родные, которые понимают и готовы помочь...

Настя уселась на скамейку школьного двора и поставила портфель возле ноги. Открыв книгу, проводила взглядом двух девочек из старшего класса, о чем-то судачивших между собой. Те покосились на нее, но мельком, обсуждая что-то сугубо личное. Наверняка делились свежими сплетнями – время интереса к персонам «беглецов с Заботинска» у сверстников прошло еще месяц назад.

Более того – кто-то вообще распустил по школе слухи, что близнецы никуда не исчезали. Мол, отсиделись в подвале заброшенного дома на Пустыре, чтобы привлечь к себе внимание взрослых, и не более того.

Посыпались насмешки и оскорбления, но наших героев такая точка зрения устраивала абсолютно. Так в поселке стихли все разговоры об их исчезновении. И даже со своими собственными родителями они эту тему поднимали все реже. Знаете, как говорят – время лечит? Это истинная правда, скажу я вам!

Папа не касался «запретной» темы, потому что *догадывался*, где и при каких обстоятельствах могли побывать его дети. Мама – потому, что не умела долго думать о грустном. И пусть ребята не знали, на чем именно сходились взрослые в родительской спальне, обсуждая случившееся, но Юлия Николаевна вновь стала жизнерадостной, веселой и беззаботной. Она старалась ничем не напоминать родным о том тягостном утре, когда урядник встретил троицу на окраине поселка.

Безусловно, всех троих наказали за такой безответственный поступок. Но когда наказание завершилось и дети вернулись в школу, все беседы об исчезновении в семье машинально оказались под негласным запретом...

Итак, мы остановились на том, что Настя села на скамью школьного двора, не обращая внимания на визг резвящейся малышни начальных классов, и раскрыла любимую книгу. И когда она уже была готова вновь погрузиться в пучины таинственной поляны, где отважные охотники выслеживали опасное существо, на страницы романа легла тень. Девочка насупилась, поднимая голову, и уже открыла рот, чтобы попросить не мешать ей, как... увидела родного брата, стоящего возле лавки.

Витька – симпатичный светловолосый мальчишка, уже не ребенок, но еще не подросток, – стоял прямо над сестрой, молча и загадочно расположив свою тень ровно поверх книги. Глядя на него, Настя будто смотрелась в зеркало, до того они походили друг на друга, и только более тонкие черты лица, длина волос и несколько сантиметров роста отличали девочку от братьев.

– Витька? – изумилась она. – Чего встал? Не видишь, я читать собралась?

Но тот лишь нахмурился, от чего на ее сердце вдруг набух тяжелый комок неприятных предчувствий. Она козырьком приложила ко лбу руку, глядя против лучей Светоча, и только теперь рассмотрела, как бледен Виктор. От одного его вида Насте стало не по себе, и она сразу (ярко-ярко, будто это случилось вчера) вспомнила Лифт Высокого класса, на котором они вслед за отцом укатили на Реакторную Станцию.

– Всемогущие процессоры, – выдохнула Анастасия, медленно закрывая книгу. – Что-то случилось, братик?..

Витька тяжело опустился на скамейку рядом, кладя руки на колени. Смотрел он перед собой, и в мальчишеском прищуре плескалось сомнение. Его портфель стукнулся об упругое резино-асфальтовое покрытие школьного двора.

– Димка пропал, – подавленным голосом прошептал он, не глядя на Настю.

– Как пропал? – Пальцы девочки машинально затеребили завязки на легкой черно-желтой куртке, входившей в ученическую форму. – Ты что такое говоришь?

Она невольно осмотрела двор, словно брат задумал неудачный розыгрыш, а выдумщик Димка притаился где-то неподалеку, например, за спортивными тренажерами.

– А вот так... – продолжал Витя, по-прежнему сидя прямо и держа руки на коленях. – Пропустил контрольную по физико-механике. Важную. А ведь еще утром совещались, какой сегодня ответственный день...

Это было правдой – умываясь, Настя слышала, как мальчики обсуждают предстоящий День Тестов, в течение которого учителя проверяли уровень знаний по основным предметам.

– Думал, он всего лишь опаздывает, – прошептал Витька и потупился на пыльные носки высоких ботинок на липучках. – А затем контрольная началась, и я уже не смог выйти из класса... Раньше всех закончил, едва отпросился в туалет, всю школу облазил. А его нету...

– Витенька, родной... – Настя потеряла все слова, которыми можно было обрисовать ситуацию или хотя бы успокоить брата. – Так может, он прогулять решил? Мы же знаем Димку... он ведь иногда убегает, да? На футбольное поле или на мосты со старшеклассниками...

– Я тоже сначала так подумал, – сокрушенно покачал головой мальчик. – Но после урока залез в наш секретный сейф под партой...

Уже приготовившись услышать самое неприятное, Настя прижала ладошку к распахнутому в немом крике рту. Она знала, что у братьев есть целая сеть «тайников», известных только им двоим. В таких местах обычно прятали занятные стекляшки, спички, любопытные погремушки с Пустыря, коллекцию с картинками из журналов про самокаты и подобную бесценную для мальчиков мелочь.

Один из таких тайников существовал и в школе...

– И что там? – едва слышно спросила девочка.

– Записка, – коротко ответил Витя.

На его бледной левой щеке, словно нарисованные слезы, проступили крохотные багровые шрамы – отметины давнего поединка с Мглистым.

– Вот, сама почитай...

И он протянул сестре крохотный клочок бумаги, исписанный несколькими мелкими строчками.

Настю вдруг обуяла такая лютая тоска, что любимая книга выскользнула из пальцев и упала под скамью, а она даже не заметила. Протянув руку так, словно брала не записку, а опасное насекомое, девочка взглянула на неровные строчки. Она узнала торопливый почерк брата, и в глазах вдруг поплыло от непрошенных слез.

Вздохнув, Настя начала читать.

«Витька, привет, только не злись я знал, что ты найдешь записку. Меня не теряй, я вернусь к вечеру очень скоро. Папе и маме ни слова. Охнуть не успеют, я буду дома. На уроках прикрой, про отлучку завтра что-нибудь придумаю (контрольные пересдам на каникулах). Объяснить ничего не успеваю, но должен помочь старому другу. и еще мне присни В общем, это важно, ты поймешь. Настене ничего не говори, чтобы не волновать. До скорого!»

Внимательно перечитав записку дважды, она аккуратно свернула листок, спрятав в ладони.

– Вот так, – пожал плечами Виктор. Кивнул на крепко сжатый кулачок сестры. – Видимо, оставил ее еще до первого урока. Выходит, он сбежал больше часа назад...

– Но куда? – задала риторический вопрос та. – И что за *друга* он имел в виду?

– Явно не Жадного со Станции, – огрызнулся мальчик, но тут же виновато поджал губы. – Прости, я злюсь...

– Понимаю, – спокойно ответила сестра. – Но мы же можем предположить, кто это?

– Да, – по лицу Виктора было заметно, что его прежние размышления ни к чему

хорошему не привели. Он понизил голос и придвинулся к девочке. – Скорее всего, это кто-то из Лифтов, помогавших нам вернуться наверх...

– Ой-ой-ой, мамочка... – выдохнула Настя. – Чтобы Димка вот так внезапно все бросил? Он же нас всех подставляет под удар... А как же тайна? Как же папа? Витенька, если его схватят, точно отправят в исправительный интернат...

– Тише, дуреха, – шикнул Витька. – Да, если схватят, ему несдобровать...

– И что же делать?

Она посмотрела на записку, будто та могла подсказать выход из непростой ситуации, в которую втянул их брат.

– Остается только одно, – мальчик упрямо тряхнул светлой прядкой. – Найти его и вернуть...

Девочка даже отодвинулась, глядя с недоверием и опаской.

– Ты с ума сошел? Сегодня же день контрольных работ! Если завалимся, на каникулы не выйдем!..

– Да какие каникулы вообще?! – покусывая губу, излишне резко переспросил Витя. – Димка полез в неприятности. Ему опасность может угрожать, а ты про школу думаешь! А что, сестренка, если нам не *привиделось*? Что если Мглистый жив и заманил нашего брата в западню?

Его руки наконец-то пришли в движение, хлопнув по коленкам.

– Нет, другого решения не вижу, – Виктор осмотрел двор, заполненный учениками, и повернулся к сестре. – Я иду за ним. Ни один из нас не справился бы с опасностями возвращения на Заботинск, если бы остался в одиночестве. Не могу позволить Димке пропасть...

– Витенька, – взмолилась Настя. – Неужели это единственный выход?

Но она и сама уже знала ответ.

В ситуации, в которую они угодили со своей тайной, помочь сбежавшему брату не могли ни урядники, ни Стража Гильдии. И даже Петр Петрович, о многом догадывавшийся, не мог выручить сына.

– Да, ты прав, наверное... – девочка нагнулась, на ощупь вынимая из-под скамейки приключенческую книгу и убирая ее в портфель. – Но я с тобой! – добавила она уже гораздо уверенней.

– Точно? – покосился на нее брат. – Могла бы прикрыть дома, *если что* ...

– *Если что*, – поморщилась Настя, – нас уже никто не прикроет. Согласен?

– Верно, – Витя встал, забрасывая портфель на плечо. – Итак, нужно понять, каким временем мы располагаем.

Он, задрав рукав куртки, важно изучил новенький наручный хронометр, которым очень гордился. Личный прибор для измерения времени ему подарили за победу на недавней школьной олимпиаде по биологии. Сверкающий, с крохотными золочеными стрелками, на ремешке из искусственной кожи – хронометр стал предметом зависти всех двоечников школы. С тех пор мальчик не упускал случая прилюдно воспользоваться ценным и редким для подростка устройством.

– До конца большой перемены сорок минут, – сказал Витька. – Если пропустим еще одну контрольную, это плюс сорок. Потом нужно возвращаться, иначе поднимут шум. У тебя дальше что по расписанию?

– Кройка и шитье.

Настя встала следом, пряча записку в карман куртки. Ласка Светоча уже не грела, до того стало холодно на сердце.

– У меня там почти «автомат», пропустить могу. А вот потом кулинария, ее прогуливать никак...

– Это уж как выйдет, – мальчик неопределенно дернул плечом и спрятал хронометр под рукав. – Убери портфель в шкафчик, встречаемся у ворот через три минуты. Успеешь?

Девочка кивнула, от чего пшеничный хвост волос подпрыгнул, хлопнув ее по спине.

– Не опаздывай, – распорядился брат. – И ни с кем не разговаривай.

Быстрым шагом, не дожидаясь ответа, он зашагал к школе, сосредоточенный и хрупкий.

Осмотревшись, словно за ними кто-то подглядывал, Настя припустила к ближайшему входу в рекреацию для девочек, где у каждой ученицы имелся собственный шкафчик для самых тяжелых учебников, сменной одежды на физкультуру и запасных карандашей.

Ее потряхивало от страха и предвкушения, а потому казалось, что из всех окон подглядывают учителя, каким-то образом узнавшие о готовящемся побеге. Она влетела внутрь и, стараясь не глядеть по сторонам, добралась до шкафчика. Дрожащими пальцами набрала на замке трехзначный код, кое-как записала непослушный портфель внутрь – пусть все думают, что школьница, дочитав книгу, наконец отправилась в столовую...

Затерявшись в шумной толпе учеников, девочка вышла из здания к воротам, где ее уже поджидал Витька. Мальчик был все еще бледен и хмур. Заметив сестру, он, первым выскользнув за пределы школьной ограды, торопливо зашагал в сторону остановки общественного транспорта.

Более не скрываясь, Настя поспешила следом. Девочка уже придумала, что ответит, если кто-то из любопытных одноклассников или учителей спросит, куда это она направилась?

– Забыла счастливую ручку, – скажет она, смущенно улыбаясь.

А так как в классе знали, что контрольные девочка пишет исключительно «счастливой» авторучкой, над ее суеверием поулыбаются, но домой отпустят. За этими размышлениями Настя даже не заметила, как школа и стадион остались далеко позади.

– Сюда, – зашипел Витька, прятаясь за шахтами Транспортных Лифтов, целый лес которых рос на углу ближайшего квартала.

Настя юркнула в укрытие. Здесь, невидимые из окон жилых домов и со двора школы, дети смогли перевести дух.

– Какой у нас план? – спросила девочка, но Витя не спешил с ответом, сначала уточнив:

– Тебя кто-то заметил?

– А?.. Вроде бы нет, – сестра покраснела – в момент бегства ей и в голову не пришло оглядываться в поисках слежки. – Все прошло гладко.

– Хорошо. – Витька потер переносицу, уже и так красную от его пальцев. Он всегда делал это в моменты неуверенности или раздумий, переняв жест у отца. – Тогда давай думать, куда мог пойти Димка.

Однако озвучить вслух, что братец снова сунулся в спящие Лифты или полез в технические ярусы, никто не решался. Какое-то время они молча смотрели друг на друга, морща лбы.

– Компетенция? – первым предположил мальчик.

– Возможно, – кивнула в ответ сестра. – Кто еще из наших знакомых имеет выход на Заботинск?

Такого не имел никто. Точнее, попасть на поляну мог бы Особый Лифт для Срочных Курьерских Доставок, которого называли Озорником – он являлся нестандартной моделью с функцией смены шахт при помощи специальных потолочных монорельсов, – но представить, где он сейчас находится, дети не могли.

Ворчун подняться на Заботинск точно не мог, а Великосветский Гранд знакомство с ребятами должен был держать в тайне – после того, как его кабина стала тюрьмой для страшного существа, называвшего себя бабушкой Красимирой, Лифт вызвал подмогу. Затем с благородным механизмом поработали чистильщики Смотрителей. И теперь, попав под особое наблюдение, он не имел права подвергать опасности своих спасителей, общаясь с ними. Оставалась только всезнающая Компетенция, доставившая ребят домой после их схватки с Мглистым...

– Значит, нужно найти пульт ее протокольного доступа и узнать, не видела ли она Димку, – уверенно подытожил Витя.

Ох, как же волновались они в этот момент! Пролетели какие-то полгода с тех пор, как близнецы покинули поселок, нарушив массу запретов и заставив родителей волноваться, не спать ночами и не находить себе места от беспокойства. И вот один из троих заговорщиков снова впутывался в неприятности, а остальные никак не могли оставить это на самотек и отправлялись в спасательную экспедицию.

Конечно, именно взаимовыручка и забота друг о друге помогли нашим героям пройти через все прежние испытания. Но в ту минуту, когда ребята, словно преступники или крысы, прятались в тени шахт, они думали не о братской взаимопомощи, а размышляли, как же крепко им влетит от папы и мамы, если Димкина проделка станет известна...

– Мы так давно *там* не были... – озвучила общие мысли девочка.

– Была причина, – поежился Витька, вспоминая прощальное видение Мглистого Механика, наблюдавшего за ними из тускло-освещенного проема технического лаза. – Но теперь выбора нет.

И он почти вышел на безлюдную улицу, когда сестра схватила его за рукав школьной формы.

– Только обещай мне, – сказала она, пристально глядя на брата, – что при первой же возможности мы вернемся в школу. Извинимся за прогул и возобновим привычную жизнь, хорошо?

– Обещаю, – честно ответил тот. – Но сначала намнем бока Димке, чтобы не выкидывал фортелей.

– С удовольствием помогу, – с вымученной улыбкой поддержала девочка. – Веди!

Они покинули скопление шахт, внутри которых гудели моторами трудолюбивые Лифты, развозящие по полянам рабочих и разные грузы. Как я уже отмечал, улицы были безлюдны – домохозяйки под черепичными крышами Заботинска занимались бытовыми хлопотами, отцы семейств находились на сменах, а дети – в школе.

Дождавшись, пока через соседний перекресток проскочит ярко-белый самокат поселковой службы урядников, дети углубились во внутриквартальные дебри, направляясь к Пустырю.

Этим загадочным словом жители обитаемых полей называли зону без построек, окольцовывавшую все населенные пункты. Пустынное кольцо стометровой ширины было одинаковым на многих ярусах, и Пустырь Складоугольска ничем не отличался от Заботинского. Груды пустых бочек и штабели ящиков во все времена оставались излюбленным местом детских игр, хоть родители за это и ругали.

Спрятавшись за стопкой деревянных паллет на самой окраине Пустыря, Настя взяла брата за руку, нащупав его немислимо ледяную ладонь. Именно в таком вот месте когда-то началось их неожиданное путешествие на нижние этажи Спасгорода, едва не стоившее жизни всем троим.

Сейчас они были готовы вновь пересечь Пустырь, очень надеясь, что совсем скоро смогут снова сесть за парты. Но ведь аналогичным образом они рассуждали и в прошлый раз, не так ли?

– У меня вся спина в мурашках, – признался Витька, внимательно осмотревшись, но не обнаружив никого вокруг. – Жуть как страшно.

– Ой, не нагнетай, – попросила Настя. – Если мы тут еще хоть на минуточку задержимся, я точно струшу и побегу писать телеграмму папе на работу, ябедничать на Димку, до того мне жутко...

– Ладно, пошли! – произнес мальчик, на негнущихся ногах выбираясь из-за штабеля. – Вход в шахту Компетенции должен быть где-то тут.

Оглядываясь на каждом шагу, брат и сестра пересекли просторный Пустырь, засыпанный мелким мусором. Местами резино-асфальтовое покрытие днища поляны порвалось или было демонтировано целыми кусками, и из таких провалов на детей посматривало ржавое железо.

Отсутствие привычных звуков поселка и таинственное урчание механизмов,

спрятанных во внешней стене города, усугубляло тревожную атмосферу, заставляя маленькие сердца биться чаще обычного.

Граница привычного мира приближалась – надвигалась, плавно изгибаясь влево и вправо, окольцовывая и будто бы обнимая Заботинск. Тут и там ее высокую неоднородную поверхность украшали хулиганские росписи из аэрозольных баллонов, пестревшие смешными человечками, странными угловатыми абстракциями и множеством гадких слов, неприятных воспитанным людям. В некоторых местах шпана удивляла, оставив надписи вроде «Васянчик и Пузо были тут» так высоко на внешней стене, что было заметно с самой границы Пустыря.

Добравшись до размалеванного участка границы, ребята обернулись. Их не покидало чувство, что из глубины поселка за ними внимательно наблюдает что-то терпеливое, неприметное, ждущее своего часа.

– Ищи вход... ее протокольный свет – фиолетовый, – напомнил Витя, принявшись изучать выступы, забрызганные краской.

Под ними различалось множество прорезей и отверстий, отмечавших утопленные в поверхность стены люки и лючки, двери и небольшие дверцы, ведущие к содержимому ниш с механикой и проводами.

От обилия тонких, едва различимых линий, скрытых ходов и лазеек рябило в глазах, а сам узор напоминал старинную причудливую вязь. Аляповатые граффити, за которые урядники почти ежедневно гоняли большую часть старшеклассников Заботинска, поиску тоже не помогали.

– Кажется, вот! – с надеждой предположила Настя, обеими ладонями давя на крышку небольшого щитка.

Под ним обнаружился планшет вызывного устройства, обрамленный тускло-фиолетовыми лампами.

– Компетенция, – удовлетворенно выдохнул Витя, разглядывая пульт.

Ему ужасно хотелось как можно скорее убраться с открытого пространства, даже если для этого придется лезть в технические катакомбы. Настя, судя по всему, нетерпение брата полностью разделяла.

– Начинаю протокол вызова, – оживленно прошептал мальчик, стараясь вспомнить правильную последовательность нажатия клавиш. – Только бы сработало...

Сестра, стоявшая за его плечом, боязливо косилась на *тот самый* участок стены, где им в свое время привиделся вернувшийся Механик. Ей казалось, что скрытая дверь вот-вот распахнется, а в нос ударит запах масла и едкой охлаждающей жидкости, в которую они уронили чудище.

– Что-то не выходит, – обиженно прошептал Витя, продолжая в разных комбинациях переключать реле. – Ну же, Компетенция, вы нам так нужны!

И вдруг отшатнулся от планшета, чуть не споткнувшись о дыру в покрытии пола: внутри стены внезапно замурлыкали моторы, завели свою протяжную песню могучие тросы, а по шахте вверх двинулось что-то объемное и увесистое – кабина Лифта.

Дети отошли от пульта на пару шагов и принялись терпеливо ждать, пока Компетенция поднимется на поляну. Настя все еще теребила завязки школьной куртки, Витька нервно покручивал на запястье ремешок хронометра. Прошло несколько минут, показавшихся нашим героям настоящей вечностью.

И когда ждать стало совершенно нетерпимо, за створками лязгнуло, а над скрытой шахтой вспыхнули фиолетовые огни. Лифт прибыл. Точнее, *прибыла*, потому что для общения с внешним миром Компетенция была запрограммирована на женскую модель поведения.

Наружные створки дверей с легким «ш-ш-ш» разошлись в стороны, но открывать кабину до конца Лифт не решилась. Выдвинувшись из специальных пазов, на детей нацелились поблескивающие объективы амбикамер.

– Протокол вызова выполнен, – женским голосом, всколыхнувшим в памяти героев

события полугодовой давности, произнесла Лифт. – Незапланированное прибытие на поляну, не входящую в стандартный регистр... О, да это вы?

Фиолетовые огоньки над дверями вспыхнули ярче, когда Компетенция узнала Витю и Настю.

– Здравствуйте, тетенька Компетенция, – вежливо поклонилась девочка. – Извините, что побеспокоили, но нам нужна...

– Вызов несанкционирован, вы об этом знаете, прогульщики? – вместо приветствия поинтересовались динамики кабины, расположенные по обе стороны от дверей.

Брат и сестра встревоженно переглянулись. Им показалось, что в голосе Лифта звучит пренебрежение, совсем не вяжущееся с теплыми словами, которыми она провожала их домой.

– Пусть будут крепки ваши тросы, уважаемая Компетенция, – прочистив горло, Витя шагнул чуть ближе к микрофонам, чтобы не повышать голос. – Вероятно, вы не узнали нас, но...

– Я узнала вас, юные смельчаки, – отрезала Лифт, заставив детей еще раз недоуменно переглянуться. – Но сейчас не те времена, когда мы вольны разгуливать по полянам, не имея на это должных оснований.

– Что вы имеете в виду? – изумилась Настя.

– Гильдия ограничила доступ к этой информации, – последовал строгий ответ. – Для чего вы вызвали меня?

– Кхм... – у мальчика опять запершило в горле, то ли от обиды, то ли от волнения. – А мы можем поговорить внутри? На Пустыре мы – как на ладони, и если вы утверждаете, что...

– Исключительно из уважения к вашей отчаянной попытке, – туманно и вовсе не дружелюбно проворчала Компетенция, но внутренние двери распахнула. – Быстрее. У вас пять минут, потом пора возвращаться, иначе меня хватятся или отследят. И тогда всем несдобровать...

Последнюю фразу Лифт произнесла таким зловещим и лишенным надежды голосом, что у Насти мгновенно пересохло во рту. В этот момент и девочке, и ее брату окончательно стало ясно, что побег Димки – вовсе не обычная школьная шалость. Но отступать было поздно, и они шустро юркнули в пустую кабину.

Словно живописная иллюстрация к их поступку, за спиной со щелчком сомкнулись створки.

– Имейте в виду, что я иду на контакт и нарушение протокола только из уважения к вашей смелости, – теперь голос Лифта наполнял кабину и лился со всех сторон. Амбикамеры в стенах внимательно рассматривали детей. – Итак, чем обязана?

– Мы ищем своего брата Диму, – сказал Витя, и Настя не возражала, что именно брат ведет все ответственные и важные переговоры. – Вы знаете, сегодня утром...

– Я понятия не имею, где он может находиться. Почему бы вам не поискать его в школе? – строго добавила Компетенция, заставив прогульщиков оцепенеть. – Если не ошибаюсь, сейчас он должен быть именно там. Как, кстати, и вы! Или кто-то отменил День Тестов?

Сбитые с толку таким недружелюбным приемом, ребята замешкались, растерянно пожимая плечами. Казалось, их знакомую подменили, ведь от былой теплоты и благодарности за избавление от Мглистого не осталось и следа. Что за память у некоторых Лифтов! Почти как у некоторых людей, не помнящих сделанного им добра...

– Так почему вы не в школе?! – продолжала сурово допытываться Компетенция. – Или нотации, прочитанные вам о пользе знаний, действия не возымели?

– Нет-нет! – щеки Насти вспыхнули, но она смело подняла лицо к объективам. – Что вы, уважаемая Компетенция, вы нас неверно поняли! Просто мы сдали все зачеты и тесты экстерном, а по половине у нас и вовсе «автоматы». Ваши лекции о пользе знаний произвели на нас неизгладимое впечатление, честное слово!

Витька изумленно покосился на сестру, от которой совсем не ожидал такого молниеносного лукавства. Но смолчал, понимая, что иначе их тут же высадят обратно на Заботинск. Да еще и в Гильдию, не ровен час, сообщат. А оттуда о прогуле узнают и родители, и тогда...

– Неужели? – с оттенком недоверия переспросила Лифт. – Ну что ж, польщена. Но это не отменяет нарушения протокола, милые дети. Побystрее изложите суть вопроса, наказания Смотрителей стали куда более строгими...

Мальчик потрясенно взглянул на Настю. Его рот открылся в невысказанном вопросе – наказания Смотрителей? Неужели люди, присматривающие за исправностью Лифтов и управляющие жизнью Спасгорода, способны кого-то наказывать?

Но девочка, казалось, исчерпала запас лжи и красноречия (уверяю, в тот момент ей было очень-очень стыдно) и уставилась в пол кабины.

– Как я уже сказал, мы ищем брата, – повторил Виктор. – Он ушел с уроков раньше, и мы считаем, что мог направиться куда-то...

– Я уже сообщила, что не видела Дмитрия, – холодно оборвала его Компетенция. – Ни сегодня, ни вчера, и вообще ни разу с той вашей попытки помочь Лифтам...

– Попытки? – пискнула Настя, но понимание душевной волной уже накрывало обоих. – Что вы имеете в виду?..

Ее брата словно шарахнули по голове огромной кувалдой, обернутой десятком слоев мягкого поролона. Он покачнулся, рукой опираясь на стену кабины, и обреченно зажмурился.

Все ночные страхи, от которых пытался избавиться их крохотный кружок хранителей тайны, разом вернулись, заскрежетали металлом, зловеще заухали из мглы. Витя уже догадался, что сейчас скажет Компетенция, и изо всех сил зажмурился, ожидая дурных вестей. Но, если закрыть глаза, проблема никуда не исчезнет, и почти сразу же Лифт озвучила самые тревожные предположения.

– Я не уполномочена раскрывать сведения из зашифрованных баз данных Гильдии, – бесстрастно произнесла она. – Но из уважения к вашему прошлому могу сообщить, что миссия на Аппаратной поляне Снежинка-РЗВ не увенчалась успехом.

– Он жив... – выдохнула Настя, и это был совсем не вопрос.

Мглистый Механик, от которого они пытались избавиться на поляне Радиатор, уцелел, но Компетенция не могла откровенничать с ними об этом, потому что так пожелали Смотрители. На побледневшего Витьку было страшно смотреть – теперь он с горечью осознал, в какую опасную авантюру ввязался их пропавший брат.

– Но мы же...

– Я знаю, вы пытались, – мягко перебила мальчика Лифт, и теперь в ее голос вернулись нотки тепла. – Но, увы, этого оказалось недостаточно... Впрочем, я и так сообщила вам больше, чем должна. У вас есть еще какие-то вопросы?

– Как же так? – прошептала девочка, но казалось, что она обращается сама к себе, скручивая завязки на куртке в самые немыслимые узелки. – Этого не может быть... Я же своими глазами видела, как он упал в бассейн...

– Немыслимо, – вслед за сестрой пробормотал Витя, но поспешил взять себя в руки: ожесточенно потер переносицу, замотал головой, прогоняя наваждение. – Нужно немедленно бить тревогу! Сообщить Страже, оповестить Лифты!..

– Тише, молодой человек! – Фиолетовые лампы Компетенции тревожно моргнули. – Не советую углубляться в озвученную проблему... Не советую, как друг и из уважения к вашему недюжинному интеллекту, – чуть тише добавила она. – Отправляйтесь-ка домой и постарайтесь забыть услышанное, договорились?

– Нет, не договорились! – раскрасневшийся Витька повернулся к объективам амбикамер. Из-за прилива крови к лицу на щеке стали отчетливо видны шрамы. – Если Гильдия не способна решить вопрос, дело до конца доведем мы!

– Витенька, не нужно... – Настя потянула его за рукав, но мальчик вывернулся, даже не

оглянувшись на перепуганную сестру. – Компетенция права, нам стоит вернуться домой...

– И нам помогут, вот увидите! – не сдавался тот, повышая голос. – Например... Гранд! Он может поднять тревогу! Или Озорник, как бы вы его не недолюбливали! Ох, ну конечно! – он резко вскинул указательный палец, словно нащупав верный ответ. – Облачко – вот кто способен помочь! Помнишь, Настенка, что он сказал нам при прощании? «Я никогда этого не забуду!» – вот что. Пришло время напомнить ему об обещании. Уважаемая Компетенция, пожалуйста, отвезите нас к Облачку!

– Братик, миленький, пойдем домой? – дрогнувшим голосом попросила девочка, перепуганная его вспышкой. – Конечно, я помню слова Ликвидатора Катастроф. Но враждовать с Мглистым – это не Сортировщиками командовать. Давай вернемся? Сообщим урядникам про Димку, они помогут... Иначе будет только хуже...

– Будет хуже, когда живодер Мглистый распотрошит еще сотню Лифтов! – вдруг повернулся к ней Виктор. – Отправит в утиль сотню уникальных созданий, сконструированных предками. Умных и человеческих машин, секрет строительства которых давно утерян. Кого из них тебе не жалко? Торопыгу? Или Великолепие? Сплетника, Богатыря, Очаровашку или Шесть Гаек? Будет хуже, когда Гильдия умолчит об этом, добавив происшествия в засекреченные архивы. Когда однажды ночью Механик придет в наш дом, чтобы отомстить за обиду. Вот тогда, сестричка, действительно будет хуже...

Компетенция молча выслушивала эмоциональную тираду, мерцая лампами на планшете управления. Когда мальчик замолчал, чтобы перевести дух, ее динамики снова ожили.

– У вас есть десять секунд на принятие решения. Я могу отвезти вас к Облачку, но это станет моей последней услугой, молодые люди. Решайте быстро, меня уже ищут!

Десять секунд.

Ах, какими бесконечными они кажутся нам, когда мы не можем найти нужную вещь, ждем звонка с урока или стоим в очереди. И как же быстро пролетают, когда необходимо не мешкать и принять решение, от которого зависит дальнейшая жизнь!

Витька машинально уставился на хронометр, но ладонь сестры ласково накрыла циферблат.

– Не смотри на время. Если ты идешь за Димкой, я с тобой. Но если одумаешься...

Она замолчала, многозначительно сжав пальцы.

Пахло старым пластиком, кисловатой пылью, линолеумом обшивки и затхлым воздухом шахт, попадавшим в кабину из вентиляционных систем Лифта.

– Я иду, – твердо произнес Витя, но бросил на двери короткий умоляющий взгляд. – Но, Настюха, может, хоть ты останешься? Еще есть возможность вернуться...

– Что у тебя за занудная манера талдычить одно и то же? – вместо ответа фыркнула девочка.

Теперь, когда решение было принято, она собралась с духом, и недавний страх сменился азартом. Пряча волосы под воротник куртки, Настя насмешливо покосилась на брата.

– Запомни – никогда не заставляй женщину повторяться, – она со смехом процитировала подслушанные у мамы слова, еще и подмигнув оторопевшему Виктору. – Только разозлишь. Уважаемая Компетенция, мы готовы к отправлению!

На этот раз Лифт даже переспрашивать не стала, уверены ли наши герои в принятом решении. За стенами кабины басовито запели моторы, и она скользнула вниз по направляющим, торопливо притворяя внешние двери. Пустырь Заботинска снова остался пуст и безлюден (во всяком случае, так казалось детям), и никто не заметил узкий силуэт, стремительно выскользнувший из-за груды пустых ящиков.

Несмотря на то что ребята успели настроиться на путешествие, грубоватый рывок Компетенции застал их врасплох. Настолько, что им пришлось ухватиться друг за друга, чтобы не упасть. Однако они ничего не сказали, а лишь посмотрели на призовой хронометр, с печалью наблюдая за бесповоротно ускользавшими минутами.

По сравнению с прошлой встречей, всезнающий Лифт казалась настроенной весьма прохладно. Наверное, если бы мысли брата и сестры не были заняты предположениями о судьбе Димки, они бы догадались, что Компетенция просто боится – новых правил Гильдии, вернувшегося Мглистого и того, что этот разговор могут услышать *не те* люди...

– Вы везете нас на фабрику по производству вещей? – чтобы хоть как-то разбавить сгустившуюся тишину, спросил Витя. – На Штамповальню?

Именно на той автоматизированной поляне, едва избежав клешней роботов Сортировщиков, дети когда-то познакомились с Облачком – разумным летающим механизмом, последним Ликвидатором Катастроф на весь Спасгород.

– Нет, – негромко ответила Компетенция, сосредоточенная на движении. – Насколько мне известно, в свое время вы даровали Оперативному Боту определенную свободу воли и перемещения. Поэтому он покинул место стационарной парковки на Фабрике-БАП... Теперь, когда флотилия вспомогательных ботов города вышла из строя на 99 %, подзарядка перестала быть проблемой – свободные гнезда можно найти на множестве этажей.

Новость о том, что проспавший долгие годы друг наслаждается вольной жизнью, безусловно, порадовала пассажиров. Однако в очередной раз доказала, что заранее продуманные планы имеют обыкновение рушиться и идти наперекосяк.

– А куда же тогда? – как можно спокойнее спросил Витька.

Его сестренка при этом зажмурилась и в красках представила себе множество гадких полян, которые путешественникам пришлось посетить во время прошлого приключения.

– У технического яруса, на который я доставлю вас, нет официального названия, – сухо ответила Лифт. – По большому счету само существование таких *прослоек* у многих вызывает сомнения, а найти их координаты можно только на очень старых картах.

– Технический ярус?..

Наполненные тревогой глаза девочки мгновенно распахнулись. Мальчик, догадавшийся, о ком именно сейчас подумала сестра, успокаивающе похлопал ее по плечу.

– Мы оба знаем, – доверительно зашептал он, – что *она* заперта в плену. Кроме того, у нас нет выбора...

– Совершенно верно, молодой человек, – чуткие микрофоны Компетенции расслышали его последнюю фразу. – Катать вас вверх-вниз у меня нет решительно никакой возможности. Поэтому, если вы всерьез настроены отыскать Ликвидатора Катастроф, то попрошу на выход!

И она активировала режим совсем неплавного торможения, от чего кабина дернулась и загудела.

В животах у детей разлилось тянущее чувство (знакомое всем жителям Спасгорода), будто кто-то сдавливал резиновый мяч, а ноги невольно подогнулись в коленях, подчиняя тела законам физики. Сглотнув слюну и стерпев головокружение, Витя повернулся к дверям. Не тратя время на дальнейшие объяснения и лишние разговоры, Лифт распахнула створки.

– побыстрее, – сдержанно попросила она. – Кто-то из ученых задействовал протокол вызова на поляне Химпромбыт. Я отправляюсь незамедлительно!

И она качнулась на тросах, довольно невежливо наклоняя пол кабины и поторапливая незваных гостей на выход. Возмущенно поджав губы, ребята шагнули за порог, абсолютно не испытывая желания благодарить Лифт за оказанную услугу.

Чуть позже, когда появилась возможность спокойно оценить произошедшие события, Виктор, разумеется, нашел причину такого поведения Компетенции. Но сейчас дети были так возмущены, что даже не обернулись попрощаться, когда двери закрылись, а знакомая всезнайка укатила по своим невероятно важным делам...

– Вот так полянка... – задумчиво прошептал мальчик, прислушиваясь к затихающему гулу моторов и разглядывая полутемный ярус.

Прижавшись близко-близко, Настя снова взяла брата за руку. И если бы вы тоже имели возможность рассмотреть так называемую *прослойку*, куда Компетенция доставила пассажиров, вы бы поняли причину беспокойства девочки.

Во-первых, ярус был очень низким – почти как этаж семейного домика в поселке Заботинск. Учитывая его огромную площадь, это создавало давящее, неопишимо-гнетущее впечатление. Оттого уже через пару минут пребывания под сутулыми сводами начинало казаться, что те медленно, миллиметр за миллиметром, опускаются, грозя раздавить в лепешку.

Во-вторых, техпрослойка крайне скудно освещалась. Лампы, по большей части перегоревшие или разбитые, виднелись повсюду, но горели в лучшем случае три из десятка. Да и те давали света не больше, чем флуоресцентный обод на циферблате Витькиного хронометра.

А в-третьих, ярус оказался густо захламлен всевозможными механизмами, назначения которых не понял бы даже Петр Петрович. Большая их часть пребывала в выключенном состоянии, опутанная сотнями метров пыльных энергетических кабелей. Но многие работали, гудя на низких частотах, как сердце трансформаторной будки.

Кроме агрегатов и проводов, повсюду виднелись могучие металлические фермы и распорки, поддерживавшие потолочные балки. Эти конструкции крепились друг к другу, к полу или крыше болтами, заклепками или огромными проржавевшими гайками, накрепко прикипевшими к резьбе. Непроходимый лес таких штанг и колонн со специальными ребрами жесткости ощутимо усиливал иллюзию давления и тесноты, от чего посетителям поляны становилось совсем неуютно.

– И как же мы найдем тут Облачко? – спросила Настя, также невольно понижая голос.

Витя ничего не ответил, пожал плечами и нервно покрутил ремешок на запястье. Техническая прослойка между полянами представлялась ему лабиринтом, в котором очень легко потеряться. Казалось, углубись в него, и шансы найти место, с которого начал путь по ярусу, тут же приблизятся к нулю.

– Может, здесь у ботов тоже есть парковочные боксы и планшеты призыва? – нерешительно предположил он.

Дети все еще прижимались спинами к внешней стене, не спеша делать по рифленому железному полу, усыпанному проводами разной толщины, даже крохотного шага. Со всех сторон слышалось мерное дыхание невидимой гидравлики, гул электричества и шорохи неясного происхождения, пугавшие больше всего.

– Как бы то ни было, – рассудил мальчик, – стоять на месте и дрожать от страха – значит терять время. А оно для нас сейчас бесценно. Так что пойдем...

– А выход? – Настя недоверчиво покосилась на шахту Компетенции. – Как же мы вернемся?

– Этот Лифт нам все равно больше не помощник. Найдем Облачко, он выручит...

И близнецы, по-прежнему держась рядом, двинулись вперед. Мелкими шажками, аккуратно и по возможности бесшумно. Чем глубже проникали они в дебри технической псевдополяны, тем гуще становился полумрак. А шипение и треск, доносившиеся со всех сторон, начинали складываться в слова. Словно кто-то невидимый прятался за скоплением агрегатов, бормоча и взволнованно нашептывая...

– Мамоchка родненькая, как же тут неуютно, – нараспев протянула Настя жалобным голосом. Одной рукой она крутила завязки куртки, а другой так крепко ухватилась за брата, что тот шикнул от боли. – Облачко? Милый... Где же ты?.. Пожалуйста, откликнись, ты нам так нужен!

Чем дальше дети удалялись от внешней стены, тем больше электрическое потрескивание за спиной становилось похожим на человеческие голоса.

– Ты слышишь? – зловещим шепотом спросил Витька. – Или у меня от стресса начались слуховые галлюцинации?

– Не знаю, – честно ответила сестра, но по лицу было заметно – что-то в звуках псевдополяны мерещится и ей. – Трансформаторы гудят, вода по трубам бежит, еще...

Но девочка не договорила, так и застыв с открытым ртом, потому что теперь в шуме отчетливо различался сотканный из треска и гудения хор нестройных голосов.

– Уходите, – на какой-то странный и неприятный мотив напевали невидимые существа. – Вам тут нельзя. Убирайтесь прочь. Чужаки, чужаки. Убирайтесь, чужаки. Будет хуже. Вам тут нельзя. Убирайтесь!

Сестра дернула брата за рукав, спеша поделиться открытием, но тот уже и сам все слышал. Окаменев, он наблюдал, как из подножия ближайшего цилиндрического механизма к ним потянулись сразу несколько проводов. Завораживающими змеиными зигзагами многожильные кабели скользили по пыльному полу, приближаясь к юным путешественникам.

– Вам тут нельзя, – шептали голоса все громче. – Защитим себя. Чужаки, убирайтесь.

Настя пронзительно вскрикнула, подскочив на месте. Теперь стало заметно, что провода оживали не только под круглой конструкцией пневматического поршня – они шевелились по всему днищу яруса, куда только падал свет редких потолочных ламп. В тенях извивались целые клубки, готовые подползти к детям, которых считали чужаками.

– Облачко! – уже не скрываясь, завопил Витька. – Помоги! Мы знаем, что ты тут!

И бросился бежать, увлекая за собой сестру.

Перескакивая через медлительные щупальца неведомых агрегатов, заботинцы неслись в глубь лабиринта, уже не разбирая дороги. Увы, на их отчаянные крики не отвечал никто, кроме оживших проводов, продолжавших свивать электрическое потрескивание, шипение и гул в слова угроз.

– Облачко, помоги! – надрывался мальчик, уворачиваясь от стелящихся под ноги многожильных побегов.

– Чужаки. Защитимся от чужаков. Вам тут нельзя, – со всех сторон отвечал ему нестройный хор невидимок, а за коленку норовил сцапать сразу пяток жгутов в разноцветной изоляции.

Некоторые кабели взялись плеваться искрами, озаряя темноту псевдополяны яркими колючими снопами, от которых перед глазами еще долго плясали ослепительные пятнышки. Настя закричала, и брат тут же толкнул ее в сторону, избегая столкновения с искрометами. Если бы не резиновые подошвы школьных ботинок, детей уже давно бы ударило током...

– Настена! – выкрикнул Витя, ныряя в узкую щель между двумя агрегатами, похожими на турбинные установки. – Сюда!

Но едва девочка шагнула следом, нога мальчика зацепилась за толстую связку ожившей искусственной вермишели, тянущейся к беглецам со всех сторон. Он уже выдергивал ботинок из скопления десятка проводов и шлангов, как вдруг один из них (весьма ветхий и потертый на вид) порвался пополам. Из разрыва в воздух мгновенно ударила прозрачная, чуть сероватая струя газа, моментально окружившего турбины, близняшек и их многожильных преследователей.

– Не дыш!.. – отчаянно попытался предупредить Настю брат, но уже и сам невольно вдохнул из сладковатого облака, чувствуя, как нечто сонное упруго ткнуло его в затылок.

Последнее, что он запомнил, падая на мягкий ковер электрических кабелей и гофрированных труб, – это сестра, с закатывшимися глазами оседающая на пол. А затем его окружило глубокое забытие: замотало голову мягким шерстяным шарфом, превратило веки в чугун и заставило тяжело закрыться. Виктор упал почти на Настю, сквозь накатывающий сон и шипение утекающего газа слушая нашептывания невидимых жителей псевдополяны.

– Где чужаки? Ушли? Тут нельзя им. Найти чужаков...

Глава вторая, в которой читают еще одну загадочную записку, а кое-кто избавляется от самой настоящей слежки

Витька проснулся, окруженный уютным теплом и полнейшей, чуть вязкой тишиной. Первым делом он подумал, что находится в детской на втором этаже домика в Заботинске, и скоро зазвенит будильник, поднимающий их с братом в школу.

Но затем мальчик расслышал недобрый гул трансформаторных подстанций, вспомнил вездесущее шипение, призывавшее схватить чужаков, и содрогнулся, открывая глаза. Заложенные уши окончательно прочистились, и в них охотно втекли звуки технического этажа, куда брата с сестрой завезла неприятно посерьезневшая Компетенция. Витька лежал у основания механизма, напоминавшего гигантскую турбину, а тепло создавали десятки проводов и шлангов, опутавших его тело, словно многослойным бинтом. Чуть не вскрикнул, но что-то подсказало сдержаться и прикусить язык. От неподвижности затекла шея, да и вообще все тело – мальчик попробовал пошевелить пальцами и обнаружил, что те слушаются, но как-то *неохотно*.

С трудом повернув голову направо, он заметил сестру, неподвижно лежащую поодаль. Девочку, как и его самого, обвивали охапки кабелей. Вероятно, неспособные обнаружить усыпленных детей, ожившие провода вернулись к спячке, снова выставив пол псевдополяны толстым ковром.

После отравления газом, выпущенным из обветшавшего шланга, во рту ощущался легкий медный привкус, губы пересохли, а под веки будто насыпали мелкого песка. Стараясь двигаться как можно тише и осторожнее, мальчик выбрался из паутины оплетающих его проволочных щупалец. Он действовал так аккуратно, словно боялся разбудить их – странных, невидимых и враждебных жителей этого низкого яруса.

Освободившись, Витя сделал несколько наклонов и поворотов, короткой физзарядкой вернув телу бодрость. Ловко переступая через бухты и скрутки, склонился над сестрой, принявшись так же осторожно распутывать и ее.

– Настена? – шепотом позвал брат. – Просыпайся, нужно идти...

И когда та открыла глаза (и даже сладко потянулась), прижал к ее сухим губам указательный палец. По умиротворенному лицу девочки прокатилась рябь, как бывает, если в пруд бросить камень. Во взгляд вернулся лед осознания. Она задышала чаще обычного, захотела вскочить, но не позволило одеревеневшее тело, и помешал брат, мягко навалившийся на плечи.

– Тсс...

Витькино «тсс» немало означало и в обычные-то дни, а уж в сложившейся ситуации откровенно пугало. Однако Настю воспитывали в традициях храбрости и смекалки, а потому она быстро справилась с испугом и понимающе кивнула.

Вместе ребята бережно распутали причудливый покров из кабелей разной толщины, выбрались на открытое пространство и смогли перевести дух.

Поиски брата, еще недавно представлявшиеся молниеносной вылазкой за пределы домашней поляны, больше не казались понятными и легкими. Как вообще они, беспомощные дети, могли отважиться на подобную авантюру, не заручившись поддержкой взрослых?

И с чего начали свой поход? С прогула контрольной работы и обмана Лифта, которая им помогла? Отличный старт, ничего не скажешь... Разминая затекшие мышцы, брат и сестра хмуро переглядывались, размышляя над своим не самым завидным положением.

– Сколько мы проспали? – тихонечко спросила Настя, кивнув на запястье мальчика.

Тот задрал рукав, уставился на циферблат, и почти сразу светлые брови Виктора озабоченно сошлись на переносице. Кончиком ногтя он легонько постучал по стеклу хронометра, но и после этого выражение возмущенного непонимания не покинуло его лица.

– Что-то не могу разобраться, – пробормотал брат. – Вероятно, мы попали в некую магнитную аномалию... иначе объяснить феномен движения стрелок в обратную сторону я не могу.

И он виновато глянул на сестру, пожимая плечами. Та подошла, неприятно заинтересованная его реакцией.

– Хм... И впрямь, – теперь нахмурилась и она. – Мы ушли из школы во время большой перемены, а сейчас твой прибор показывает раннее утро. Но ведь секундная стрелка движется правильно, так что...

И девочка замолчала – проникший в горло клейкий страх не дал завершить фразу. Витя посмотрел на сестру, и догадка молнией сверкнула в его сознании. Не желая верить, мальчишка даже замотал головой.

– Не может быть... – просипел он, уже не очень-то боясь разбудить искрометы.

– Может, братик... – сокрушенно покачала головой Настя. – Твой хронометр не сломан. Надышавшись газа, мы проспали почти сутки...

И тут же, словно по сигналу, у обоих заурчало в животах, подтверждая жестокую гипотезу. Закрыв лицо руками, Витька качнулся на пятках, все еще не веря. Он думал о маме и папе, снова не дождавшихся детей из школы. Об учителях, поднявших тревогу, о рассерженных урядниках. И о неотвратимом наказании, которое на этот раз будет куда более жестким.

– Что же теперь делать? – сама себя спросила Настя, отрешенно глядя в пустоту.

В эту минуту они вдруг ощутили неполноценность своего крохотного отряда остро, как никогда. Если все прежние злоключения им удалось пройти втроем, помогая друг другу и держась плечом к плечу, то сейчас у группы словно отрубили важную часть, без которой свет тускнел, звуки затихали, а надежда на успешное возвращение покрывалась пыльным слоем безнадеги. Тоска по пропавшему Димке стала вдруг такой острой, что хоть плачь.

Но реветь никто не собирался. Потерев переносицу, Витька деловито осмотрелся, заставляя встряхнуться и сестру.

– Если мы провели на этой поляне почти сутки, – тихо поделился своими мыслями он, – то между немедленным возвращением домой и возвращением через пару часов нет никакой разницы. Значит, вместо отступления мы пойдем вперед. И найдем брата!

– Ты хоть представляешь, сколько всего могло произойти, пока мы спали? – Настя замотала головой. – Да он уже дома может сидеть! Небось, давным-давно плюшки чаем запивает, пока мы тут здоровьем рискуем!

– Что-то подсказывает мне, – с грустью ответил Витя, – что все не так просто...

И они тихонечко зашагали вперед, все еще высматривая среди странных гудящих агрегатов летающую сферу Ликвидатора Катастроф. Но видели лишь станки, похожие на турбины механизмы и сотни проводов, устилавших пол.

– Братик? – негромко протянула Настя через четверть часа, когда они еще глубже проникли в сердце псевдополяны. – Мне кажется, вон та связка кабелей снова пошевелилась...

– Не говори глупостей, – прошипел мальчик сквозь зубы, но остановился, внимательно всматриваясь в полумрак. – Это всего лишь игра теней, и если мы... Ой, мамочка... они проснулись!

– Не-е-ет... – сокрушенно протянула девочка. – Только не снова!

– Вперед! – Витька увлек сестру за собой. – Быть может, нам удастся спрятаться...

Но стоило им пробежать каких-то десять шагов, как Настя упрямо замерла на месте, вырывая рукав из пальцев брата.

– Нет! – выдохнула она. – Хватит. От этих гадов мы тут нигде не спрячемся. Поэтому либо найдем Облачко, либо нас так током шарахнет, что... – и, задрав голову к низкому потолку поляны, она вдруг закричала так звонко и громко, что у Витьки заложило уши: – Облачко! Помоги!!!

От этого вопля, казалось, замерли даже пришедшие в движение провода. А некоторые вообще стыдливо попятнулись во мрак, испуганно шипя и плюясь искрами. Однако большая часть змееподобных защитников яруса отступать не собиралась, а потому со всех сторон вновь понеслось, потрескивая на согласных буквах:

– Чужаки снова. Вам тут нельзя. Убирайтесь...

И когда почти поверилось, что крик, в который девочка вложила всю силу легких и всю надежду на спасение, пропал втуне, поверх гула трансформаторов дети разобрали знакомое звонкое жужжание. А еще через несколько мгновений в одном из ответвлений технического лабиринта и правда возник летающий мяч, окольцованный светящимся ярко-зеленым

ободом.

– Йи-х-ха! – весело и непринужденно пропел он, влетая в бледное пятно потолочного фонаря, от чего живые провода попятнулись. – Матушка моя конвейер, человек в опасности, я спешу! А ну-ка прочь, примитивные! – прикрикнул он на мотки искрометов. – Увижу хоть искру, обесточу весь этаж!

Ох, каким же родным и милым показался в ту минуту нашим героям голос Облачка: звонкий, сильный, задорный, он вполне мог бы принадлежать одному из спортсменов-старшекласников их школы.

Оперативный Бот Ликвидатор Аварий и Чрезвычайных Катастроф Одушевленный (а если сократить по первым буквам – Облачко) завис над их головами, выдвинув крохотную амбикамеру.

– Ну, и кто тут у нас?! – поинтересовался он, наблюдая, как десятки змееподобных проводов торопятся убраться во мрак. – Гайки, шайбы и штифты! Вы разве не в курсе, что доступ в прослойки разрешен только ограниченному персоналу Смотрителей?

Как я уже упомянул, Оперативный Бот напоминал летающий футбольный мяч, только изготовленный из железа. Из его макушки торчал хитрый двухвинтовой соосный пропеллер, вращавшийся так быстро, что лопасти размывались в серый полупрозрачный диск. Поверхность мяча не блистала новизной, повсюду виднелись следы ржавчины или стершейся краски (в предыдущей истории мы узнали, что во всем Спасгороде бот остался единственным в своем роде), но в целом летающая сфера выглядела весьма бодрой и светила россыпью крохотных зеленых ламп.

– Облачко! – неописуемо радостно выпалил Витька. – Это же мы – Витя и Настя! Помнишь? Мы разбудили тебя после спячки и не стали возвращать на парковку!

– Великодушные инжекторы! – возликовал бот, наконец-то узнав детей. – Витя, Настя! Как можно забыть? Но вы-то что тут делаете?!

– Ищем брата, – сразу созналась девочка, задирая голову. – Димку. Ты его тоже помнить должен, мы же втроем были...

– Трехступенчатые фильтры! – с неожиданной горечью воскликнул Облачко, спускаясь ниже и зависая на уровне глаз собеседников.

По их лицам ударила гонимая пропеллерами упругая волна воздуха, заставляя невольно прищуриться.

– Вы что же, решили идти за ним?! Безумцы!

– Мамочка... – выдавила Настя, невольно представив самое страшное, что могло произойти с их братом. Но, быстро справившись с собой, спросила уже громче и требовательнее: – Что ты имеешь в виду? Что с ним случилось?!

– Увы, ребята... – тут же погрузился бот, и окольцовывавшие его светодиоды потускнели. – Вчера я лишь помог Димке добраться до Штамповальни. Но о дальнейшей его судьбе не знаю...

– Значит, вы все-таки виделись! – провозгласил Витя так, словно одержал первую победу. – Ты знаешь, куда он направлялся и почему?

– Могу только предполагать... Но вы-то как очутились в этом жутком месте?

– Компетенция сказала, где тебя искать, – мальчик аж приплясывал от нетерпения. – Так куда ушел Димка?!

– Ну... – Облачко покачался в воздухе и плавно опустился на железный пол, со стуком приземлившись прямо у детских ног. – Вообще-то я... В какой-то мере и сам посодействовал... Но клянусь, друзья! – Светящийся круг на шарообразном корпусе вспыхнул изумрудным цветом. – Я и предположить не мог, что все выйдет именно так!

– Да как *так*?! – теряя терпение, стиснула кулаки Настя, глядя на сферу сверху вниз. Она определенно не разделяла Витькиного оптимизма и все норовила поторопить старого знакомого. – Говори быстро, где наш брат?!

Теперь, когда ползущая по псевдополю опасность была отогнана, страх в сердце девочки сменился медленно разгорающейся злостью. На непутевого и безответственного

братца-беглеца; на разговорчивый летающий мяч, как-то замешанный в этой истории; и на саму себя, опрометчиво пустившуюся в опасную погоню.

– Я лишь передал записку, а он... Может, он все еще на Штамповальне?

Напуганный напором, Облачко будто уменьшился в размерах. Сейчас он казался таким сбитым с толку, что даже ржавчина и потертости на его выпуклых боках проступили с новой яркостью.

– Поймите, ваш брат имеет надо мной ту же власть, что и вы! Это он приказал мне проводить его и остаться. А еще велел ни в коем случае не идти с ним до конца...

– До какого еще *конца*?! – охнула Настя, едва не топнув в сердцах ногой, что могло выглядеть как проявление грубости и несдержанности. Витька, наконец вернувшийся к привычной серьезности, присел на корточки, деловито заглядывая боту в объективы.

– Давай-ка по порядку, – негромко предложил он, осуждающе косясь на сестру. – Где мы находимся? Как далеко отсюда Штамповальня? Как давно ты видел Димку в последний раз? Где, по-твоему, он может быть сейчас?

Ободренный рассудительным тоном мальчика, Облачко подкатился к нему поближе, все еще с опаской поглядывая на девочку. Та, ожесточенно теребя завязки на куртке, только поджала губы и отвернулась в полумрак, молча ожидая ответов Ликвидатора Катастроф. Таинственные агрегаты без опознавательных знаков и инструкций толпились вокруг них угрюмыми крепышами.

– Как я уже сказал, мы на технической прослойке, – начал бот, немного осмелев и замерцав кольцами зеленых диодов. – Считается, что когда-то эти микровысотные поляны являлись частями глобального механизма по поддержанию жизнеобеспечения города. Но суть замысла давно утеряна, и теперь на псевдополянах живут лишь спятившие механизмы и мутанты...

При упоминании существ, родственных Красимире Михайловне, Настя вздрогнула. А Витя положил руку на теплый бок Облачка, призывая продолжать. С ожившими проводами, защищавшими свой дом от вторжения незнакомцев, они познакомились настолько тесно, что лишних объяснений не требовалось.

– Штамповальня отсюда совсем близко... Если с Лифтом, конечно, – снова смутился бот, заметив удивленно взметнувшиеся брови детей. – Если же пробираться техническими лазами во внешней стене, за часок доведу без проблем...

– Димка там? – в очередной раз не удержалась девочка.

– Ребята, я вам клянусь! – с жаром воскликнул шар и даже приподнялся в воздух. – Не знаю! Он приказал оставить его в одиночестве и отправляться сюда, а сам...

– Что сам?!

Настя присела рядом, из последних сил стараясь вести себя спокойно. По одному взгляду на нее было понятно, как сильно ей хочется схватить и основательно потрясти увесистую сферу бота.

– Да говори же, железяка! Неужели не видишь, мы волнуемся?!

– Да говорю я, чего ты!.. – Кажется, Облачко обиделся на резкость, и даже немного откатился в сторону, моргая темно-зелеными лампами. – Не знаю точно, куда ваш брат собирался отправиться после Фабрики-БАП. Но прийти на Штамповальню Димке помог именно я, это так. С невольной подачи Озорника, который там живет, если помните...

– Его позвал Озорник? Как же ты смог передать Димке слова Особого Лифта для Срочных Курьерских Доставок? – Витька изумился так сильно, что даже забыл рассердиться на чересчур инициативного братца. – При чем так, что мы ничего не узнали?

– Под днищем Заботинска, в недрах такой же псевдополяны, как эта, я сумел внедриться в систему пневмопочты вашей школы, раздобыл почтовый стакан-контейнер и бумагу, – с оттенком вины, но честно рассказал бот. – И подделал личное сообщение, которое аппарат передал точно в руки вашего брата.

Ребята поднялись с корточек и встревоженно переглянулись.

Во-первых, стало очевидно, с какой точностью подтверждались их прежние догадки:

Димка питал к Озорнику искреннюю симпатию и, безусловно, рванул на помощь, едва узнав о неприятностях Лифта. А во-вторых, оба испытали колкое (мимолетное, но неприятное) чувство, едва осознав – их брат внезапно заимел собственные секреты, которыми даже не подумал делиться с остальными!

И это после всего, через что они прошли? Прошли *вместе* ?

Виктор озабоченно уставился на хронометр. Разговор отнимал драгоценные минуты, но бросаться на поиски беглеца сломя голову они тоже права не имели. Поэтому мальчик торопливо поинтересовался:

– Как ты это сделал?

Вместо ответа разумный мяч подлетел к темной стенке массивного приземистого агрегата, чей покатый бок был густо покрыт ржавчиной и конденсатом. Затем в тельце бота приоткрылся крохотный лючок, и ювелирно-тонкая струйка люминесцентной краски принялась выписывать на борту станка ровные аккуратные буквы.

Дети тут же вспомнили про встроенный в Облачко пульверизатор, которым тот обновлял светящиеся указатели на Штамповальне.

– Ты можешь воспроизвести текст записки, которую Озорник передал Димке? – негромко попросил мальчик, уже предвидя ответ.

– Конечно, могу, батяня мой паяльничек.

С тонким гулом пропеллера бот приподнялся на уровень человеческого лица и спрятал краскопульт. Внутри его что-то щелкнуло, и он процитировал по своей механической памяти:

– Мальчик Дима! Не успел утихнуть восторг от новости, что вы с братом и сестрой разделались с Мглистым, как на наши поляны пришла страшная весть... Чудовище выжило! Прямых доказательств этому пока нет, все знакомые Лифты полнокомплектны и функциональны. Но среди них все чаще звучат разговоры, что Механик уцелел и вернулся, вынашивая план мести. Пользуясь своими уникальными способностями, я попробую выследить чудовище на Штамповальне, и если что-то узнаю, сразу сообщу. Я хорошо помню, с какой неподдельной радостью и смехом ты, мальчик Дима, выслушивал мои шутки, над которыми в Спасгороде никто не смеялся уже почти сто лет. В качестве благодарности за эту искренность я хочу предупредить тебя о возможном возвращении Мглистого. Озлобленный на весь мир, Александр Дрейфус может не остановиться перед местью вам – троим смельчакам, бросившим ему вызов. Будьте осторожны, друзья!

Настя ойкнула, икнула и вцепилась в плечо брата. Их самые зловещие страхи оживали прямо на глазах. По псевдополюне потянуло затхлым и сырым холодком, от которого по спине бежали мурашки. Эхо работавших механизмов и гудение трансформаторов стало тяжелым и неприятным до боли в ушах.

– Это все, – отчитался Облачко, жужжа и покачиваясь на месте. – Конец сообщения.

– Все? – Витька даже подался вперед, опасливо озираясь. – Значит, Озорник вовсе не просил его приходить на Штамповальню?

– Конечно же, нет! – неподдельно изумился этим словам бот. – Ни один Лифт не стал бы подвергать человека такой угрозе. Он хотел предупредить... И сделал это через Диму, как самого близкого ему по духу.

– А Димка... дурак, чтоб его Птица унесла... вместо того, чтобы поделиться этой важнейшей новостью с родными, – сквозь зубы пробормотала Настя, дрожа от злости и страха, – бросился играть в героя!

Витька, опечаленный глубинной горечью этих слов, ласково погладил сестру по руке. Облачко же и вовсе не прокомментировало сказанное. Казалось, бот еще обижен на недавнее нетерпение девочки и совсем невежливые эпитеты в свой адрес.

– Как же Димка попал на Штамповальню? – продолжил допытываться брат, поглядывая на запястье с хронометром.

– Через школу, – послушно ответил Облачко, выкладывая последние карты – если бот и был способен слукавить кому-то во всем Спасгороде, то уж точно не нашим героям. – Он

верно рассудил, что капсула письма попала к нему в личный шкафчик одним-единственным способом. Вчера рано утром через подвальные коммуникации Дмитрий спустился на псевдополяну и тайком пробрался в сортировочный блок пневмопочты. Где и нашел меня, дремавшего в ожидании нового вызова от людей или Лифтов.

– Ну конечно... – пробормотал Витя, воочию представляя непутевого брата, крадущегося через школьные подвалы, а затем еще ниже и ниже – под саму поляну. – И тогда он приказал тебе отвести его на Штамповальню, так? К Лифту-приятелю, которому может грозить опасность... А ты не смог отказать ему, потому что он – один из нас, освободивших тебя от векового сна?

– Совершенно верно, – согласно моргнули светло-зеленые диоды Ликвидатора Катастроф.

– И мы, – уже без злобы, но с тоской закончила Настя, – по глупости бросились за ним, повторно за учебный год сбежав из дома...

Какое-то время все молчали, прислушиваясь к звукам этажа и не решаясь продолжить разговор. Круг света от потолочного светильника над их головами мерцал от перепадов напряжения, лампа легко позвякивала. Где-то неподалеку трещали искрами затаившиеся провода.

– Он не может быть дома, – наконец подвел итог размышлениям мальчик, и сестра охотно уловила высказанную мысль, протянувшуюся к ней невидимой нитью.

– Потому что если бы он вернулся домой, а нас не застал – поднял бы на уши урядников и родителей, – она утерла нос грязной ладошкой. – Прошел бы по нашим следам, опросил Компетенцию и еще вчера нашел бы нас. Прямо тут, спящих. Причем гораздо раньше Облачка!

– В точку! – Витя хотел помассировать и без того покрасневшую переносицу, но передумал и сунул руки в карманы куртки.

Бот молча наблюдал за диалогом, плавно качаясь на воздушных волнах. Внутри него пощелкивало, а светящийся круг на корпусе мигал неравномерно, словно по орбите шара бегала неугомонная искра.

– Но это значит, что брат до сих пор где-то на чужих полянах... – мальчик закусил губу.

– А мы так и не нашли его, – в третий раз закончила его фразу сестра.

И оба, стоящие в салатových лучах, испускаемых Облачком, осознали, что это означает. Для того чтобы прийти к пониманию, даже не требовалось открывать рты.

Если с Димкой что-то стряслось (тут ребята, не сговариваясь, подпрыгнули на левой ноге и скрестили пальцы – это в Спасгороде являлось аналогом нашему «тьфу-тьфу» через плечо, когда мы хотим отогнать беду), а они потеряли целые сутки на пустой сон, взрослые их не простят. Скорее всего, ничего обидного не скажут, оберегая детскую психику и память, через *что* троице пришлось пройти полгода назад. Но покрывало вины повиснет над головами детей, как крыши над полянами – вечно и непоколебимо.

Прочитав во взгляде сестры схожие чувства, Витька тряхнул головой.

– Получается, выбора у нас по-прежнему нет, – негромко произнес он. И добавил, поворачиваясь к боту: – Облачко, пожалуйста, отведи нас на Штамповальню. Возможно, там мы найдем зацепку, которая подскажет, где искать брата...

– Но Дмитрий приказал мне ждать...

– Мы имеем равные права приказывать тебе, разве нет? То есть по 1/3 каждый? – Настя, справившаяся с волнением, была бледна и сосредоточенна. – А нас тут двое. Значит, этот приказ имеет силу двух третей против одной. Логично?

– Неподъемные противовесы! Анастасия, вы умеете договариваться... – без энтузиазма ответил бот, не спеша двигаться с места. Его главная амбикамера была нацелена на девочку, а в голосе слышался холодок. – Это все, что вы хотите сказать? Потому что я полагал, что между нами осталось одно незаконченное дельце...

Витя непонимающе нахмурился, уже готовый пожурить Облачко за промедление. Но

его сообразительная в вопросах поведения сестра догадалась, к чему клонит умная летающая сфера. Виновато насупившись, она все же повернулась к боту.

– Облачко, прости меня, пожалуйста, за то, что назвала тебя железякой. И что вела себя невежливо, тоже прости... – Настя шмыгнула носом и исподлобья изучила жужжащий над головой шар. – Ты ведь понимаешь, что я не со зла? Просто за братика переволновалась...

– Конечно! Совсем другое дело! – радостно ответил бот, азартно крутанувшись на месте и разогнав стену застоявшегося воздуха. – А ты прости мою обидчивость, хорошо? За годы сна с процессором творится Птица знает что!

Девочка облегченно вздохнула, а ее напряженные плечи опустились. Она очень не любила, когда на нее кто-то сердится.

– Приказ безоговорочно принимается, друзья! – возвестил Облачко. – Теперь следуйте за мной. Волнуюсь за Дмитрия не меньше вашего, а потому с удовольствием помогу выяснить его судьбу...

Сейчас, когда пришлось вновь пересекать наполненный тенью простор псевдополяны, страхи вернулись. Да, трескучие шепотки по углам стихли, но от этого этаж не перестал казаться местом мерзким и сомнительным с точки зрения безопасности. Ощущение угрозы не могли изгнать даже яркие зеленые лучики, во все стороны разбрасываемые ботом. Вертясь впереди и чуть-чуть повыше детских голов, он деловито прикрикивал на оживавшие искрометы, по незнанию норовившие подобраться к чужакам.

Как бы то ни было, несмотря на опасения, у наших героев не оставалось другого выбора, кроме как проследовать за Ликвидатором Катастроф. И единственное, что можно было сделать, чтобы приободрить друг друга, это держаться поближе. Так они и поступили, вслед за жужжащей летающей сферой пробираясь сквозь скопления балок, ферм и других удерживающих конструкций все ближе и ближе к периметру яруса.

– Вот! – Облачко завис у внешней стены, наиболее ярким лучом подсветив овал люка, спрятанный в ее поверхности. – Через этот лаз я попал на псевдополяну со Штамповальни. Так же мы можем вернуться на Фабрику.

– Технические коридоры? – Витя красноречиво посмотрел на Настю, чувствуя под курткой незваный холодок. – Облачко, а там... *там* точно никого нет?

– Еще вчера не было, – беззаботно ответил бот, крутясь на месте и гудя моторчиком.

Он-то и предположить не мог, что дети имеют в виду Красимиру или кого-то похожего на нее (если другие существа, подобные старухе, вообще существовали в недрах города).

– Так что, вы идете? – и, не дожидаясь ответа, их механический приятель выпустил из днища крохотный телескопический манипулятор, начав операции над панелью управления люком. – Ох, ребята, скажу я вам... как же интересно все-таки не спать! А уж насколько интересно делать что-то по собственной воле... То есть почти по собственной, – он хохотнул, – ваша компания мне не в тягость.

И он рассмеялся легко и безмятежно, подмигнув спутникам ярко-изумрудными светодиодами. А те обменялись понимающими взглядами. Возможно, проспавший сто лет Оперативный Бот и воспринимал происходящее как некую увлекательную игру, но юным путешественникам так давно не казалось...

И снова они лезли в запрещенные коридоры и тоннели, чтобы рисковать жизнями: ради себя, близких, ради благополучного возвращения к родителям.

Люк открылся, Облачко исчез в толще технической начинки внешней стены. Брат и сестра, мужественно кивнув друг другу, последовали за ботом. Думаете, если один раз они проделали подобное, познакомившись с недрами стен, второй раз им было не страшно? Ха, вы глубоко ошибаетесь! И Виктору, и Насте в эту минуту было очень-очень страшно. Но оба знали, на что (и ради кого) идут, а потому без промедления отправились за Ликвидатором Катастроф.

В ноздри ударил знакомый запах – застарелая пыль, гниющие тряпки, плесень и покрытые гадко-липким илом потеки конденсата на трубах. Морщась и стараясь не чихать, храбрецы забрались внутрь и тихонечко заперли за собой люк. Было темно, лишь в

отдалении мерцали огни невидимого распределительного щитка. Но света зеленых ламп Облачка вполне хватало, чтобы видеть дорогу и окружающую обстановку.

– Сюда, тут система лестниц, – позвал тем временем бот, направляясь в один из коридоров.

После монотонного электрического гудения прослойки тишина технических лабиринтов, наполненная каким-то необычным *пустым эхом*, казалась еще страшнее. В ней, как путеводный маяк и верный друг, ласково жужжал пропеллер бота, заглушая стук капель и странные перезвоны в трубах.

– Димка шел этой же дорогой? – боязливо поинтересовалась девочка, тщетно выискивая в густом слое пыли на полу следы ботинок.

– Нет, – негромко, чтобы не тревожить созерцательный покой внутривитальных казематов, ответил проводник. – Он поднимался другим путем...

Дорога превратилась в однообразную смену коридоров и лестничных пролетов, которыми их уводил Облачко. Звук детских шагов боязливо разносился по темным углам, в свете диодов Оперативного Бота лица наших героев казались мертвецки-зелеными. От усталости, неудобного сна и нервного потрясения глаза их ввалились, под веками пролегли густые тени, пальцы подрагивали.

Почти с физическими усилиями продираясь через одиночество и металлическую пустоту полой стены Спасгорода, брели вперед Витя и Настя, мечтая об одном – чтобы их непутевый брат, подвергший опасности всех троих, оказался цел и невредим. Ах, как было бы славно, если бы все наши надежды и чаянья исполнялись по мановению волшебной палочки! Увы, окружающая действительность не столь милосердна и добра...

– Фабрика-БАП! – негромко, но с нажимом объявил Облачко так неожиданно, что привыкшие к тишине и отсутствию разговоров дети вздрогнули.

Мальчик машинально покосился на хронометр. Если прибор не сломался, то бот не обманул, и дорога заняла почти час. Еще один час, проведенный родителями в слезах и бесплодных попытках найти хоть какую-то причину, по которой близнецы снова покинули дом.

– Только бы Димочка был там... – прошептала Настя. – Пусть больной или раненый, но только бы находился на Штамповальне, откуда мы сможем забрать его домой...

– Я бы, сестренка, – так же шепотом добавил Витька, – предпочел размышлять не о том, кого мы *найдем* на этой поляне, а о том, кого мы на ней *не найдем*. Если Лифты правы и Мглистый на самом деле уцелел – а этому есть ряд косвенных доказательств, – следует быть осторожными. Даже если поймем, что брату грозит опасность. Это ясно?

Девочка кивнула, и даже летающий шар послушно покачнулся, мигнув лампами на «лицевой» стороне.

– Облачко, – попросил мальчик, – открывай двери.

Ликвидатор Аварий проделал необходимые манипуляции с очередным люком, отмыкая запоры, и створка с легким гулом отошла в сторону. Через образовавшуюся щель близняшки увидели поляну, уже знакомую им по прежним приключениям, и робко выбрались на ее поверхность.

Для тех, кто пропустил рассказ о прежнем путешествии Витьки, Димы и Насти, я заново опишу Фабрику-БАП, которую в простонародье именовали Штамповальней.

Витьке этаж напоминал внутренности сложного и хитроумного прибора (например, настенного хронометра с гирьками), где все подчиняется некой единой идее и работает в безупречно отлаженном ритме. Насте же поляна казалась мальчишеским сундуком для игрушек, забитым бесцельно хлопающими, гудящими и бренчащими штуковинами, назначения которых дети не помнят и сами...

80 % площадей гигантского цеха занимали огромные станки. Некоторые размером с двухэтажный дом, некоторые – еще больше. Эти агрегаты, большая часть которых не работала и была погружена во тьму, образовывали настоящие улицы и переулки, которым мог позавидовать любой поселок Спасгорода. Та часть станков, что еще функционировала,

делала это исключительно в автономном режиме (БАП расшифровывалось, как Бытовая Автоматизированная Поточная), извне получая на специальных транспортерах сырье, обрабатывая его и выдавая готовую продукцию.

Здесь изготавливались игрушки, мебель, одежда, всевозможные бытовые мелочи, которые потом высылались на жилые ярусы. Однако ветхость и запустение, как я уже упоминал, коснулись и этой поляны, лишив разума большую часть ее населения. Потому ныне Штамповальня трудилась исключительно ради самого процесса работы.

Груды упаковок готовой продукции, так и не отправленные в другие части Спасгорода, через какое-то время попадали на склады длительного хранения, которыми заведовали роботы под названием Сортировщики. Если же срок хранения истекал и на этих складах (а так чаще всего и выходило), то штабеля вещей безжалостно возвращались в штамповочные аппараты в качестве сырья, где снова перерабатывались.

Так, из новеньких кукол, которых так и не коснулись детские руки, делали нитки и пластиковые стулья; совершенно новая мебель, так и не послужившая взрослым, шла на переработку и изготовление бумаги. И если бы вам довелось понаблюдать за Штамповальней хотя бы несколько часов, могло показаться, что процесс будет вечным...

Именно сюда (уже второй раз в жизни) и выбрались Витька и Настя, ведомые жужжащим летающим ботом. Вокруг, как и прежде, с упорством запрограммированной автоматики трудились станки, клеая вещь за вещь. Двигаясь вдоль полустершихся указателей на полу и стенах, дети и их проводник направились внутрь фабрики.

– Димка шел к шахте Озорника? – на всякий случай уточнил Виктор. – Что ближе к центру, так?

Он задрал голову, рассматривая причудливую систему потолочных монорельсов, по которым уникальный в своем роде Особый Лифт для Срочных Курьерских Доставок перемещался из одной шахты в другую. Озорник (как вы можете помнить) очень гордился своей особенностью, выгодно отличавшей его от ограниченной мобильности собратьев.

– Да, – ответил Облачко. – К заброшенным баракам рабочих, когда-то управлявших БАП.

– Надеюсь, нам удастся найти там еще немного еды... – чуть слышно пробормотала Настя, вспомнив скудный ужин, которым они набивали животы во время первого посещения поляны.

– Посмотрим, – сдержанно прокомментировал Витя. И снова обратился к боту: – Сортировщики, полагаю, под твоим контролем?

– Не изволь сомневаться, дружище! – тот выписал в воздухе нехитрую фигуру пилотажа. – Накладки больше не произойдет.

Оставляя за спиной один квартал агрегатов за другим, они медленно приближались к сердцевине поляны. Именно там располагались модульные жестяные вагончики, в которых когда-то жили и отдыхали инженеры. Там же размещался и пульт, с помощью которого заботинцы полгода назад разбудили Ликвидатора Аварий.

– У меня такое чувство, – прошептала девочка, когда стал виден расчищенный от станков и фабрик центр поляны, – что за нами следят...

Витька, оцепеневший от этих слов, застыл на месте, тревожно вертя головой.

– Мглистый?... – одними губами выдохнул он.

В эту секунду мальчик проклял собственную слабость, позволившую ему взять сестру с собой. Если его плану суждено сорваться прямо сейчас – Настя обязана уцелеть и вернуться домой. Поэтому он должен...

Но она так недовольно замотала головой, что Витя в своем героическом порыве даже потерял дар речи.

– Нет... понимаешь, когда мы видели Механика – ну тогда, при возвращении на Заботинск, – это было похоже на что-то густое и липкое, будто голову облили машинным маслом или медом, что выращивают на Фермах, – остановившись, Настя покрутилась во все стороны, покусывая губу и подбирая слова. – А сейчас... как будто что-то крохотное, но

очень неприятное следует за нами по пятам... Знаешь, мне это еще у школы показалось, но тогда я все списала на волнение и страх. Но сейчас чувство вернулось.

– Быть может, это Дмитрий за нами следит, но не хочет выдавать себя? – осторожно вклинился в разговор Облачко, тут же вспыхнув и устыдившись нелепости предположения.

– Не-е-е, – протянула девочка. – Димку бы я совсем по-другому почувствовала. О, кстати!

Она повернулась к боту так неожиданно, что тот с перепугу отпрянул.

– Ты ведь показывал нам Мглистого! Тогда, в бараках, когда мы прятались и искали еду?!

– Да, – успокоившись, со знанием дела признал Облачко. – Мои приборы, даже на 60 % выйдя из строя, все еще позволяют проводить амбиметрический захват цели с последующей трансляцией...

– Облачко, родненький, да не тараторь ты, – ласково перебила его Настя, и на этот раз разумный механизм не обиделся.

Витька наблюдал за разговором с интересом и легкой опаской, все еще посматривая через плечо.

– Ты же специально для помощи создан! Сможешь последить за нами сверху? – продолжала сестра. – Ну, скажем, облететь поляну? И если вдруг увидишь что-то необычное или опасное, расскажешь. Или вдруг Димку заметишь! Так чего ноги сбивать? А мы тут посидим, подождем... Да, братик? Чего соваться, если есть возможность разведку провести?

Мальчик с виду равнодушно пожал плечами, но на его бледных щеках зажегся румянец. Как обычно, он чувствовал неловкость и даже легкий стыд, когда не мог первым додуматься до простого и эффективного решения. Однако (и это, конечно, выставляло его в самом выгодном свете) ценность чужих открытий Витя признавал безоговорочно и искренне, а потому одобрительно кивнул.

– Без проблем, друзья! – Облачко покачался на месте. Было заметно, что крохотная лесть со стороны девочки ощутимо приподняла его настроение. – Ждите тут, я мигом! Эх, дедушка мой амперметр!..

И улетел, заложив лихой вираж прямо над кварталом фабрик по производству разнообразной посуды. Оставшись без его беззаботной болтовни и ставшего привычным гула, дети погрустнели. Мальчик нашел кусок брезента. Расстелил возле борта одного из агрегатов, приглашая сестру присесть.

– Ноги аж гудят... – Он первым опустился на грубую ткань, бессовестно пачкая новенькие школьные штаны. И попробовал пошутить, вспоминая прошлое: – Ты аккуратнее, Настюха, в лучи сканеров больше не лезь.

– Ой, тоже мне, умник нашелся, – фыркнула она. – Я помню...

Затем села рядом и прижалась к руке брата.

На поляне становилось весьма прохладно. Гудели станки, шелестели конвейеры, проносились по шахтам деловые Лифты, которым не было совсем никакого дела до двух потерявшихся человечков. А те сидели неподвижно, сжавшись в комочки и вздрагивая от каждого громкого звука. Им стало очень неуютно, хотелось домой и как можно скорее забыть об этом неожиданном кошмаре. И только плечо настоящего друга, его тепло, пробивающееся через рукав школьной формы, удерживало сознание в покое, как держит корабль на курсе едва различимый огонек башни маяка...

– Смотри, – мальчик вдруг ткнул пальцем в заржавевший борт фабричного агрегата через проход. – Вон то пятно очень похоже на тарелку с соевыми макаронами...

– Ага, верно, – подхватила игру сестра, тоже высматривая в пятнах что-то любопытное. К сожалению, в желудке урчало, и на ум шла только еда. – А вон то – на котлету! А рядом кекс!..

– Эх... А в школе сейчас обед... Ой!

Он вдруг схватился за грудь, будто защемило сердце (чем немало перепугал спутницу). Вынул из кармана куртки сплюсненную, основательно подтаявшую жевательную конфету и

протянул ее Насте.

– Вот! Как я мог забыть? Лопай. Это невесть что, но немного глюкозы твоему организму сейчас не помешает...

– Давай пополам, – тут же предложила девочка, жадно глядя на яркий мятый фантик.

– Не, Настюха, – как истинный мужчина, настаивал на своем Витька, стараясь не вдыхать сладкий запах карамели. – Тут и одному-то мало. Так что держи, жуй...

– Спасибо... – робко пробормотала сестра.

Она бережно развернула липкую обертку, но не стала засовывать всю конфету в рот, а осторожно откусила половину. И протянула обратно.

– Раз ее на полноценный обед все равно не хватит, – сладко причмокивая, пробубнила она, – то давай-ка все же делиться...

На этот раз благодарил брат – сунул конфету за щеку, зажмурившись от удовольствия, и какое-то время они молчали. Закончив символическую трапезу, демонстративно изорвали фантик на кусочки, стараясь не думать о еде и недовольно бурчащих животах.

– Думаешь, за нами на самом деле кто-то следит? – тихонечко спросил Виктор.

Вместо ответа Настя пожала плечами.

– Когда *кажется*, нужно за уши подергать и от Птицы заговор прочитать, так мама говорит... Знаешь, Витька, если бы следили, то, наверное, не позволили бы почти сутки проваляться без сознания... – разумно предположила она, хотя в голосе не слышалось уверенности. – Но я правда что-то чувствую, и если...

Девочка не успела закончить мысль, как над головой раздалось знакомое жужжание пропеллера, и над улицей из станков зависла потертая сфера Облачка. Дети вскочили на ноги, хмуро рассматривая лихорадочное мельтешение огней на борту бота. По манере полета было заметно, как нервничает и суетится механизм.

У наших героев сразу потяжелело на сердце – неужели опасения подтвердились?! Они хорошо помнили, как, абсолютно так же улетев на разведку, в свое время Одушевленный Бот показал им объемный образ того, кто после еще не раз являлся троице в ночных кошмарах.

– Вот, смотрите...

Вместо объяснений Ликвидатор Катастроф выдвинул амбикамеру и крохотный проектор, транслируя объемное светло-зеленое изображение под ноги путников.

– Это еще кто? – задумчиво протянул Витька, рассматривая низкую сутулую фигуру в однотонном плаще и низко надвинутой шляпе.

С одной стороны, на душе сразу полегчало – по поляне шел вовсе не Мглистый, чего они боялись больше всего. И не баба Крася (эти страхи тоже никуда не делись, да-да). С другой стороны – замеченный Облачком человек был совершенно незнаком, и мог оказаться кем угодно, от Стражника до...

– Это, скрипучие подшипники, Смотритель, – невесело озвучил Витькины мысли бот, сворачивая изображение. Голос его подрагивал. – Из младших цехов Гильдии. Но его нашивку я разглядел очень хорошо.

– Мамочка родненькая... – побледневшая Настя прижала ладони к щекам. – Витька, мы пропали... Ой, как накажут-то...

– Простите, ребята, – дружелюбный механизм опустился на покрытый жестью пол и устало выключил пропеллер, пряча винты под крышку корпуса. – Власть Гильдии сильнее ваших приказов. И единственный способ не выдать вас Смотрителю – выключиться и молить всемогущие процессоры, чтобы тот не активировал протокол вызова...

– Стой! – Виктор властно нацелил на Облачко руку. – Не смей выключаться!

– Слушаюсь, – равнодушно ответил бот. – Но что это даст?

– Он не заметил тебя, так? – голос Вити завибрировал от предвкушения чего-то важного.

Азарт передался сестре, причем настолько, что она даже чаще задышала.

– Нет, не заметил. Иначе мне пришлось бы... – заунывно продолжил свою невеселую речь Облачко, но мальчик перебил его.

– Тогда ты поможешь нам изгнать Смотрителя с поляны! – провозгласил он.

И тут же, осознав всю крамольность идеи, спешно поправился:

– Я не имел в виду ничего преступного... Но мы можем временно удалить преследователя со Штамповальни, чтобы выиграть время и найти Димку.

– Взаправду? – с явным сомнением поинтересовался Ликвидатор Аварий. Однако же несколько его светодиодов заинтересованно вспыхнули. – И как? Не нарушая протоколов и предписаний Гильдии, мы...

– С помощью Фабрики, – многозначительно, словно это все объясняло, прошептал Витька. – Сошедшей с ума Фабрики, над которой не властна даже Гильдия. Ты ведь помнишь, уважаемый Облачко, при каких обстоятельствах впервые встретил нас троих?

И он довольно прищурился, мельком заметив на лице сестры полную обожания улыбку.

– Блестящие универсальные гайки! – воскликнул бот, уловив мысль друга. – Ну конечно!

Он подпрыгнул, винты из его «макушки» распустились лепестками металлического цветка, и воздух снова наполнил гул моторчика. Механизм поднялся на уровень лиц, покачиваясь и мигая зеленым обручем.

– Значит, поможешь? – на всякий случай переспросил Витя.

– Конечно, ребята! – Сейчас Облачко как никогда походил на подростка, который готовится совершить безобидную, но презабавнейшую шалость. – До встречи с вами у меня никогда не было друзей – только хозяева. Я с удовольствием выполню не только ваши приказы, но и просьбы!

– Только не причиняй ему вреда! – торопливо попросила Настя, грозя пальцем.

– Конечно, юная красавица! Это противоречит моим программным убеждениям, – с пониманием ответил тот, изобразив поклон.

И взмыл над шумящими кварталами по производству самых разных (и почти никому не нужных) вещей, раскрывая дополнительные динамики. Тотчас над цехами и титаническими установками понесся его сильный молодой голос.

– Внимание Сортировщикам секторов № 11 и № 13! Нестандартная ситуация на швейном аппарате! Несанкционированное попадание предметов одежды в контрольную зону, пересылает номенклатурные номера изделий! Запрашиваю разрешение на применение чрезвычайных полномочий!

Сразу, почти без раздумий, могучая Фабрика (в простонародье именуемая Штамповальней) ответила свободолюбивому летающему мячу десятком громкоговорителей.

– Номенклатурные номера получены, сканирование завершено. Даю разрешение на применение чрезвычайных полномочий! – Раскатистый женский голос, немного искаженный помехами, прокатился под сводами поляны. – Сортировщикам секторов № 11 и № 13 выдаются чрезвычайные полномочия!

– Получилось! – Настя хлопнула в ладоши и даже подпрыгнула. – Витенька, ты гений! – И на радостях чмокнула брата в щеку, чем немало того смутила и заставила покраснеть.

Оба хорошо представляли себе, что происходит сейчас в дальней, невидимой им части поляны. Как открываются парковочные карманы для роботов, обслуживающих Фабрику-БАП; как выкатываются из них двухметровые фигуры с подвижными шарами вместо ног и целым набором зловещих манипуляторов. Как медленно, но верно подзарядившиеся Сортировщики, даже не настроенные на протокол голосового контакта с человеком, движутся туда, где Облачко заметил шпиона...

– Ну вот, – потер ладони Витя, прислушиваясь к громыхающему голосу Фабрики. – Теперь осталось надеяться, что младший Смотритель не доберется до центра поляны, как это сделали мы, и лично не вызовет Ликвидатора Катастроф...

– Значит, поспешим? – предложила девочка.

Брат кивнул, и они торопливым шагом (почти бегом) направились к баракам в круглой

сердцевине этажа. Здесь, ближе к центру, дети легко ориентировались и без помощи бота. Да и читаемых светящихся указателей на стенах сохранилось куда больше.

Однако стоило нашим героям выскочить в круг внутреннего периметра, очерченный по полу ярко-красной линией, как оба застыли, словно пораженные током. Потому что возле пульта, с помощью которого инженеры призывали Оперативного Бота Ликвидатора Аварий, стоял шуплый парень в грязной куртке, чумазый, с вещевым мешком за спиной. Он определенно готовился начать протокол вызова, грозящий путешественникам новой бедой...

– Нет! – машинально выкрикнул Витька, протягивая руку, словно хотел силой воли заставить чужака не нажимать на кнопки.

Незнакомец обернулся, вздрогнув от неожиданности, и чуть не обронил мешок. Витя и Настя, все еще застывшие на красной линии, отсекавшей компактную жилую зону от производственных, поперхнулись собственным дыханием.

– Уф... – с несказанным облегчением выдохнул Димка, опуская руки и отходя от пульта. – А я как про Сортировщиков услышал, чуть штаны не обмочил. Сразу бросился Облачко вызывать... Ну, хулиганы, рассказывайте, за какой Птицей вы потащились по моим следам?

Глава третья, в которой оживают мифические истории, а кое-кто узнает массу секретов и разбивает себе нос

Да-да, как вы уже могли догадаться, чумазым незнакомцем оказался именно Дмитрий, ради которого брат с сестрой уже сутки бродили по запретным полянам, сбивая ноги. Бросив мешок, в котором заманчиво бряцнули жестянки консервных банок, он раскинул руки и покачал головой.

– Вот как в воду глядел, что вы за мной сунетесь...

– Димка!

Настя не стала прятать чувств. Из глаз ее брызнуло, и она с визгом кинулась на шею беглеца, обнимая его крепко-крепко.

Виктор, по-мужски сдерживающий эмоции, неспешно подошел к пульту вызова Облачка. Так же сдержанно протянул вперед сжатый кулак, стукнулся им о протянутый кулак брата, многозначительно кивнул. Конечно, ему тоже хотелось объятий – своеобразного апофеоза их мучительных поисков. Но он все еще сердился на хулиганскую выходку Димки, а потому не мог открыто демонстрировать радость.

Сестра, спохватившись, вдруг тоже вспомнила про затаенную обиду. Вырвалась из рук Дмитрия, отступила на шаг и метко (не больно, но обидно) пнула того под коленку. Мальчик охнул, недовольно запрыгал на одной ноге, а девочка уперла руки в бока и склонила голову набок (этому жесту она научилась у Юлии Николаевны).

– Да, братишка, я рада тебя видеть! – звонко отчеканила она. – Но как ты посмел бросить нас, ничего не сказав?! Как решился подвергнуть себя такому риску?! И это после всего, через что нам довелось пройти *вместе* ?

Теперь они смогли внимательнее рассмотреть Димку. Тот, судя по всему, был цел и здоров. Если бы не опухший нос и сочный синяк на левой щеке да свалявшиеся от грязи волосы, можно было подумать, что сорванец едва вернулся с неудачной прогулки на Пустырь Заботинска...

– Чего дерешься?! – зашипел он, потирая ушибленное колено. – Думаете, без вас мало досталось?

– А чего ты сбежал? – выступил с обвинением и Виктор.

– Написал же, скоро вернусь, чего панику развели? – скривился их непутевый братец.

– Скоро? – вспыхнула Настя. – Да мы уже сутки тебя по всему Спасгороду ищем! И когда это ты собирался пожаловать домой?

– Вот сейчас и собирался...

Прихрамывая, Димка добрал до ближайшего инженерного пульта – старого, покрытого пылью. Не обращая внимания на запущенное состояние кресел, плюхнулся в ближайшее, подняв серое облако, от которого сам же и чихнул.

– Откуда синяки? – девочка, выпустив пар, снова превратилась в заботливую сестру, склонившись над горемыкой и осторожно ощупывая свежие побои. – Кости-то все целы?

Оторвав от нательной майки полоску, она смочила ее слюной и начала оттирать ушибы от грязи и засохшей крови.

– Целы-целы, – поколоченный хотел было отмахнуться, но Настя держала крепко. – Долгая история, с наскоку не расскажешь. Лучше поделитесь, что за балаган на Штамповальне? Опять Сортировщики лютуют?

– Нет. – Витька подошел чуть ближе, с интересом рассматривая брошенный на пол вещевой мешок. – Это за нами следил кое-кто, а Облачко спас ситуацию...

И он кратко (не спуская голодного взгляда с мешка) рассказал брату историю младшего Смотрителя, пожаловавшего на Фабрику следом за путешественниками. Также сбивчиво и сумбурно поведал о побеге из школы, на редкость недружелюбной Компетенции, псевдополяне с живыми проводами и сне, в который их погрузил случайно порванный газовый шланг.

Димка, наконец разгадавший причину странного скудословия брата, хлопнул себя по лбу.

– Да вы ж голодные! У меня есть тут кое-что... Пошли в барак, перекусим.

И все трое поспешно двинулись в тот самый барак из гофрированного железа, где перепуганный Облачко впервые показал им голограмму Мглистого Механика. Детей тут же посетило странное щемящее чувство – никто из них и подумать не мог, что повторно вернется сюда, под эти ржавые жестяные своды.

Внутри с их прошлого визита ничего не изменилось – лишь покрылись новым слоем пыли рифленые следы на полу да засохли в камешки редкие крошки от давешней трапезы.

– Вот, – Дима выудил из мешка несколько банок с синтетическим мясом. – Налетайте, я пока не голоден.

Упрашивать не пришлось. Ребята вскрыли упаковки, даже не обратив внимания на этикетки и маркеры, сообщавшие о стратегическом назначении пайков. Выгнули оторванные крышки в подобие ложек и принялись с аппетитом наворачивать паштетообразную массу, стараясь не чавкать.

Когда импровизированный обед подходил к завершению, а измученные голодом детские желудки сменили гнев на милость, за полиэтиленовыми шторами (они заменяли дверь в барак) раздался знакомый гул.

– Облачко! – воскликнул Витька с набитым ртом, от чего у него вышло что-то вроде «обоко!».

Почти сразу Ликвидатор Катастроф собственной персоной влетел внутрь.

– Ой, бездонные масленки! – возопил он, едва нацелив объективы на Дмитрия. – Йо-х-хо! Нашлась-таки пропажа!

– Почему-то не сомневался, – беззлобно пробурчал тот, подмигивая летающей сфере, – что в этом деле не обошлось без тебя... А ведь приказывал сидеть на месте.

– А я и сидел, – начал оправдываться бот, но его перебила Настя.

– Ну что там, расскажи, – отложив опустошенную банку, деловито поинтересовалась она, вытирая пальцы о грязные штанины. – Сортировщики справились? Фабрика молчит уже несколько минут...

– Справились, – с гордостью отчитался Облачко, в полумраке просторного модуля сделав круг под потолком. – Роботы жутко напугали Смотрителя. Настолько, что он драпал до самой внешней стены, даже не подумав перехватить управление. А минуту назад покинул поляну на весьма странном Лифте... Я попробовал вступить с тем в контакт, но... Мне показалось, что кабина... будто бы спит...

Дети понимающе переглянулись. Один раз они уже до крайности тесно познакомились

с Лифтом Высокого класса, который также пребывал в состоянии странного оцепенения, безоговорочно подчиняясь старшему Смотрителю, которого звали Карл.

– Как же этот дядька нас выследил? – пальцем выскребая со стенок банки остатки мяса, задумался Виктор. – Что-то не верю я в совпадения... ох, не верю.

– И даже не попытался помочь, пока целые сотни этих гадких проводов нас опутывали, – поежилась девочка, брезгливо скривившись.

– Хм... – Витя вытер жирные пальцы о рукав куртки, уже и так безнадежно испачканной. Другой рукой пощипал переносицу. – Следил от самой школы? Димка, ты не заметил ничего подозрительного, когда... когда удрал, в общем?

– Нет, – помотал головой тот. – Видимо, следили за кем-то из вас...

Облачко, молча слушавший разговор, только помигивал лампами. Казалось, бот размышляет над чем-то. Наконец он решился подать голос, опускаясь чуть ниже.

– Ребята, позвольте просканировать вас? – высказал он осторожную просьбу, в которой звучала и возможная догадка.

Витька в ответ прищурился и кивнул, тряхнула светлой челкой и Настя. Ликвидатор Аварий подлетел к ней, медленно прокатив по одежде волну зеленого света. Отрицательно хмыкнул, перебрался поближе к ее брату. По ботинкам, штанам, куртке и макушке мальчика тоже скользнул широкий светло-зеленый луч.

Завершив сканирование, Облачко затих почти на минуту, после чего вспыхнул сразу всеми диодами, выписав в воздухе непростой пируэт.

– Вот оно! – Его тонкий телескопический манипулятор выдвинулся из корпуса, указывая на запястье победителя Олимпиады. – Хронометр, друзья. В него вставлено устройство слежения.

Дети застыли с раскрытыми ртами, отказываясь верить услышанному. Затем Витя медленно, будто во сне, расстегнул ремешок, снимая прибор так, словно тот был ядовитой гадиной, способной укусить в любой момент.

– Они могут нас слышать? – прошептала сестра, закусив губу. От волнения съеденная пища встала комком, попросившись обратно, но девочка сдержала позыв. – Прямо сейчас?

– Нет, – ответил бот. – Это обыкновенный датчик слежения, без дополнительных функций. Мальчик Витя, открой крышку.

Перевернув честно выигранный на школьной Олимпиаде хронометр, тот подцепил грязным ногтем микроскопическую задвижку. Крышка отошла, и под ней действительно обнаружилась крохотная микросхема, не имевшая никакого отношения к механизму измерения времени.

Димка лихо и звонко присвистнул, Настя покачала головой. И только Витя никак не проявил переполнявших его эмоций, хотя его глодали обида и тоска.

– Значит, с самых первых дней после возвращения за нами присматривали... – даже не спросила, а констатировала сестра, заглядывая ему через плечо.

– В этом, в общем-то, не было никаких сомнений, – храбрясь пуще меры, пожал плечами Дима, взгромоздившийся на край ближайшего стола.

– Что же делать? – подавленно протянул его брат. – Пока датчик со мной, они найдут нас снова.

– Не забывайте, друзья, – раздался из-под потолка веселый голос, – что перед вами персональный помощник в трудных ситуациях!

И Облачко плавно спикировал к Витькиной ладони, манипулятором выуживая датчик слежения из массивного циферблата. Еще раз внимательно просканировав микросхему, бот сунул ее куда-то внутрь себя, с легким шелчком захлопнув крышку.

– А хронометр не выбрасывай, – посоветовал он. – Хорошая вещь, еще послужит.

– Что ты будешь делать с датчиком? – удивилась Настя.

– Унесу на Свалку, – мгновенно сориентировался Облачко. – Если тебе, мальчик Витя, начнут задавать вопросы, расскажешь, что хронометр стал барахлить. Ты разобрал его, обнаружил лишнюю деталь и выбросил в мусоросборники. Проще простого!

– Сработает? – с сомнением протянул владелец предательского механизма.
– Должно, – со знанием дела покачал головой Дмитрий. – Простые планы – самые эффективные.

– Ой, посмотрите-ка, – насмешливо фыркнула на него сестра, – кто это тут заговорил цитатами исторических деятелей!

– А что? – хохотнул тот. – Если пару раз уроки прогулял, это не значит, что не испытываю тяги к знаниям.

– Ну что ж, ребята, – перебил их дружескую перепалку бот, подлетая к выходу. – Если никто не против, я отправляюсь прямо сейчас. Передатчик-то работает!

– Да-да, конечно, – спохватился Витька. – И еще, Облачко... спасибо тебе большое! Ты нам так помог! Даже не знаю, чтобы мы без тебя...

– Да-да-да, – подхватила Настя. – Спасибо преогромнейшее!

– Да полно вам, друзья, – смущенно вспыхнул изумрудными огнями летающий шар, – вы бы легко справились и сами... Спасибо, что даете возможность снова почувствовать себя нужным! И – до встречи. Если будет суждено, мы обязательно увидимся вновь!

И, не затягивая расставания (грозящего кончиться девичьими слезами), Ликвидатор Аварий выскользнул сквозь толстые полиэтиленовые полосы, закрывавшие вход в обеденное помещение бывшего оперативного центра. Без его болтовни, приятного зеленого света и мерного жужжания моторов внутри сразу стало как-то безжизненно и неуютно.

И еще – темно, лишь робкий отсвет работающих фабрик долетал через затянутый пленкой вход. Под потолком скорчился огромным пауком замерший навеки вентилятор. Холодильные шкафы собрались по углам угрюмыми великанами, с пристальным недовольством рассматривая нежданных гостей. Пахло ржавчиной, пыльной тканью мебельной обивки и затхлой жижей, где-то под полом пробивавшейся из канализационных труб.

Чтобы хоть как-то нарушить тревожную тишину, Витька деловито застегнул на запястье браслет хронометра (все равно продолжая коситься на прибор с опаской) и шумно придвинул стул к кухонному верстаку, на котором сидел брат.

– Раз уж Облачко решил подарить нам уединение, – хмуро пробормотал он, искоса поглядывая на Диму, – хотелось бы послушать твой рассказ... Про бегство, синяки и консервы.

Настя, кивком выражая согласие, уселась на соседний стул.

– Ну что ж, – важно кивнул путешественник, забрасывая ногу на ногу и вообще держась эдаким хозяином положения. – Если вы настаиваете, мои дорогие, я, пожалуй, начну...

А дальше, уважаемый читатель, я продолжу повествование так, как его слышали Витя и Настя – то есть от лица их своенравного брата...

«Ну, про мой побег и спуск в школьные подвалы вы уже знаете – Облачко рассказал. И про возвращение на Штамповальню тоже, ведь так? Поэтому историю, как я лазил между трубами и по коммуникационным псевдополям плутал, повторять нечего. Все равно, кроме светящейся плесени, ничего интересного не нашел. А вот когда попал на Фабрику...

Ну что тут врать?... Конечно, я полагал, что в походе к Озорнику могу задержаться. Или, скажем так, со мной может произойти нечто... *необычное*. Думаете, я считал свой побег пустяком? Не-е-т... шалопаем меня, может, и называли, но безответственным – нет. Да не криви ты нос, Витька! Я хорошо понимаю, что на моем месте ты бы поступил иначе. Но клянусь, я правда думал о вас. Поэтому и отправил Облачко подальше – чтобы бот уцелел, если вы захотите его разыскать.

Вообще-то, если быть честным, это путешествие на Фабрику началось совсем не вчера. То есть, как папа говорит, пред-по-сылки к нему возникли гораздо раньше. Неделю... нет, скорее даже – пару недель тому назад. С той самой ночи, когда мне впервые приснился не обычный ночной кошмар, в котором Мглистый успевает схватиться за край ограждения и выбраться на переходной мост... С той ночи, когда мне приснился старик.

Какой? В том-то и загвоздка, Настена, что я не могу вспомнить его лицо. Вроде видел, как тебя сейчас, – невысокий, худенький, в балахоне каком-то... Имя еще такое забавное, я сначала даже рассмеялся, а он чуть не обиделся... То ли Аркадий, то ли Афанасий... Бородатый, очкастый... Первый-то раз я вообще сон толком не запомнил. А когда на следующую ночь снова старичка этого увидел, аж проснулся с перепугу.

Почему не рассказывал? А что, Витька, было рассказывать? Что мне несколько ночей подряд снился бородатый сморчок в огромных очках? Еще предложи к школьному психологу сходить, ага... Думал, само пройдет, как мозоль. Может, я такого дедка по амбивизору видел, ну и запомнил как-то? А может, в школе новый учитель появился – он, кстати, на преподавателя похож.

Но позавчера этот Аркадий... или Артур?.. В общем, позавчера он снова вернулся в мой сон, прямо за несколько часов до записки Озорника. И знаете что? Он сказал, что ему, конечно, очень жаль, но нашей семье что-то там уготовано, и мне предстоит отправиться выручать друга...

Знаете ведь, какие сны коварные? Я про этот бредовый разговор только ближе к обеду вспомнил, когда меня через Трясину волокли... Это позже, не перебивай, а то собьюсь!

Я к тому клоню, что забылся мне начисто сон, еще когда зарядку во дворе делали. И когда записку из шкафчика читал, тоже не вспомнил – а потом вдруг «раз»! И все сошлось. Выходит, предвидел я, что Озорнику моя помощь нужна... Отсюда и сны! Помните, нам мама про интуицию рассказывала? Вот, похоже, это она в точности и была, только образ уж больно странный приняла, старичок какой-то плюгавый...

Ну так вот. На чем я остановился?

Ага, записка, сон. Потом я нашел Облачко, попал на Штамповальню. Да, точно так все и было. Здесь, как можете догадаться, первым делом отправился искать шахту Озорника. Конечно, она тут не одна, но я решил начать с той, где мы познакомились... Во-о-он она видна, если занавеску на дверях отодвинуть. К ней-то и зашагал.

Что? Нет, сестренка, не страшно ни капельки. А чего бояться, когда в себе уверен, да правила поведения на поляне знаешь? Сканеры обходил, ухо держал востро, нос по ветру. Так и добрался... И, друзья, охнул. Потому что шахта была взломана, а кабины и след простыл. Помните, как Мглистый разломал внешние стенки Великосветского Гранда? Здесь я обнаружил почти то же самое, только дыра больше, во-о-от такущая, а за ней двери разомкнутые.

Озорника, как я уже сказал, тютеньки. Следов Механика, правда, тоже не нашлось – ни капель масла, ни отпечатков сапог, ни свидетельств издевательства над Лифтом. И только одинокая лестница на внутренней стенке шахты – хоть вверх лезь, хоть вниз, разницы нет. Планшет вызова раздолбан, провода везде рваные, не докричаться. Ну, я и полез.

А что мне оставалось, Витька? Развернуться да прийти в школу, как ни в чем не бывало? Сдать контрольную и за ужином невзначай рассказать вам, что Мглистый вернулся и добрался до Озорника? Вот и я посчитал, что это не лучшая идея...

Лезть решил вниз, так показалось легче. Про возвращение-то, конечно, не подумал, каково будет в горку тащиться на такую высотень, ну да ладно. Вот и полез.

Кругом сквозняк, натуральным привидением задувает, бесконечно и на одной ноте так: «у-у-у»... Пылища в нос лезет, скобы ржавые все, скользкие, краска шелушится и ладони колет. Жуть, одним словом. Пару раз думал: сорвусь. Но держался, милосердные Лифты, цепко держался!

А шахта будто бесконечная. Двери на разных уровнях, люки какие-то, технические аппендиксы, но переборки все как одна заперты на электронные засовы. Как назло прямо. Следов Лифта как не было, так и нет. От сквозняка уже зубы сводит и за ушами болит. Да и руки начали соскальзывать капитально. Тогда я привал и решил устроить, совершенно не догадываясь, к чему это может привести...

Нашел узкую нишу в стене, куда можно залезть без особого риска свалиться в шахту. Забился в нее, подальше от края. Лежу себе на боку, на руки дышу, отдыхаю. А сам начеку,

как бы с приступочки не навернуться. Мышцы напряжены так, что сводит. А потом какая-то автоматика у меня за спиной ка-а-к сработает!

Я думал, если сердце не остановится, то от неожиданности точно улечу. Только и успел за лестницу схватиться. Глядь, а в глубине ответвления вентиляционный карман открылся, просушка идет. Я на жердочке своей уже мерзнуть устал к тому времени, ну внутрь слазить и решил. Минут на пятнадцать планировал, честное слово, не больше! Только чтобы продолжить путь без риска задремать от усталости и упасть...

Кто ж знал, что засовы на таймерах срабатывают только раз в сутки?..

В общем, забрался я в карман этот. Там тепло, сухо, от края шахты далеко. Чуть на самом деле не уснул. А минут через десять вдруг – «бац», пневмоприводы опять заработали, и мембрана прохода вмиг закрылась.

Я ее и ногами, и в разные стороны, и ласково уговаривал, и микрофоны протокольные искал – ничегошеньки, будто в бетонную стену постучался. А кругом темно – если б не аварийные лампы в распределительных щитках, вообще бы ничегошеньки видно не было. Вот и пришлось по лазу двигать, не сутки же там сидеть?

Пробираюсь я по этой кишке, лезу себе, да и попадаю вдруг... куда бы вы думали? На полноценную поляну! Проход-то в технический узел привел, где устройства обслуживания шахт грозятся. До пола метров пять, все ржавое, запущенное. Ну, я со своего насеста поляну и рассмотрел, прежде чем предпринимать что-то.

Сначала подумал, что это какой-то незнакомый рабочий поселок, который на географии еще не проходили. Небо блекленькое такое, без облаков, но чистое. Выстроено все ровненько, кварталами да проспектами. Зелени нет, но лавочки повсюду, столбы фонарные. Казарму чем-то напомнило, только без сторожевых вышек и проволоки колючей. В ней, впрочем, там все равно никакой надобности, но об этом позже...

Вокруг поселка Пустырь свой, с края которого я и очутился. А здания все грубые, словно их не для жизни строили, а лишь бы отвязаться. Черепица на крышах серая или черная, стены унылые, зеленоватые. Названий улиц нет, номеров на домах тоже. Вокруг поселка Хозяюшки понатыканы... это, Витька, местные так свои гиперизлучатели называют, не перебивай...

Ага, торчат вокруг городка конструкции эти, что наша домашняя антенна для амбивизора, только больше раз в десять и на ферме проволочной. Я сначала-то на них внимания особого не обратил, потом уж рассказали...

Чего я вообще вылез из укрытия? Птица его знает, Настенка... Любопытно было, хоть ножиком режь. Что за место такое? Кто в поселке живет? Да и вижу – не грязная Свалка передо мной или Червигород какой-то, а обжитое место, хоть и мрачноватое... Вот и выбрался из своего короба. С обслуживающей подстанции спустился, осмотрелся.

Тут и заметил, что все шахты хитро замаскированы, сперва даже незаметно, что они есть. Выходов вообще не видно, а все стволы особенной пленкой изоляционной опутаны, чтобы звуки ни наружу, ни внутрь не пропускать. Да еще едкой дрянью вымазаны, от которой кожу жжет. Это против тех, кто пленку отодрать попытается... Увы, не сразу я смекнул, что неспроста так сделано.

Побежал через Пустырь – его местные Трясиной называют, у них на это свои причины... И вот пересекаю я Пустырь-Трясину, за заборами прячусь, улицы пустые высматриваю. Так в поле действия Хозяюшек и попал. А потом почти сразу одну из *групп* увидел да с Пастухами познакомился. И в ту минуту на побег у меня не осталось ни единого шанса.

Так, друзья мои, я узнал, что Интернат – совсем не сказки, которыми пугают непослушных детей. Он на самом деле существует, и знали бы вы, что именно я испытал, когда понял, что оказался в этом чудовищном месте...

В общем, прячусь я, высматриваю все.

Смотрю – люди идут. Причем строим, и одеты все одинаково – робы какие-то грязно-серые да кепки бесформенные. Пригляделся – святые-платы, это ж дети: от карапузов совсем,

каких и в школу-то не берут, до парней постарше. Маршируют колонной, как на «линейку», да только радости в глазах – ни граммучки. На шеях – *галстуки*. Так на Интернате называют специальный ошейник, который настраивается на мозговую активность своего хозяина.

Эти самые галстуки, кстати, колючую проволоку и заменяют. Пока ты в поселке, все нормально, никакого дискомфорта. Но стоит выскочить за пределы излучения Хозяюшек, пиши пропало – ошейник начинает тебя душить до тех пор, пока внутрь не вернешься. Ну, или пока язык не почернеет. Как потом узнал, с их помощью на Интернате поддерживается дисциплина: они охраняют воспитанников от побега, они же не позволяют общаться населению женского и мужского поселков, расположенных на разных сторонах поляны...

И вот идут, значит, воспитанники, напевают что-то уныло. А вокруг колонны, словно боты сторожевые, взрослые – человек десять, все в черном. С дубинками, веревочными наручниками, в толстых таких плащах, которые ни прокусить, ни проткнуть.

Это, как я узнал совсем скоро, были Пастухи – так население Интерната называет своих надзирателей и надсмотрщиков. Жуть, а не людишки, клянусь! Зрачки у всех одинаковые, как у братьев родных – белесые, бесцветные, словно желе недоваренное. Ресницы светлые, длиннющие, от чего зенки кажутся огромными провалами, куда и заглядывать-то страшно – будто туман там живой, движется неспешно и тебя в ответ рассматривает.

И вот ходят эти дядьки в черных-пречерных плащах вокруг колонны детей. Всех в ногу маршировать заставляют, да еще и песенку какую-то разучивать. Я как допер, во что влипнуть умудрился, сразу – задний ход. А за спиной у меня уже двое Пастухов с дубинками. И улыбаются, гады, так, что я чуть в обморок не грохнулся – даже храбриться не стану...

Хватают меня, смеются. Я в крик, отбиваться давай, колонна встала, на меня с натуральным интересом смотрят... Долго брыкаться, как понимаете, мне не дали – хлопнули дубинкой меж лопаток, руки веревкой скрутили. Все обыскивали да допытывались, как я галстук снять сумел...

А потом смекнули – новенький я, беглец с другой поляны, у них такое не первый раз случалось. Ох, сволочи, как же довольны они ржать начали. Ресницами огромными «хлоп-хлоп», а в зрачках пустота плавает и сама себя переваривает. Меня чуть не стошнило. Вроде и взрослые, а будто нелюди какие-то, не лучше Красимиры...

– Пополнение, значит, – говорят, а сами сверху вниз меня изучают да хихикают. – Вольной жизни, мол, захотел, с полянки родной утек? Добро, значит, на Интернат пожаловать. Тут из таких хулиганов быстро нормальных граждан делают...

Дети из колонны смотрят с интересом, будто я насекомое подопытное, которому скоро крылышки отрывать начнут. Пастухи все шепчутся, я на коленях стою – руки связаны, спина болит. Все, думаю, простите, родненькие, не свидимся больше... Сходил Лифту помочь, называется, собственной головы не сберег.

Настена, да перестань реветь-то! Ну вот же я, перед тобой, глупышка... Успокойся, ладно? Выбрался я, сама же видишь! Давай лучше расскажу, что дальше было.

Потасили меня вслед за всеми, значит. Надзиратели пинками подгоняют, а сами все рядят, в какую группу меня определять и когда тестирование проводить, чтобы галстук подобрать подходящий. Вызвали вожатого – это был старший мальчик в колонне, присматривавший за порядком помимо Пастухов.

– Вот, – говорят, – принимай новенького. Вечером тесты, утром «окольцуем», а пока он твой.

Думал, с ним-то хоть общий язык найдем, почти ровесники ведь... Ага, размечтался. Тот первым делом мне в живот кулаком «на»!

– Пока, – говорит, – наших законов не выучишь, будешь бит. А сейчас молчи и наблюдай, малявка.

И в строй меня определил, где сверстники вышагивали. А те – сущие звери, а не люди. Думал, хоть кто-то подружиться попробует, познакомиться или помочь. Не тут-то было!

Пихают со всех сторон, шипят, на ногу наступить норовят. Главный заводила там мальчишка по прозвищу Зубастик, настоящий гаденыш, наши школьные задиры по сравнению с ним – милые баловники... Лупят меня, значит, пихают. А колонна тем временем в барак жилой возвращается, где у каждого персональная койка в общей комнате. Это, как потом выяснилось, они с утренней рабочей смены шагали.

Пастухи внутрь завели и преспокойно по своим делам утопали. А я в уголок забился и уши наострил. В тот час, на отдых выделенный, про поляну эту мерзкую все и разузнал... Народец местный, Пастухами забитый, когда в одиночестве остается, о чем угодно говорить готов, лишь бы не молчать – и чего я там только не услышал...

Ой, друзья, упаси вас Лифты когда-нибудь там оказаться. Или кого-то из ваших знакомых. Даже тех, кому вы невольно желаете гадостей или неудач.

Это жуткое место, его не сравнить ни с крысиным миром, ни с искаженной реальностью червяков. Пастухи – настоящие белоглазые выродки, способные просто из-за плохого настроения избить подопечного до полусмерти или сломать ему руку. К сожалению, дети, прожившие на Интернате хотя бы месяц, становятся такими же жестокими, как их палачи...

Невероятно, но в Спасгороде существует невероятное количество семей, *отказывающихся* от своих сыновей и дочек. Представляете? Отказаться от собственного ребенка! Сдать его на Интернат, где тот обретет новую «семью», жестокую и безумную? И таких много, с каждым годом все больше, я лично слышал обрывки рассказов.

Бывает, взрослые отдают детей совсем крохами, еще в пеленках. А некоторые – что еще страшнее – теряют интерес к своему ребенку, когда тому уже исполнилось шесть или даже девять лет! И, словно ненужную вещь, сдают на эту проклятую поляну, причем за вознаграждение...

Еще на Интернат попадают за провинности – школьные пугалки и страшилки, которыми нас потчевали учителя, оказались чистой правдой! За преступления, нарушения законов города или многократные дисциплинарные взыскания на самом деле можно угодить под дубинку Пастуха.

Часть группы, где я провел день, была забита или напугана настолько, что даже не могла вспомнить, почему носит галстуки. А вот другая часть обитателей барака оказалась совсем не такой – эти хорошо помнили все правонарушения, за которые были отправлены на перевоспитание. Помнили и гордились ими, соревнуясь между собой в дикости и беспринципности...

Согласен, Витька, это немыслимо... А знаешь, что еще жутко? Что эти получеловеки из года в год пользуются неписанным кодексом стаи, при всей лютости правил умудряясь не переступать границ дозволенного надзирателями. Потому что тех, кто осмелился нарушить официальные законы Интерната, отправляют еще ниже, после чего о человеке *забывают*.

Да-да, вы не ослышались. Если я правильно понял болтовню местных, у Пастухов даже существует какой-то договор с червями. Каждый месяц белоглазые за плату поставляют на Станцию какое-то количество новеньких, причем как правонарушителей, так и случайно отобранных жертв. Ну а что с ними делают черви, вам рассказывать уже не нужно...

В группах (их еще называют трудовыми отрядами) процветает стукачество, где за донос надсмотрщику шпиону выдают лишнюю пайку еды. Старшие бесконечно обижают младших, кто-то кого-то постоянно лупит, все пытаются выслужиться перед Пастухами. Когда те отсутствуют, в бараке начинается бесконечный передел власти, драки за право собирать дань с других групп или пользоваться привилегиями вожака...

Все малыши часть кормежки сдают старшим. Если еды не хватает, отдают дань услугами – например, застилают кровати, чинят одежду или стирают носки.

Меня сразу же обыскали, отобрав все, что было в карманах. Колесо от игрушечного самоката, зуб, который я носил с собой уже два года, счастливую монетку, оба шарика для игры в «Бум-бум» и даже старую обертку от жвачки. Все найденное Зубастик сразу отнес вожатому, который разделил добычу между особо приближенными.

Знаете, друзья... если Лифты окажутся благосклонны и мы сумеем вернуться к обычному образу жизни, после увиденного я буду смеяться задиристым старшеклассникам в лицо – ни один из них, даже кулаками, не способен причинить мне и капли страдания, прочувствованного на той противной поляне...

Живет Интернат тем, что выращивает овощи в огромных парниках на краю поселков. Думаете, попадающие нам на стол помидорки или кабачки – это плоды трудолюбия честных фермеров? Как бы не так! Половина овощей города выращивается на Интернате, только об этом никто не знает. Причем в условиях, от которых стынет кровь, и это не преувеличение... Местные работают с удобрениями без малейшего защитного снаряжения.

Да, Витька, даже без респираторов!

Жизнь воспитанника не стоит ничегошеньки – на его место вскоре придет новый, и механизм даже не забуксует. Они ковыряются в земле голыми руками, вдыхают пыль и микробов, под ногти забивается грязь, а медицинский осмотр Пастухи проводят не чаще раза в год.

Сами надзиратели привиты мощными антибиотиками, которые в качестве побочных эффектов вызывают эти странности: желеобразность зрачка и обесцвечивание ресниц. На воспитанников же они плевать хотели: если кто-то из детей заболевает, его одевают в полиэтиленовый комбинезон и увозят в Лазарет. В случае массового заражения в лечебницу отправляется население целого барака, хоть такое бывало и нечасто.

Только, скажу я вам, судя по системе труб, ведущих от Лазарета к системе отопления, там расположена обыкновенная котельная, а вовсе не медицинский блок...

Меня, как понимаете, тоже определили на овощи. Когда закончился час отдыха, нас снова построили колонной и погнали обратно через поселок. В одной из огромных теплиц мы перебирали, калибровали и сортировали картофель до тех пор, пока меня не замутило. В общем, группа продолжала вкалывать весь день, а самых ленивых ждал тумак от ближайшего Пастуха.

В какой-то момент прибыли врачи белоглазых. Меня отвели в сторонку, где прямо на виду у остальных взяли анализы для определения психокода и настройки галстука. По клочкам переговоров взрослых я догадался, что ошейник будет готов к завтрашнему утру. Тогда же мне собирались подобрать униформу в размер. К счастью, я перед вами, шея чиста, а школьная куртка все еще на плечах...

О чем я думал в этот бесконечный день? О побеге, конечно. И о том, какова будет моя судьба, если сбежать не удастся. О вас, о маме и папе, об Озорнике, на которого где-то в недрах города все еще ведет охоту Мглистый. Конечно, я планировал сражаться, но монотонная работа вскоре забила голову так, что я едва шевелил мозгами...

Итак, когда специальная сирена наконец-то объявила о завершении смены, мы отправились в общую столовую. И там, друзья, к своему огорчению, я поближе познакомился с Зубастиком...

Вообще, как вы уловили, тот вовсе не был вожатым нашего отряда. Но он точно являлся самым злым и несдержанным поганцем, которого я встречал, и даже старшие смотрели на мальчишку с опаской. А еще у него напильником заточены передние зубы – это на Интернате считается особым шиком неподчинения Пастухам, – и гад то и дело норовил пустить их в ход, с легкостью прокусывая до крови даже через несколько слоев одежды.

На ужин давали какую-то липкую консервированную гадость, которая едва напоминала кашу. Еще был кисель, огуречный хлеб и свекольное рагу. Выглядело все это весьма отвратно, вы уж поверьте. Но за день я уработался так, что был готов слопать все до крошки.

Зубастик, однако ж, имел на этот счет собственную точку зрения.

– Новенькие у нас на диете, – нахально заявил он, ухмыляясь и придвигая к себе мой поднос с мисками. – Делись!

Делиться я, конечно, не захотел, а вот драться полез охотно... Ай... ага, вот этот синяк был заработан именно в столовой. И вот этот. Ты, Витька, меня знаешь, я не из слабаков. Но Зубастик решил махать не один. А когда тебя валят на пол сразу пятеро, думаешь только о

том, как бы прикрыть башку...

После того как они устали меня пинать, Зубастик забрал мой ужин. Оставил только свекольную похлебку и кусок хлеба, гад. Остальное поделили, причем часть ушла в так называемый «общий котел». Это у каждой группы такой секретный склад, где хранится провизия на «черный день», когда у Пастухов совсем уж паршивое настроение и всю поляну морят голодом. Когда группа вернулась в барак, я успел подсмотреть, как острозубый и его прихвостни прячут хлеб и кашу под доски пола.

Да... как вспомню, так прямо дрожь пробирает. Даже на Казарме, не дай-то Лифты нам туда вернуться, было куда лучше. Полуживые механизмы полковника хотя бы служили одной цели, были равны и честны. Здесь же... тьфу!

Дети для Пастухов как прислуга – моют, убирают, чистят улицы, работают в опасных парниках. Но самое страшное, что никому до этого нет никакого дела! Интернат – это словно забытый мир, от которого отвернулись все – родители, Гильдия, Лифты... Да что там – весь город! И воспитанники платят ему встречной жестокостью, которую, как мне представилось, чуть ли не силой в себе растят...

Наступила ночь. Светоч погас, и, конечно же, я тут же решил бежать.

Но, как верно вы могли бы предположить, Зубастик со своими приятелями разгадал мой план, задумав подловить меня и тем самым еще разок выслужиться перед белоглазыми Пастухами. Ах, сколько раз они демонстративно прокрадывались мимо моей койки, на которой я затаился в одежде, не снимая даже ботинок! Проверяли, сплю ли, шептались за дверью, скрипели половицами и шумно дышали под своими одеялами. Из всех сил я боролся со сном, одновременно стараясь казаться мирно спящим и презрительно не обращая внимания на их попытки запугать меня. Ой, друзья, с каким же трудом мне это далось!

Один раз я почти задремал, и если бы не заговорщицкие шепотки с соседних коек, проснулся бы уже с галстуком на шее. Но я смог выскользнуть из дремы, мокрый от пота, с ноющими мышцами и горящими синяками. И еще через час вдруг выяснил, что победил кусаку – дожидаясь, пока я решусь на побег, его свита умудрилась уснуть, как и он сам!

Перед самым рассветом, когда сон наиболее цепок и надежен, я выбрался из-под одеяла. Барак дрых без задних ног, многогласно и нечленораздельно бормоча в кошмарах, и я с трудом удержался, чтобы не сделать спящему Зубастiku что-то гадкое. Прокравшись к тайнику, я вскрыл «общий котел», выбрав в его скудных запасах наиболее съедобное. Эти консервы вы, собственно, только что и вкушали – злобного мальчишку благодарите, хех...

Набрав еды, я выскользнул на улицу и пустился к Трясине.

На Интернате, в отличие от той же Казармы, дозоров никто не выставлял – стационарные Хозяюшки с их удушающим излучением хранили дисциплину лучше заборов и сторожей. И все равно, следуя пустыми улицами утреннего поселка, я невольно старался держаться в тени, не выходя под свет фонарей. Как выяснилось чуть позже – вовсе не зря.

Найти обслуживавшую подстанцию оказалось совсем непросто. Таких на поляне скопилось превеликое множество, а шахты, как я уже упоминал, укрывала изоляция без маркировок. Проплутав почти час, я уже отчаялся найти лаз, через который прибыл на Интернат, как вдруг сумел сориентироваться по раскраске неба.

На улицах стало совсем светло. Буквально через считанные минуты поселок должен был проснуться к началу нового рабочего дня. Но тут наконец-то я заметил скопление технических будок, из которого и попал в это страшное место.

В этот же момент Зубастик и трое его подхалимов перегородили мне дорогу, отрезая от Трясины. В руках у них я заметил палки, и стало ясно, что простыми пинкарями, как в столовой, на этот раз отделаться не выйдет. А еще во рту у заводилы блестел свисток, почти как у наших урядников, в который тот немедленно задудел.

Думаю, наша встреча стала чистой случайностью. Конечно, проснувшись и обнаружив пропажу новенького, Зубастик с приятелями бросился в погоню. Но учитывая, сколько времени я проплутал по поселку, мы могли запросто разминуться. Но нет!

Потуже завязав лямки мешка, я бросился на прорыв, стремясь к шахте и подстанции на

краю Трясины. Мои противники ринулись наперерез. Где-то поодаль, отвечая на свист, зашлась сирена, будя ненавистных Пастухов.

Да, вот эта ссадина от палки. И вот тут синяк на плече, я не смотрел, но по ощущениям здоровенный. Драки как таковой-то и не было, я против палок не умею... Сунул одному в зубы, второй меня тут же стукнул, а Зубастика я по коленке пнул. Тот упал, дернулся было меня за бедро цапнуть, но я уже бежал. Они, конечно же, совсем озверевшие – в погоню.

Вот клянусь, еще чуть-чуть, и схватили бы: или палкой бы сбили, или кучей навалились. А там и Пастухи бы подбежали, и тю-тю, Димка, никто о твоей судьбинушке не узнает. Но этого *чуть-чуть*, хвала Лифтам, не случилось. А когда на Трясину все четверо выскочили, Хозяюшки помогли.

Сначала даже ушам не поверил. Вроде топочут сзади, ругаются, все за куртку ухватить норовят, сопят шумно. А потом вдруг – «бац!», хрипы какие-то, упал кто-то, палка отлетела. Я еще шагов сорок пульей «вжик!», только потом посмотрел: лежат, милки... за галстуки хватаются, щеки посинели, глазенки выпучены. Кое-как ползут обратно в поселок, поближе к Хозяюшкам. Ой, как же я тогда этим чудовищным приборам благодарен был, признать стыдно...

Смотреть, как Зубастик и его кореша выживают, я не стал. Пастухи могли появиться с минуты на минуту, поэтому я припустил дальше, карабкаюсь по «наросту» подстанции к люку, который имел неосторожность так бездумно покинуть.

Как же колотилось сердце, как же холодела спина! И не успели первые белоглазые наводнить переулочек, где жадно глотали воздух Зубастик и его дружки, как я уже нырнул в одну из силовых будок, отчаянно протискиваясь в знакомый вентиляционный «карман».

Хронометра, как вы знаете, у меня не было, не заслужил... Но внутренние часы подсказывали, что дать отдых рукам в распахнутой мембране я решился как раз чуть больше суток назад.

Забившись в самый темный угол технического отсека, я с ужасом выслушивал, как надсмотрщики возьмется у люка, обсуждая мой побег. Как не могут забраться в узкий лаз сами, но вынашивают самые разные идеи – от накачки коридора газом до выбора наиболее послушного воспитанника. С того предполагалось снять галстук, привязать к ноге цепь и запустить следом за мной...

Не знаю, сколько времени я провел там, скукожившись и прижимая к груди мешок. Час? Может быть... может быть, больше. Но когда мембрана зашипела, а карман снова открылся на проветривание, этот звук показался мне самым чудесным на свете. Стараясь двигаться осторожно, но быстро, я юркнул под открывшуюся заслонку, от радости и свободы чуть не сверзившись в шахту.

Ну вот, собственно, почти все...

Какое-то время я висел на ржавых ступенях, прислушиваясь – не реализовали ли Пастухи свой план с мальчиком и цепью. Затем дождался, пока задвижка встанет на место, а пневмоприводы не замолчат на ближайшие сутки. И только после этого давай карабкаться – как вы уже догадались, вверх, а не вниз.

Чувствовал я себя так, будто из меня выжали все соки. Но так, по-честному, дело и обстояло. Выбравшись на Штамповальню, я еще почти час просидел под одной из местных фабрик, опасаясь погони людей с водянистыми зрачками. Затем о себе напомнил голод, и я перекусил прихваченными продуктами. Потом вроде бы и вовсе задремал от сытости и тепла.

Но когда над поляной заревели сирены и Сортировщики снова выкатились на охоту, у меня чуть не случился сердечный приступ. Думал – за мной идут, где-то в сканер угодил. Или, может, Пастухи на поляне... Бросился по старой памяти к пульту вызова Облачка, а тут... Вот так вас и встретил».

Димка замолчал, задумчиво облизывая пересохшие губы. Поковырялся в мешке, вынул пластмассовую бутылку с водой и попил.

Во время рассказа он беспрерывно раскачивал ногой, как маятником, что выдавало

волнение и тревогу. Теперь подошва его ботинка мерно и глухо застучала по ножке верстака – мальчик с опаской ожидал реакции на свою историю, нервничая еще сильнее. Как бы беглец ни храбрился, повествуя об опасных похождениях с деланой легкостью и напускной бравадой, он испытал сильнейший страх.

– Дурак ты, братец, – наконец вздохнула Настя.

Не со злостью или обидой, а с каким-то горьким, совсем недетским разочарованием. Встала, разминая затекшие за время рассказа ноги, прошлась по кухне.

– Это ж надо придумать... не просто из школы удрать, а еще и на поляну угодить, которой детей до самого института пугают...

Дмитрий скривился, подумал оправдываться, но только махнул рукой и дернул плечами.

– Думаете, наверное, что путешествие мое бессмысленным было? Что головой своей зря рисковал? – фыркнул он, насмешливо глядя на брата и сестру. – А вот фигушки, скажу я вам! Как папа говорит, беды без прибытка не бывает.

– Это ты к чему? – непонимающе нахмурился Виктор, изогнув бровь.

– А к тому, что на Интернате я услышал такое, о чем и мечтать не мог! – цокнул языком его брат.

Было заметно, что эту часть истории он припас «на сладкое», вот-вот готовый поразить остальных чем-то по-настоящему необычным и захватывающим. Даже с верстака прыгнул, протягивая сестре бутылку с водой.

– На Интернате нет запретных тем для разговоров. К этому привыкли и Пастухи, и воспитанники. Первые оттуда не уйдут, потому что работой упиваются. Вторые – потому что, попав в этот кошмар, уже никогда не вернешься на добропорядочные поляны. Вот и чесали языками почему зря. А я слушал.

– Ну не томи, – попросила Настя, сделав несколько глотков невкусной, отдававшей кислинкой воды. – Чего ты там еще вызнал?

– Кое-что о Смотрителях, например, – понизив голос, подмигнул родным Димка.

Чувствовалось, это совсем не главное, что он хочет сообщить, но мальчик намеренно разогревал публику, накаляя страсти.

– Пастухи говорили, что когда-то Гильдия была обыкновенной обслугой, хоть и в высшей степени профессиональной. Можете поверить? Однако в какой-то момент руководители ее захотели возвыситься. Захотели настоящей власти...

Он украдкой обернулся на полупрозрачный полог в дверях, будто их могли подслушивать.

– И теперь вся власть в Спасгороде – у Смотрителей, по сути – обычных инженеров, умеющих чинить процессоры Лифтов. Именно они, а вовсе не правительство или поселковые советы, определяют, что такое хорошо, а что – плохо. Они решают, кого наказать, а кого наградить – только они, по собственным прихотям и в зависимости от настроения. Пишут про такое в газетных листках?

Витя нахмурился, тоже покосившись на дверь. С первых классов их учили совсем другому, выставляя Гильдию исключительно в положительном и выигрышном свете. А потому слова брата сейчас звучали не только противоестественно, но и преступно.

– Пастухи, сами на них работающие, злятся, – продолжал тем временем Дима. – Мол, те зажрались совсем, заигрались во власть. И вместо того чтобы развивать Спасгород, только на запасах его жируют, запрещая даже в мыслях упоминать про существование таких полян, как Свалка или Интернат...

– Милосердные Лифты, – прошептала Настя, обдумывая его обвинительную речь. – Неужели это правда?

– А какой смысл белоглазым врать? – мальчик пожал плечами, с тревогой глянув на побледневшего брата. – Да и сходится все, если покумекать. За свое путешествие на Заботинск мы видели *такое*, о чем в учебниках точно не расскажут. И в тайне это храним не по прихоти... Витька, ты как?

Но от обилия новостей у того закружилась голова, и он торопливо отобрал у сестры бутылку. Напился, совершенно не замечая гадкого металлического привкуса.

– Я как представил, – просипел он, тяжело дыша, – что если кто-то узнает о том, что ты подслушал... Так нас на твой знакомый Интернат и вернут. Быстро, тихо, без прощания с родителями.

– Выходит, – тихонечко спросила девочка, – мы узнали новую жуткую тайну?

– Или усугубили прежнюю, – потер лоб и переносицу Витька. – Матушки-платушки... И это, братец, если верить огоньку в твоём прищуре, ещё не все новости?

Тот довольно улыбнулся и кивнул.

– Точно! Потому что сплетни про Смотрителей – это страсть как будоражит. Но был у нас в отряде парнишка один, Тихоном-Тихоней звали. Его до ссылки почти год по городу ловили, так что где он только не побывал. Юркий такой, худенький, а глаза – как у деда старого: усталые, мутные. Во время смены Тихон много чего рассказывал, чтобы не скучно было. Но больше всего он любил страшные истории о Мглистом Механике. Жизнью мамки клялся, что правду говорит: что, мол, сами Лифты ему в своё время поведали, а они, дескать, не врут. Так вот, родненькие: то, что я узнал от Тихони, по-настоящему жутко...

В модуле с бетонным полом и гофрированными металлическими стенами стало очень тихо, и внутри тут же ворвался отголосок беспорядочного шума конвейеров по производству ненужных вещей.

Настя сглотнула комок, Витька побледнел ещё сильнее. А Димка, с важным видом запрыгнувший обратно на край верстака, заговорил чуть тише.

– Его на самом деле звали Александр Дрейфус, – прошептал мальчик таким тоном, что у остальных по рукам тут же побежали мурашки. – И он был талантливым механиком, одним из лучших во всем Спасгороде. Но работа с Лифтами не являлась его специальностью, скорее – хобби. Смотрители – когда ещё на самом деле помогали спасгородцам, а не управляли городом, как бездушной марионеткой, – частенько обращались к нему за советом или помощью...

Всем троем померещилось, что злобный холодный ветер пробрался в помещение через полиэтиленовую занавесь, грубо потрепав по светлым макушкам. От этого колючего чувства вдруг пришло пронзительное осознание, что где-то неподалеку, за тонкими жестяными переборками, терпеливо дожидаются приказов Сортировщицы – с ржавой броней вместо кожи, только и ждущие фабричных неполадок, чтобы гончими броситься в атаку...

– Но затем произошло нечто, что свело Дрейфуса с ума, – продолжал Дима. – Что-то страшное, непоправимое. Он стал сам не свой, взбунтовался против Гильдии. Сначала бросил прежнюю работу, затем стал уродовать Лифты или заливать шахты специальной гермопеной. Смотрители, конечно, попытались вернуть контроль над Александром, и на время им даже удалось каким-то образом договориться с ним. Но с тех пор Дрейфус уже не чинил – по приказу Смотрителей лишь отключал и калечил Лифты, отказывавшиеся признавать власть Гильдии. Но полгода назад... полгода назад он и вовсе спятил и не подчиняется больше никому. Теперь, бессмертный и талантливый, Мглистый бродит по полянам и совершает свои преступления...

– Бессмертный? – вздрогнул Виктор, с откровенным недоверием покосившись на брата.

– Почти, – совершенно серьезно и убежденно ответил тот, заставив Настю охнуть. – Мы могли хоть сто раз топить его в охлаждающей жидкости или сбрасывать с обрыва, все ему нипочем. Потому что – как клялся Тихоня, – когда-то Александр Дрейфус добровольно вынул свое сердце из груди, заменив его процессором первого убитого Лифта. И сокрушить Механика, если верить молве, можно, только уничтожив его настоящее сердце. А хранится оно в тайнике, в секретной криогенной камере, которую охраняет огромная змея с желтыми глазами и железными зубами...

– Мамочка... – прошептала девочка, снова затеребив завязки на куртке. – И где же этот тайник?

– Там, где Дрейфус жил и работал до того, как стал Мглистым Механиком, – невольно

пугая остальных зловещим шепотом, подытожил Дима. – На поляне Летняя Ярмарка, где тот выступал силачом в цирке-шапито.

Глава четвертая, в которой принимается ответственное решение, а кое-кто получает весточку из прошлого и прощается с сокровищем

Представьте – посреди шумной автоматизированной поляны по производству вещей кто-то небрежно расставил жестяные бараки, издали напоминающие разрезанные повдоль цистерны. Почти дюжина таких строений пустует, пылясь и дряхлея под грохот фабрик. Однако в одном (пусть временно) неожиданно затеплилась жизнь.

Представьте – внутри жестяного ангара, когда-то служившего не то столовой, не то залом отдыха, находятся трое детей: двое мальчиков и девочка. Их черно-желтые школьные куртки перепачканы сажей, ржавчиной и грязью, равно как и бледные лица. В глазах пульсирует что-то молчаливое, задумчивое, чем трое пока не готовы делиться даже друг с другом. Один из мальчишек невоспитанно взгромоздился на широкий верстак, нервно покачивая ногой. Второй замер на стуле неподалеку, задумчиво потирая переносицу. Девочка меряет помещение шагами, стараясь не скрипеть толстыми подошвами высоких удобных ботинок.

Представьте – в воздухе слабеет аромат консервированной ветчины, перебиваемый запахами пыли и сгнившей обивки кресел. А еще в нем витает что-то не столь уловимое – нечто давящее, назлектризованное, как грозовая туча, невесть как вползшая под крышу...

Сила духа, как говаривал Петр Петрович, это кованый гвоздь, на который мы вешаем покровы своего характера. Чем крепче этот гвоздь, тем богаче и красочней личность, тем больше она имеет образов и граней. Чем слабее закалка, тем меньше выдержит гвоздь, рано погнувшись и сбросив ношу – тем самым обнажая уязвимую человеческую натуру, превращая несчастного в эмоционального бедняка.

Закаляйте этот стержень, частенько добавлял отец, прежде чем пожелать малышам спокойной ночи и отправиться в родительскую спальню. Укрепляйте силу духа и воли – когда тело устанет, только она заменит любой тонизирующий напиток, откроет второе дыхание, поможет свернуть горы.

В этот момент, осознавая смысл удивительной и пугающей истории, рассказанной Димкой, наши герои вспомнили слова отца. И постарались нащупать в душах этот невидимый гвоздь-стержень, чтобы испытать его на прочность.

Зловещее порождение Спасгорода и его охочих до власти правителей – Мглистый Механик – так неожиданно и плотно вошел в жизнь героев и их семьи, что иногда воспринимался почти что ее частью, даже несмотря на чудовищную суть. Весть о его возвращении оказалась страшной, но неизбежной. А известие о его единственном уязвимом месте – вырванном из груди сердце – заставило всерьез задуматься о дальнейших планах.

– Выходит, – первым нарушил гнетущую тишину Витька, вставая со стула и несколько раз приседая, чтобы размять ноги, – настоящую историю Дрейфуса знают только на Интернате, поляне, откуда не сбежать. Еще, не исключено, ее знают Смотрители. И теперь мы трое.

– Как здорово, – нервно хихикнула Настя, остановившись и притопнув ножкой. – Вот только этой тайны нам и не хватало... Что же делать дальше?

Мальчики переглянулись, будто с таким же успехом сестра могла спросить совета у ближайшего пустого шкафа.

– Может быть, рассказать папе? – робко предложила она, наблюдая их нерешительность. – Если за нами следил представитель Гильдии, теперь и так влетит... чего усугублять положение?

– Рассказать? – фыркнул Димка. – Да лучше закопать эту тайну во дворе дома, чтобы через неделю и не вспоминать... Ты ведь не хуже меня понимаешь, что папа не сможет

вмешаться, чтобы не подставить нас и маму.

– Верно, – вставил Виктор. – Ему пока лучше не знать. Но продолжать *твое* путешествие, Димка, мы тоже не имеем права, – и поспешно добавил, заметив, как недовольно заиграли желваки брата: – Уверен, если Озорник цел, то спрятался в чужих шахтах, там его Мглистому искать целый год...

Он подошел к дверному проему, осторожно выглянул наружу.

– Помните, как мама говорила? Для того чтобы искоренить заразу, нужно не симптомы лечить, а искать первопричину.

Дима, первым сообразивший, куда клонит братец, только хмыкнул, а Настя лишь захлопала ресницами.

– Хочешь сказать, Витька, мы должны сами довести дело до конца и избавить Спасгород от Механика? – чуть слышно выдохнула она, вздрогнув всем телом.

– А опасна ли Птица? – ответив риторическим вопросом, вздохнул мальчик. – Да, именно это я и предлагаю. Искоренить заразу – найти сердце Мглистого и уничтожить его. Поймите – многие Лифты до сих пор верят, что полгода назад мы избавились от их мучителя. Они в опасности.

– Не знаю, как ты, Настенка, – с горечью обронил Дмитрий, – но я с братом согласен. Мы сейчас – как повар-неумеха, схватившийся за горячую кастрюлю с супом: и руки жжет, и бросить нельзя.

– И что вы предлагаете? – отстранившись на шаг, будто от заговорщиков, осторожно поинтересовалась девочка, уже зная, что сейчас услышит.

– Пойдем на Ярмарку, – бесхитростно ответил Витя. – Найдем сердце.

– И уничтожим! – ввернул Димка.

– Возможно, – поморщился его брат, словно идея *уничтожения* частички Механика была ему неприятна. – Или же захватим и станем диктовать Мучителю свои условия. Уверен, когда мы завладеем сердцем, он будет вынужден прекратить свои черные дела. Вынудим его уйти и оставить Лифты в покое. Что скажете, друзья?

И снова они, поставленные перед непростым выбором, крепко задумались, прислушиваясь к монотонному гулу Штамповальни.

Первой голос подала девочка.

– Сказать такое гораздо проще, чем сделать... – Она покачала головой, заправляя за ухо прядку волос.

– Но если план сработает, все может получиться.

Димка спрыгнул со своего насеста, принявшись шнуровать стибренный у Зубастика мешок с остатками провизии.

– Также мне, лихой какой. – Настя задрала нос. – Это вам не контрольную прогулять, вы понимаете?

– Ну конечно, понимаем... – Витька подошел к сестре, пряча ее холодную ладонь в своих. – Если будем вместе держаться, то обязательно справимся. Ты только верь...

– Точно говорит. – Дмитрий забросил мешок за спину. – И так уже накуролесили. Влипли, можно считать, безнадежно, шею все равно к тумакам готовить. Зато теперь нас снова трое, а это, я вам скажу, не хухры-мухры...

– Дурацкая какая присказка, – невольно улыбнулась Настя, ответно пожимая руку брата. – Ладно, умники, дойдем мы до Ярмарки. А дальше что? Там же куча Стражников.

– Это верно, – согласился Виктор с таким видом, словно все давно продумал. – Но именно толпа и поможет нам спрятаться. Вспомните, как много народу посещает Летнюю Ярмарку. Кого там только нет! Вахтенная система обслуживания фабрик на большинстве полян позволяет возить туда тех рабочих, у кого сейчас отпуск. Кстати, школы Спасгорода тоже работают не по единому синхронизированному расписанию. Если хоть где-то каникулы уже начались, мы с легкостью затеряемся в потоках гуляк...

– В таком-то виде? – недоверчиво протянула девочка, рассматривая чумазых братьев в перепачканной одежде.

– Ой, Настюх! – одернул ее Димка. – Опять ты за свое! И вообще, раз решились, давайте-ка детали на ходу продумаем, ага? А то вы уже сдать готовы, а еще до Ярмарки не добрались...

И он, подавая пример, двинулся к выходу из пыльного барака, поправляя на плечах лямки вещевого мешка. Остановился на пороге, отодвигая исцарапанные полиэтиленовые полосы и позволяя сестре первой покинуть гулкое нутро строения.

Однако девочка вдруг замерла, встревоженно глядя через плечо.

– А если... – Она застыла среди прозрачных вертикальных полос, нахмутив лоб. И что-то в выражении ее лица Витьке очень не понравилось. – Нет, я ничего такого сказать не хочу... но что только, если... если *он* как-то узнает, что нам известна его тайна?

Никто и подумать не мог, как это может стать правдой, но всех охватило непрощенное оцепенение. Вопрос остался висеть в воздухе, как дым. Умом они понимали, что это практически невозможно, но сердца троицы в этот момент колотились, будто обезумевшие барабанчики. Казалось, жестяные стены модуля пульсируют им в такт, сжимаясь и раздвигаясь, будто искусственные легкие Штамповальни.

В полной тишине дети покинули постройку, в которой уже дважды за прошедшие полгода обсуждали странное существо по имени Мглистый Механик.

– Как будем добираться? – негромко поинтересовался Виктор, чтобы хоть как-то растопить стужу, сковавшую отряд после вопроса сестры.

Они шли по улицам Фабрики-БАП, стараясь не заступать за предупредительные линии на полу, и внимательно высматривали неисправные сканеры со слетевшими предохранительными кожухами. Вокруг гудела, брнчала и что-то штамповала механизированная поляна.

– Может, шахтой Озорника? – предложил Витя. – Ты же, Димка, только вниз разведал, но наверх тоже лестница вела?

– Вела. Но шахта отменяется, – со знанием дела отрезал тот, пожимая плечами. – Во-первых, все еще есть риск наткнуться на засаду Механика или белоглазых. Да и обнаружить нас в бетонной кишке проще, чем в стене...

Сейчас мальчик говорил тем снисходительным тоном, выдававшим в детях (да и во взрослых, если уж на то пошло) зазнаек и задавак. От Насти это не укрылось, и она позволила себе усмешку.

– Ой, посмотрите только! После самостоятельного путешествия кто-то возомнил себя настоящим следопытом и матерым знатоком Спасгорода!

– Да ладно тебе, – на помощь покрасневшему брату пришел Виктор. – Я с ним согласен, безопаснее будет техническими коридорами во внешней стене. Лифты перепуганы, ты сама помнишь Компетенцию. А если обратиться к незнакомым кабинам, еще, не ровен час, сдадут нас в руки Смотрителям...

– Значит, решено, – Дима присвистнул.

– Хорошо, согласна. Скажу только – шахтой или техтоннелями, давайте, пожалуйста, ускорим шаг? – девочка с тревогой осмотрелась. – Мы так долго проторчали на этой поляне, что мне уже кажется, будто она стала нашим вторым домом...

И мальчишки, молча согласившиеся с сестрой, зашагали чуть шире.

Зашагали, чтобы в скором времени, как это водится, выйти к внешней стене Спасгорода, мудро отделявшей мегаполис от опасностей внешнего мира. В отличие от границы их родного поселка, эта рисунками испещрена не была, а потому искать на ней люки и прочие лазейки внутрь было намного проще.

– Вот, – довольно усмехнулся Димка. – Скажи теперь, что я не следопыт...

Он потирал шрамы на щеке одной рукой, а другой указывал на утопленный в стене овал и запорный механизм. Взявшись за его выдвижные поручни, мальчики начали отпирать засовы: кряхтели, тужились, тяжело дышали, но все же вынудили заработать стержни, давным-давно заблокировавшие дверь на поляну.

Железные спицы втянулись в толщину створки, она распахнулась, а ее герметичная

резиновая окантовка по краю тут же расползлась кусками, падая под ноги.

– А нам точно сюда? – робко поинтересовалась Настя, боязливо заглядывая в открывшийся темный коридор, откуда в лицо дышала влажная затхлость.

– А есть разница? – Дима беззаботно пожал плечами, от чего лямка мешка чуть не соскочила. – Когда не знаешь дороги, одинаково легко идти в любую сторону!

– Философ доморощенный, – с улыбкой хмыкнул Витя. – Ну, вперед, друзья...

И первым шагнул в полумрак, стараясь переставлять ноги медленно и осторожно. Остальные потянулись за ним, и шедший замыкающим Дмитрий закрыл за собой тяжелую овальную дверь, со скрипом вставшую на свое место.

– Фу, как воняет... – сморщила нос девочка. – Как в туалете... нет, еще хуже...

– Терпи, сестренка, – подбодрил ее Витька. – Скоро пройдет.

Через несколько минут они и правда стали привыкать. К неприятным запахам помещений, уже много лет не посещаемых людьми; к полумраку, который с трудом разгоняли редкие аварийные лампы, еще не перегоревшие в своих потолочных клетках из проволоки.

Шум Фабрики-БАП, отрезанный люком и поворотами коридора, стих. Резко ощущаемая на контрасте опутавшая их тишина стала настолько клейкой, что, чудилось, оседает на зубах растаявшей карамелью. Шарканье подошв о бетонный пол и металлические решетки опалубки казалось нестерпимо громким, дыхание походило на гудение ветра в аэродинамической трубе.

Потянулись однообразные коридоры технических прослоек, так часто сновившиеся нашим героям в неприятных снах. По стенам заструились десятки кабелей и проводов, как зашитых в специальные кожухи и короба, так и обнаженных, кое-где даже с начисто содранной изоляцией. На углах и перекрестках скрутки исчезали в массивных шкафах, часть которых уже определенно не работала, провоняв горелой пластмассой.

На полу вдоль полых плинтусов скапливалась пыль, сбивавшаяся в пушистый валик – когда дети проходили мимо, потревожив его ветерком, он будто бы порывался уползти, извиваясь и морща пепельную шкурку.

То здесь, то там виднелись скопления медных трубок пневмопочты, внутри которых регулярно что-то брэнчало и гремело – это с легким свистом, чуть задевая стенки краями футляров, летели по городу письма, распоряжения, приказы и декларации. Большинство труб было маркировано цветовыми наклейками и надписями. Некоторые (самые секретные и важные) почтовые каналы оковывала настоящая броня, разрезать которую не смогли бы даже инструменты.

А еще отовсюду напознала плесень – самых разных видов, она уже давно стала неизменным (хоть и нежеланным) соседом спасгородцев. Как ни боролись с ее атаками специальные службы, какими растворами и химсоставами ни обрабатывали поляны города, плесень раз за разом возвращалась, крошечными шажочками поглощая трещины, потертости и дыры. И если на жилых ярусах ее можно было встретить лишь в канализации или подвалах зданий, то тут она властвовала безраздельно.

Черная, с неприятным запахом; светлая, колышущаяся под тусклыми лампами, словно миниатюрное пшеничное поле; светящаяся и гадко-зеленая – ее тут было великое множество. Путникам стоило большого труда не наступать на ее плантации или не вляпаться рукой, случайно задев о стену.

Поход казался бесконечным и перемежался лишь короткими разговорами вроде:

– Ой, от родителей влетит... В этот раз не удастся отблехаться, точно говорю.

– Перестань гундеть, Настюха, уже поздно отступать.

– Верно, сестренка, сейчас переживать бессмысленно. Мы вместе приняли решение. Значит, и ответственность создаем...

Вновь они замолкали, плутая по однообразным коридорам. Изредка им встречались массивные вентиляционные короба, уводившие куда-то в стены. Иногда попадались брошенные комнаты персонала, до мелочей напоминавшие недавно покинутый модуль на

Штамповальне. Оставленные в каморках вещи, уже не способные ничего рассказать о своих хозяевах, обреченно догнивали под ударами легионов вездесущего настенного грибка.

С печалью, перемешанной со страхом (когда-нибудь они сами могут – вот так запросто – кануть в бездну времен), близнецы рассматривали старые потрескавшиеся каски, лежащие на лавках раздевалок. Не рискуя брать в руки, ребята пытались сквозь слой грязно-мучной пелены прочесть названия присыпанных пылью книг; гадали, что за люди изображены на старинных фотографических матрицах, забытых на стенах и рабочих столах. Иногда встречались нагромождения фанерных ящиков (по большей части пустых) или жестяных канистр (по большей части полных). В бочках, о чем красноречиво сообщали едкие запахи, хранились технические химикаты и смазочные материалы, бесцельно испарявшиеся и забивавшие помещения опасной вонью. Такие места наша троица предпочитала обходить стороной, даже если для этого приходилось делать крюк.

От окружавшего однообразия клонило в сон, носы наглухо забились. Пустые коридоры и извивавшиеся вокруг могучих труб проходы шептались с путешественниками на десятках таинственных, никому не известных языков. Они бормотали, гудели, шипели и булькали, всей этой какофонией намекая, что чужаки вторглись на запретную территорию, где и прежним-то работникам-инженерам были не совсем рады...

А вот лестниц, уводящих на соседние поляны, попадалось не так много, как хотелось. Часть их упиралась в запечатанные намертво заслонки, вскрыть которые не представлялось возможным без газовой горелки. Часть вела вниз. И лишь считанные единицы возносились вверх, исчезая в черных провалах люков.

Сначала дети пытались запоминать их месторасположение – если какой-то коридор заводил в тупик, они спускались на прежний уровень, пытая счастье на другом подъеме. Но совсем скоро все трое запутались, чуть не повздорив, и предоставили выбор лестниц судьбе, уже не пытаясь разобраться, куда заманивают их коридоры и каналы для водопроводных труб.

Через четыре (или пять... А может, даже шесть?) подъема отряд решил сделать привал, давая отдых гудящим ногам. Ребята остановились на перекрестке сразу восьми коридоров, сходящихся в просторном холле с высоким потолком. Большую его часть занимала гигантская установка по распределению воды. Темные от конденсата пластиковые трубы шипами диковинной короны расходились от насоса в разные стороны, исчезая в потолке. Было прохладно и влажно, кое-где установка подтекала, от чего на полу регулярно образовывались лужицы. Однако отсутствие уюта компенсировалось хорошим освещением – над распределителем горели сразу четыре уцелевшие лампы.

Опускаясь на сухой кусок пола возле стены, Димка закричал.

– Ну что, когда проверим, как высоко забрались?

Витя и Настя на холодный пенобетон сесть не рискнули, а потому остались стоять над братом, с интересом рассматривая незнакомый насосный агрегат. В свете ламп блеснул хронометр, извлеченный из-под рукава куртки.

– Мы поднимаемся чуть больше двух часов, – отчитался его владелец, бережно протирая заляпанное пальцами стекло циферблата. – Думаю, еще столько же, и пора возвращаться к внутреннему периметру...

– Эх, нам бы карту... – протянула девочка, пожившись.

– Ага, а лучше сразу сговорчивый Лифт, чтобы напрямик до места, – Димка скорчил ей рожу и показал язык. – Хватит мечтать уже, а то...

– Ребята, – вдруг перебил их Виктор, пряча бесценный хронометр под рукав, поднимая голову и прислушиваясь к капели, мерно барабанившей с потолочных труб.

Перебил решительно, заставив брата запнуться на полуслове, а сестру тревожно обернуться.

– Может, не самый уместный вопрос, но все же... – мальчик поморщился, задумчиво провел пальцем по стене, усеянной мелким водным бисером. – Скажите честно, а вам когда-нибудь снилось, что Великосветский Гранд не дождался спасателей и Красимира на свободе?

Димка поперхнулся, Настя ойкнула:

– Глупости! Мы же вместе по радио слышали, что после нашего ухода он вызвал подмогу. Зрители сообщили, что вокруг шахты объявлена зона карантина. Они же оцепили все, специалистов привезли. И вообще, нашел место вспоминать...

Она пристально смотрела на посерьезневших братьев, пока, наконец, Дмитрий не кивнул, от волнения поднимаясь на ноги.

– Снилось, бывало... – в его голосе слышался оттенок страха, пробивающегося через броню юношеской храбрости, как росток сорняка ищет дорогу среди камней. – Сперва мне казалось, что так Лифты пытаются нас предупредить... Смешно, да? Они же не умеют проникать в человеческие сны... И тогда я успокоился: это же обычный кошмар, Витек. Кошмар моего воспаленного сознания. И твоего. Просто Крася в свое время произвела на нас такое сильное впечатление, что не забыть...

– Да, понимаю, – подтвердил Виктор, все еще водя пальцем по влажной стене. – Мне тоже снилось... пару раз... Страшно было так, что я почти забывал к утру. И все же иногда кажется...

– Тьфу на вас обоих! – злобно выкрикнула Настя, топнув по луже так, что окатила брызгами не только себя, но и Димкину штанину. – Немедленно перестаньте! Неужели не знаете: мысли могут материализоваться?!

Казалось, она не на шутку разозлилась. Но мальчишки без труда догадались, что за показным буйством сестра всего лишь прятала ответ на заданный вопрос. Выходит, ей тоже снилось что-то подобное, пугая и заставляя верить, что враг на свободе.

– Но... иногда я действительно слышу ее голос, честное слово, – не унимался Витька, хотя ему отчаянно хотелось замолчать и сменить тему.

– Прекрати!

– Настя, клянусь, что совсем недавно я...

– Хватит! Когда думаешь о хорошем, оно обязательно сбывается! – отрезала девочка, переводя лихорадочный взгляд с одного брата на другого. – Но поймите, это работает и в *обратную* сторону! Дошло, дубины? И если вы сейчас же не прекратите воображать себе оборотня, ползущего по нашим следам, – ничего путного из нашего похода не выйдет!

Мальчишки виновато переглянулись, но казалось, что Виктор слегка обижен, ведь ему не поверили. А в следующую секунду произошло событие, шокировавшее всех – троица вдруг оцепенела, страхась поверить ушам, а затем их пробрала дрожь.

– Проклятая Поверхность, – несдержанно выругался Димка. – Мне кажется, я слышу...

По виду брата и сестры он догадался, что не одинок в своих предположениях. Этот голос, снисшийся детям не реже образов Мглистого Механика, заглянувшего во двор их двухэтажного домишки, был хорошо им знаком. Настолько, что хватило всего пары вздохов, чтобы галлюцинация ожила, превратившись в реальный кошмар.

– Какой чудесный сюрприз... – тихонечко, почти неслышно доносилось из глубины технической прослойки, из зарослей труб, из-за неведомых агрегатов с гигантскими шестеренками и забитых проводами коридоров. – Я уж и поверить не могла, а тут такое... Наконец-то вы далеко от гадких урядников с электрическими дубинками... Ах, какой запах, какой вкусный аромат... Близко-близко ко мне, совсем рядом...

Протяжный женский голос, без остановок бормочущий нараспев, доносился, казалось, отовсюду. Голос женщины, которая таковой не являлась. Голос старушки, умевшей превращаться в гигантское насекомое, когда-то чуть не сожравшее всех троих. Он все бубнил и бубнил, а наши герои не могли сдвинуться с мест – так страшно им стало в этот миг, так стремительно окаменели их мышцы.

– Ах, как же мне было плохо и тоскливо, – продолжала причитать бабушка Красимира (теперь они не сомневались, что это была именно она) из темных коридоров. – Чуть от голода не померла, лапку пришлось скушать... Но справедливость существует, мои хорошие! Я вас чую, скоро найду и тогда припомню каждую минутку, проведенную в брюхе злого Лифта-обманщика...

Первым опомнился Димка: отвесив брату звонкую пощечину, он встряхнул Настю за воротник куртки, зашипев выкипающим чайником:

– Бежим!

Витькино лицо вспыхнуло, он схватился за обожженную ударом щеку, но стиснул зубы – сразу понял, что иначе вывести его из транса брат не смог бы. Девочка застонала, колени подкосились, и ее пришлось подхватывать при падении.

А потом они сделали то, чему так здорово научились за время возвращения из нижних ярусов Спасгорода – побежали. Причем не плавно набирая скорость, а сразу стартуя на пределе сил. Выпущенными из пращи зарядами они рванули в ближайший коридор, стараясь оставлять призрачный голос оборотня за спиной.

– Осторожно!

Троица едва успела пригнуться, чтобы не впечататься лбами в несколько покрытых суриком железных труб, перегородивших коридор на уровне лиц.

– Сюда! Быстрее! – Витька помог Насте, чуть не споткнувшейся на повороте, удержать равновесие.

– Зачем вспомнили бабуку?..

Под ногами хрустела бетонная крошка. Подошвы мерно скрипели, но эти звуки заглушало тяжелое дыхание удиравших.

– Накликали беду, дураки...

Ребята остановились перевести дух, одновременно сгибаясь и упиравшись руками в бедра. По щекам, несмотря на прохладу, катился жгучий пот.

– Думаешь... – Димка глотнул воздуха, закашлялся. – Думаешь, если бы не разговоры, она бы из Гранда не выбралась?

– Причем не вчера... – Витька выпрямился, заставив и сестру это сделать – так легкие получали больше вентиляции. – Слышали, она про урядников говорила? Значит, следила за нами!

– Мамочка... все это время? А как же зона карантина?

– Не знаю... может, Стража опоздала? Тогда Великосветского Гранда жалко... если оборотень освободилась, Лифту не поздоровилось. Он сам не смог бы отбиться от старухи, ему же нечем...

Настины щеки запылали от гнева, едва она в полной мере осознала, что Лифт мог погибнуть, защищая их непутевые жизни. Но сейчас время для бессильной ярости было определенно неподходящим – потому девочка лишь тяжело вздохнула, справляясь с собой.

Голос лже-бабушки, блуждающей где-то неподалеку, раздался снова. Она, жительница лабиринтов, уже давно не выдавших человека с цивилизованных полей, пребывала в своей стихии. Там, где беглецы делали сто шагов, она лишь десять, кружа вокруг жертв и продолжая бормотать, шептать, угрожать.

– Бежите, детишечки? Это плохо, гадкие детишечки... Кровушка ваша станет густой и невкусной, мышцы твердыми, как железки... Зачем убегать? Пойдите на месте, отдохните. Бабушка Красимира вас чайком угостит, спать уложит... Обещаю, гадкие злые дети – тихонечко заснуть я позволю только первому из вас! Остальных ждет моя месть, которая не будет быстрой!

И тогда, стискивая зубы и жадно всасывая воздух, они побежали снова. Как ртутные шарики бездумно перекатываются по наклонной поверхности, сталкиваясь и разбегаясь, так и близнецы катились по технической дуге поляны – туда-сюда, назад и вперед, уже давно и безнадежно заблудившись.

Подстегиваемые нашептываниями старухи-оборотня, ребята рвались вовсе не в коридоры, теоретически способные вывести их в глубь города, а, подчиняясь первобытным инстинктам, сворачивали лишь туда, где горел свет. В одном из таких освещенных мест Крася их и настигла...

Помещение было просторным, низким и очень жарким – всю его центральную часть занимали сразу пять хитроумных аппаратов по сохранению и распределению поступавшего

снизу тепла. Толстокожая асбестовая пароизоляция хоть и поглощала часть исходящего от установок жара, но весь забрать не могла. Поэтому в зале, ярко освещенном целой дюжиной исправных ламп, было не только светло, но и очень душно.

В другое время дети с интересом разглядели бы накопитель, похожий на нагромождение перевернутых табуретов и маховиков. Но сейчас они видели перед собой лишь угрюмую конструкцию, выпустившую из хаотичных переплетений их самого нежеланного знакомого...

Красимира вывернула из-за агрегата, ласково раскидывая руки, будто встретила любимых внуков и захотела нежно обнять. Те, неловко и болезненно столкнувшись друг с другом, молча наблюдали за ее приближением, невольно затаив дыхание. Оживший страх, по злему стечению обстоятельств обретший кровожадную плоть (которым *обыкновенную* ребятню только пугают, чтобы была послушной или доедала вечернюю кашу), второй раз за их юные жизни предстал перед нашими странниками. Он вышел из-за разлапистых фрагментов установки, улыбаясь как ни в чем не бывало. В отличие от того дня, когда Витя, Дима и Настя видели оборотня в прошлый раз, старушка была в человеческом обличье: милая, ухоженная, одетая в старенькую, потрепанную и застиранную розовую кофту, с аккуратно собранными в пучок седыми волосами.

Не зная ее звериной сути, бабушку вполне можно было принять за обычного человека, причем весьма покладистого и добродушного... Если бы не жуткий ожог на доброй половине лица, оставленный ей маленькими храбрецами при первом знакомстве. И не алый рубец на месте двух отсутствовавших пальцев левой руки, которые чудовищу пришлось откусить в кабине Гранда, чтобы не издохнуть от голода.

– Не смотрите ей в глаз... – замороженно прошептал Витька.

Впрочем, сказать было легче, чем сделать, и сам он не отводил взгляда от единственного уцелевшего зрачка (второй затянуло бельмом ожога). Еще, по-хорошему, старуху не нужно было и слушать – они хорошо помнили ее гипнотизирующие наговоры, – но это тоже стало непосильной задачей.

Переборов оцепенение и превозмогая ступор, Димка начал толкать остальных, не давая окончательно погрузиться в сон наяву. Мелким приставным шагом, будто у них были связаны ноги, дети двинулись в сторону. Смещались вбок, стараясь сделать так, чтобы тепловой накопитель постоянно находился между ними и изуродованной каргой.

– Куда же вы опять бежите, детишки? – обиженно спросила та, скаля белоснежные зубы. – Мы же только встретились, а вы уже уходите. Мама и папа не говорили вам, что это невежливо?

– Не смей упоминать наших родителей! – Злость придала девочке сил, и Настя гневно нацелила на старуху палец. – Убирайся, пока цела!

– Ой, опять угрожают бедной Красимире... – притворно огорчилась оборотень. – Что за гадкие детки... С другой стороны – где же найти подарок слаще, чем сбежавшие из дому негодники? Хи-хи...

– Не приближайся! – поддержал сестру Димка, но у него вышло неубедительно. – Иначе пожалеешь!

– Иначе что? – Баба Крася, казалось, изумилась настолько, что даже остановилась, жадно рассматривая добычу через сплетения патрубков установки по перераспределению тепла. – Если я сделаю еще шаг, что же ты предпримешь, грубый мальчик? Опять заманишь бабушку в Лифт?

Но в следующий раз старухе ответил не Димка.

И не Витька.

И даже не Настя, дробно постукивавшая зубами.

Голос раздался откуда-то сбоку, из узкого соседнего коридора, тоже выводившего в душный зал.

– Не-е-е... – знакомо и вальяжно протянул кто-то, сплюнув сквозь зубы. – Но моргало твое уцелевшее выбить могу легко. Не веришь, кошелка? Тогда рискни, фырки-пырки!

На короткий миг троице показалось, что пылинки, безмятежно танцевавшие в лучах электрического света, застыли в жарком сухом воздухе. Температура словно упала на несколько градусов, а по лицу оборотня мазнули невидимой кистью, сменив приторно-радушное выражение на гримасу недовольства и алчности.

– Ну что, решишься проверять, гнилая развалюха?

В разогретый печкой зал, слева от путешественников (и справа от старухи), вошли шестеро подростков, и Настя не удержалась, издав захлебывающийся вой облегчения. Мальчишки, оказавшиеся сдержанней сестры, чувств не продемонстрировали. Но кулаки разжали, с надеждой уставившись на нового участника этой диковатой беседы.

– Всемогущие процессоры, это же Подметка!

Крысеныш, когда-то познакомивший чужаков со странной и чуждой пониманию поляной Свалка (а затем указавший дорогу к спасительному Лифту), держался нахально и уверенно. Так, будто перед ним находилось не опасное существо, умеющее превращаться в жуткое чудовище, а проштрафившийся первоклашка.

Новая одежда Подметки больше не напоминала лоскутную коллекцию, собранную из ненужных обрезков. Теперь на нем красовался потертый, но еще вполне справный комбинезон цвета выгоревшей охры. Впрочем, знакомые рабочие ботинки остались прежними – с разных хозяев, разного цвета и даже различного фасона. А вот пятеро мелких пацанят, сгрудившихся за спиной жителя Нор, как раз напоминали кучи ожившего тряпья.

Наспех осмотрев зал, Подметка повел огромным носом (ребята уже и забыли, какие до смеха здоровенные у крыс носищи), жадно втянул теплый воздух и улыбнулся. В руке у него покачивалась мощная, собранная из железных прутьев, резины и искусственной кожи рогатка, заряженная внушительной металлической гайкой. На нее-то пристально, будто сама впала в гипнотический транс, и посматривала Красимира: с опаской, с тревогой, с раздражением. Чуть спокойнее, но все равно нервно старуха косилась на обрезки труб и ржавые ножики, которыми ошетибилась малолетняя банда Подметки.

– Гадкие, гадкие крыски... – прошипела она, и на мгновение сквозь человеческие черты лица проступило что-то инородное, чужое, с мохнатой шкуркой и длинными зубами. – Ну почему вы так не любите бабушку Красимиру?..

Она отшатнулась, попятилась и благоразумно отступила за пышущую жаром центральную установку. Поближе к темным сырым коридорам, уведившим в глубь стены. Однако бежать не спешила – ее единственный глаз безумно дергался из стороны в сторону, высматривая что-то, запоминая.

– Да пользы от тебя никакой, дрянь, – бросил ей Подметка, словно не с пожилой женщиной разговаривал, а с кучей мусора. – Малышей со Свалки ворует. Теперь вот приятелей моих обидеть хотела...

Вместе со своей крохотной армией он неторопливо двинулся по периметру зала, встав рядом с путешественниками. Мелкие крыски взволнованно водили смешными носами, с любопытством поглядывая на братьев и сестру. Но вопросов не задавали и дисциплинированно ждали приказов старшего.

– Враки это, – склонив голову на плечо, торопливо забормотала оборотень. – Гадкие крыски ни разу не доказали, что детишек уводила Крася! Зачем наговариваешь на честную женщину?

– Это ты лжешь! – вдруг выкрикнул Димка, покраснев от собственной смелости. – Ты – чудовище! И нас сожрать хотела!..

– Ха, вот как? – главный спасатель хохотнул, будто находил происходящее забавным, и приподнял рогатку в левой руке. – Ну и кто тут теперь гадкий?

Оборотень замерла, покачиваясь в нерешительности. Добыча, о которой она мечтала, находилась буквально в нескольких шагах – те самые дети, что заперли ее в Лифте, обрекая на мучительную смерть от голода и одиночества, были совсем рядом! Но крысы оказались вооружены, нисколько не боялись чудовища, и аппетит начал пропадать.

– Значит, вот что удумали? – задумчиво протянула она, и Витька с беспокойством

расслышал в голосе страшилища неуместное восхищение. – Размножились, мерзкие злые детишки? Близняшка за близняшку, а теперь еще и с вонючими крысками заодно?

Старуха демонстративно покосилась за спину ненавистной ей троицы, словно заметила там что-то интересное и хотела отвлечь противников. Но на этот старый как мир трюк не купился никто из присутствующих – внимание людей и крыс осталось приковано к оборотню.

– Оружием пугаете? Ничего, ничего... когда придет час, будет вдвойне вкуснее, вдвойне нажористее!

Несмотря на полную бравого задора речь, льющуюся из уст Красимиры, бабушка начала пятиться, не выпуская несостоявшихся жертв из поля зрения. Под человеческой личиной опять промелькнуло нечто запредельное, отталкивающее, мрачное. Но Крася вновь сдержала трансформацию, застыв на пороге коридора.

– До новых встреч, мои ненаглядные, – прошептала она. – Еще увидимся, злобные детишки...

– Не советую, – прервал ее Подметка, поднимая оружие и натягивая многожильную тетиву. – Обещаю тебе, тварь – появишься поблизости от этих ребят, я тебя выслежу и уничтожу. Ясно, отродье Свалки?

Но на этот раз оборотень не ответила крысу. Плотно облизнувшись, она размытой тенью ринулась в спасительную темень, рыча и скалясь на бегу. Шаги стихли, словно их никогда и не было, а замершие в воздухе пылинки продолжили свои беспорядочные танцы.

– Ну привет, ребятки, – Подметка повернулся к нашим странникам, бледным и подавленным. – А я еще чувствую, запах какой-то знакомый! Всю голову сломал, откуда его знаю, да и проверить решил. Выходит, не зря!

Он обернулся к пестрой малышне за спиной, строго мотнув головой на коридор, в котором исчезла хищница.

– Вы двое, а ну-ка проследите за бабкой... чтобы не ниже Спецхрана сбежала, ясно? Если затаилась где, сразу сюда дуйте, фырки-пырки...

Выполняя приказ вожака, в сумрачный сворот отважно бросились двое мелких крыс. А старший, с видом победителя посматривая на примолкших близняшек, важно задрал нос.

– Видали? Моя бригада!

– Подметка, – вдруг просипела Настя, будто все это время сдерживала дыхание. – Спасибо...

И неожиданно для всех бросилась тому на грудь, вытирая слезы об охровый комбинезон. Пискуны – самый низший класс в иерархии домашней подметкинской поляны, – тут же глупо захихикали, зашептались. Братья смущенно отвернулись, изучая тепловой накопитель.

– Да, – хмуро добавил Виктор, – спасибо... Подумать страшно, что она сделала бы с нами, если бы не...

– Да ладно, будет вам, – отмахнулся Подметка так небрежно, как это делают лишь довольные похвалой люди. – Это ж, почитай, я ваш должник был...

Он убрал рогатку в специальный чехол на поясе и осторожно отстранил от себя плачущую девочку. Потом вынул из-за отворота на рукаве зубочистку (не пожеванную, как раньше, а новенькую, пластмассовую), сунул в уголок губ и начал шумно посасывать.

– Это как? – решился спросить Димка, осторожно забирая у спасителя сестру и отводя за спину.

– Да я вас как до Ворчуна проводил, – охотно поделился крыс, – мне по жизни вдруг как покатило! Что ни поход, так добычи два мешка. И все полезное! Пасюки, фырки-пырки, это дело заприметили сразу. В сероспинки повысили. Вот, крысенышей мелких в подмогу дали. Секретные выходы с поляны указали, паролями-протоколами поделились, какие не всякому известны, самостоятельно в дальние рейды ходить дозволили...

– Значит, ты тут... работаешь? – Витька не мог поверить в столь удачное стечение обстоятельств.

– Ага, точно, работаю. – Подметка осмотрелся. – Кстати, желтопузые, чего прохлаждаемся, фырки-пырки?! Отдельное приглашение нужно? А ну, бросились осматривать окрестности!

Громогласный приказ, от которого наши герои вздрогнули, адресовался вовсе не им. Оставшиеся трое пискунов попрытали оружие, спешно рассредоточившись по окрестным коридорам в поисках добычи.

– Работаю, – важно и размеренно повторил юный сероспинка, гордый за своих подчиненных. – Лодырей никто не любит, вы же помните принципы стаи?

– Ага. – Витя сглотнул комок, совсем не обрадовавшись возвращению таких воспоминаний.

– Ну а вы, глупые добрые дети сытых полей? – спаситель осклабился, гоня зубочистку из одного уголка рта в другой. – Вы-то что здесь забыли? Или на Свалку вернуться надумали? Ха, Хранители Нор будут очень рады!

Тройняшки переглянулись.

– Нет, Подметка, – ответил за всех Виктор, снова беря инициативу на себя. – Спасибо, конечно, но мы на Свалку больше не хотим. У нас друг в беде, ждет помощи. Для этого мы в стену и полезли, на Летнюю Ярмарку пытались пробраться, а тут *она* ...

– Друг? – крыс недоверчиво прищурился, зубочистка замерла. – Такой *настоящий* друг, что вы решили рискнуть своей шикарнейшей жизнью и подвергли себя опасности?

– Да, – на этот раз ответил Димка, для убедительности тряхнув челкой. – Это того стоит.

Он помогал дрожащей от пережитого напряжения Насте утереть слезы, стоя к брату и молодому вожаку вполборота.

– Ха... ну что ж, вам виднее. Вы молодцы, упертые, – старший добытчик внимательно оглядел всех троих. – Запахи двоякие обрели, вроде как и взрослые, и вроде как одновременно дети... Хорошие бы из вас крысы вышли! Целеустремленные... Жаль, что не остались в прошлый раз. Только, скажу я вам, Летняя Ярмарка отсюда не близко...

– Ой! – девочка шмыгнула носом. – Но ты же знаешь, как туда пройти, правда? Покажешь?

– Показать? – с сочувствием улыбнулся тот. – Нет, ребятки, мне работать нужно.

– Ну, хоть направление дашь? – жалобно попросила она, выглядывая из-за Димкиного плеча.

– Направление? – Крыс задумался, но ненадолго. – А чего?... Советом помочь могу.

Витька сразу подался вперед, внимательно ловя каждое слово.

– Тут вам, ясное дело, оставаться нельзя, – начал объяснять Подметка, параллельно (и будто бы с неподдельным интересом) рассматривая асбестовые кожухи на трубах. – Стаю уведу, сразу старуха вернется. А у нее к вам, носом чую, дело есть. Так что, фырки-пырки, ныряйте-ка на ближайшую поляну. Это недалеко, я объясню... Да погодите радоваться! Это, конечно, не Ярмарка будет... совсем не Ярмарка... но других вариантов здесь все равно нет...

Он неспешно прошелся по помещению, что-то выискивая на полу. Заметив самый пыльный и не усеянный следами пятак, присел на корточки.

– От этого зала пойдете вот так... И вот так... – сероспинка взялся рисовать в пыли обратным концом зубочистки. – Тут будет выход на Грибницу. Надеюсь, засовы не окончательно заржавели... Ага, дальше. Когда попадете на поляну, ищите на противоположной стене выход под таким знаком.

Он начертил двойной треугольник, внутри которого располагалась цифра «19».

– Это путь на лестничные марши Шлюзов. Прямо к вашим светлым полянам, куда крысам вход заказан. Ну а там уже не заплутаете, фырки-пырки...

– Спасибо, Подметка, – еще раз, уже более сдержанно, повторила Настя. – Ты наш спаситель. Как нам тебя отблагодарить?

Паренек лишь усмехнулся, поднимаясь во весь рост и небрежно затапывая рисунок на

полу.

– Да ладно, чего там... сочтемся когда-нибудь, Спасгород тесный.

Но Витька вдруг выступил вперед. И неожиданно протянул руку, одним решительным рывком снимая с запястья увесистый хронометр. Ладонь мальчишки подрагивала, но уверенно тянулась вперед.

– Вот, возьми, – он упорно не смотрел на чудесный прибор, зажатый в трясущихся пальцах. – Это тебе. От нас троих. За спасение от оборотня...

Подметка встрепенулся от макушки до пят, едва осознав, что именно вручает ему чужак. Ноздри расширились, челюсть отвисла, дыхание участилось. Наверное, именно сладкое возбуждение не позволило выходцу со Свалки заметить предательскую влагу, затуманившую глаза дарителя... Крыс бережно принял знак благодарности, поднимая к своему огромному носу и с трепетом разглядывая.

– Вот это да! – восхищенно прошептал он. – Вот что значит – сделать карьеру! Да ведь *такого* даже у пасюков нет... Ха, покажу своим пискунам, пусть учатся заводить друзей в высших слоях общества!

Сероспинка даже подпрыгнул от переполнявшей его радости.

– Ну, мы пойдем? – выдавил из себя Витя, отворачиваясь и машинально потирая запястье, где успел прижиться браслет. – А то теперь каждая минута дорога...

– Конечно-конечно, – не отвлекаясь от изучения подарка, рассеянно покивал Подметка. – Удачной дороги. Может, еще свидимся, ага...

Более не мешая юному вожаку восхищаться хронометром, близнецы осторожно покинули душный зал. Чуть позже они сошлись на общей мысли, что крыс не заметил их исчезновения до тех пор, пока слабейших запах «глупых добрых детей с сытых полян» окончательно не развеялся в жарком воздухе.

Глава пятая, в которой преобладают сырость, ржавчина и болотная тина, а кое-кто выигрывает битву и диктует условия

Пробираясь к лестничным штольням, указанным Подметкой, путники испытывали самые смешанные чувства. Они молчали, сурово глядя под ноги (не забывая оборачиваться и посматривать за спину), и лишь время от времени один из них протяжно и обреченно вздыхал. Встретить человека из прошлой жизни (если такая метафора вообще применима к нашим героям, прожившим на свете совсем немного) – это стало неожиданностью, шоком, негаданным сюрпризом. Это было почти так же внезапно и волнительно, как найти привидение – пока не увидишь лично, веришь с трудом, а уж если повстречал, челюсть не закрывается еще неделю...

Ах, думали все трое, отсчитывая повороты и выискивая нужные коридоры, как было бы славно, если бы Подметку не так загружали работой и тот смог бы довести их напрямик до Ярмарки. В его присутствии хоть и пахло несвежей одежкой или помоечной гнильцой, но можно было чувствовать себя в безопасности. Да, с ним и его стайкой близнецы бы в два счета попали на нужную поляну...

Размышления, как выяснилось, действительно сходились, но озвучить витавшее над головами решился только Димка.

– Зря ты ему хронометр отдал, Витька. – Мальчик раздосадованно поджал губы, покачивая головой. – Лучше бы, балда, нанял крыс в сопровождение... Мол, вы нас до Ярмарки провожаете, а мы вам вот что взамен... А так – будто выбросил.

Его брат, все еще переживающий потерю сокровища, ничего не ответил. Шел вдоль стены, хмуря брови и о чем-то вспоминая, а на упрек только пожал плечами. Вступилась сестра.

– Ой, смотрите-ка, нашелся великий наниматель! – фыркнула она, свысока взглянув на критика. – Чего ж ты задним умом такой крепкий, а? Не мог Витю в сторонку отвести,

пошептаться? Теперь-то горазд болтать «а вот если бы», да «надо было вот как делать»... Храбрец, ишь! Как будто с крысами этими дружишь с пеленок.

Демонстрируя свою поддержку, Настя даже придвинулась к Виктору, и теперь шагала совсем рядом, держа его за руку. Димка на ее нападки только морщился и скалил зубы.

– Подметка, конечно, нам помог... А если бы недоброе затеял? – распалялась девочка. – Слышал, кто мы для него?! Сытые глупые дети, вот кто. А вовсе не друзья из «высшего света»! А прикажи он своей стае нас ограбить? Последнюю еду бы отобрали, да еще и шею намылили. Может, и вовсе на Свалку утащили бы, на пасюков работать! Или забыл дружелюбие той милой поляны?

– Да хватит вам ссориться, – тихонечко попросил Витя, и сестра тут же замолчала – таким невеселым был его голос. – Это у нас просто нервы разыгрались, как мама говорит. Встреча с оборотнем бесследно не проходит... Значит, нужно успокоиться и перестать кусаться, да? Настена, спасибо за поддержку. Димка, а ты... если были соображения, нужно было вправду раньше думать...

Он пожал плечами, сбрасывая с них невидимый рюкзак, набитый тяжеленными кирпичами утраты.

– Да, мне жаль хронометр. Я очень любил его и гордился. Даже обнаруженный Облачком чип слежения не изменил моего отношения к этой вещи. Но Подметка нас без преувеличения спас. А моя жизнь, и особенно ваши, стоит многим дороже какого-то прибора для измерения времени. Прав был бот, пригодился приборчик...

И эти слова, весьма разумные, хоть и произнесенные с глубокой тоской, подействовали на остальных успокаивающе. Ссора утихла в зачатке, и к нужной лестнице (почти не приметной, спрятанной в закутке) они выходили во вполне уравновешенном расположении духа. Поднявшись по ней, дети очутились в узком коридоре, освещение которого обеспечивали диодные лампы целой стены неизвестных приборов.

Довольно скоро проход вывернул в овальную «прихожую», где царил полумрак. Одну из ее стен занимала массивная круглая дверь, ведущая на Грибницу (Настя запомнила, что Подметка назвал поляну именно так). Димка тут же полез в свой мешок, вдруг приподнялся на цыпочках, поскрипел патроном одного из настенных светильников, и комнату залил слабый светло-желтый свет.

– Ух ты, – изумился Витя. – Когда ты успел прихватить лампу?

– Выкрутил во время одного из привалов, – с плохо скрываемой гордостью ответил брат. – Там защитная сетка была порвана, вот я и решил прихватить на всякий случай.

Теперь, когда стало чуть светлее, они смогли разглядеть выход из внешней стены. И восторга им это зрелище явно не доставило. Комната, а вместе с ней и люк, была сплошь покрыта несколькими слоями темно-синей краски. Она же скрывала старые трафаретные надписи и предупредительные знаки, от которых остались лишь обрывочные: «...ЧЕСКАЯ...» или «...РОЗА...». Красили давно и очень небрежно, нанося блестящую пленку прямо поверх мощных болтов в стенах, необработанных следов сварки на обшивке, проводительных надписей и табличек, датчиков температуры и давления. Одним словом – работники, присланные сюда защитить помещение от влаги и грибка, потрудились «спустя рукава», спешно замазюкав все, до чего дотянулись.

– Мда... – протянул Виктор, рассматривая забитую засохшей синевой щель между створкой и дверной коробкой. – Намертво запечатано...

– Предлагаешь другой вариант? – так просто сдаваться Дима был не согласен.

Он поковырялся в куче мусора на входе, обнаружил кусок толстого медного кабеля и тут же начал разбирать его на жилы, овальные в сечении.

– Помнишь ведь, что Подметка сказал – другого пути все равно нет?

– Помню...

Несколько минут Димка ломал толстые жилы кабеля, обеими руками сгибая и разгибая их в одной точке. Сначала металл сопротивлялся, но затем «уставал», основательно нагревался, темно-оранжевая проволока лопалась – и мальчик принимался за другой сегмент.

Когда наломанных фрагментов хватило с запасом, он раздал примитивные инструменты брату и сестре, задумчиво подступаясь к двери.

– Я двигаюсь снизу и по часовой стрелке, – деловито распорядился он, тыча в створку самодельной стамеской. – Витька, вот отсюда слева и до условного «полудня». Настенка – ты сверху и пока не дойдешь до моего фрагмента на «четыре часах». Начинаем, друзья. Если не отколупаем краску, об открытии двери можно и не мечтать...

И они приступили к работе – ворча, натирая мозоли и безжалостно пачкая одежду крохотными синими блестками, отлетавшими из-под кусков проволоки. Горка сухой краски, выколупанной из дверной коробки, росла с каждой минутой. Впрочем, как и недовольство детей (мы ведь хорошо знаем, как ребятя не любит тяжелую однообразную работу). Однако в тот момент на кону стояли их судьбы и жизни, а это нередко подстегивает эффективнее любой другой мотивации. Поэтому они работали.

Ругались сквозь зубы (ох, слышал бы их сейчас Петр Петрович... обязательно бы наказал), потели под своими чумазыми куртками, толкались локтями и шипели друг на друга. Делали перерывы и снова работали. Медленно, чудовищно медленно очищая круг двери, как скульптор высвобождает из камня лишь ему явившийся образ.

– Кстати, а если крысы ориентируются на этой поляне, – спросила Настя во время очередной передышки, – значит, это не одна из жилых, верно?

– Выходит, что так. – Витя пожал плечами, уже нывшими от работы. – На «светлые», как Подметка их назвал, поляны им доступа нет – Стража отлавливает нарушителей еще на Шлюзах.

– А как же мы ее минуем?

– Что-нибудь придумаем, – прервал их Димка. – За работу.

И они снова чистили дверь. Чистили и чистили. Минуту за минутой, час за часом, и никто не мог с точностью сказать, сколько времени прошло. Но затем вдруг наступил момент, когда Витька на полшажка отступил от круглого люка, осматривая картину в целом, и радостно воскликнул:

– Мы это сделали!

Да, все именно так и обстояло – они это сделали.

И пусть работа казалась бесконечной, а руки гудели, как ульи разозленных пчел, они расчистили дверную коробку от слоев краски, нанесенных нерадивыми рабочими. Переглянувшись и не сговариваясь, мальчики взялись за поручни засова (разумеется, тоже покрытые блестящим ультрамарином), наваливаясь изо всех сил.

Скрипнув, замки сдались. Где-то внутри механизма осыпалась ржавчина, его металлические элементы (почти прикипевшие друг к другу на ошметках сухой смазки) пришли в движение. Запорное устройство начало медленно втягивать хромированные стержни, уходившие в стену...

Волна сырости и специфического грибного запаха навалилась из приоткрытой створки так неожиданно, что дети закашлялись. Тут были ароматы влажного чернозема, прелых листьев, характерные резкие нотки удобрений, гнилой древесины и застоявшейся в лужах воды.

Настя красноречиво поморщилась. Но Дима торопливо выкрутил из светильника успевшую пригодиться лампочку, и в наступившем полумраке подтолкнул сестру к проему.

– Мамоchка, как же там темно и сыро...

– Выбора все равно нет, помнишь? – он нагнулся, подбирая мешок с провизией.

Стараясь дышать редко и неглубоко, они переступили порог.

– Застегните-ка куртки, – добавил Димка, первым зажужжав «молнией».

На поляне в самом деле было значительно прохладнее, чем внутри стены. Впрочем, такие ощущения могла обострять густая влажность, с первых секунд вызывавшая гадкий озноб.

– Закрывать будем? – задумчиво поинтересовался Виктор, поворачиваясь к круглому проходу.

Его пальцы неосознанно потирали запястье, лишившееся ноши.

– Конечно, – ответил Димка, хватаясь за мокрые рукоятки массивной створки и потянув на себя. – Если Красимира решила пуститься в погоню, не хочу давать ей ни единого шанса... Помоги, чего встал?!

И мальчики, натужно притянув здоровенный металлический круг на скрипящих пневматических доводчиках, с грохотом захлопнули дверь. Внутри запорного механизма тут же раздался щелчок, что-то лязгнуло, а затем с тонким шипением в стену выдвинулись стержни засова.

– Вот ведь гадина... – озадаченно выругался Димка. – Так она еще и блокируется?

– Что там случилось? – тут же вмешалась сестра, разобрав тревогу в голосе брата.

– А?.. Да ничего, Настенка, – выразительно зыркнув на Витьку – мол, пугать не вздумай! – соврал тот. – Просто петли заело чутка... Можно двигаться дальше!

И все трое повернулись к центру поляны, со смесью любопытства и брезгливости рассматривая уровень Спасгорода, на который их вывел чертеж Подметки.

– Вот те раз... – протянул Витя, и в этой фразе заключалось сто процентов впечатлений от увиденного.

Во-первых, поляна оказалась очень темной и необычно низкой. Кое-где под опасно нависавшим потолком (так мерещилось из-за его близости) еще брезжили лучи Светоча, больше похожие на одинокие паутинки. Но даже поверхностного осмотра хватало, чтобы понять – система зеркал здесь или выведена из строя, или очень давно не используется.

Во-вторых, очертаниями рельефа это место больше напоминало искусственную Казарму (где нашим героям в свое время не повезло побывать), чем плоский Заботинск или другие жилые этажи. Повсюду громоздились холмы, между которыми доживали свой век приземистые бараки со стеклянными крышами. А при внимательном рассмотрении выяснилось, что холмы – это и есть бывшие бараки, только распухшие, сгнившие и превратившиеся в настоящие горы. Складывалось впечатление, что *нечто*, набухавшее внутри большинства построек, давило на стены до тех пор, пока не разламывало конструкцию. Затем это нечто продолжало дрожжевым тестом подниматься уже поверх обломков, наращивая слой за слоем, зубами сырости и коррозии мерно пережевывая доски, металл и даже стекло.

– Похоже, тут давненько не было никого из городских служб, – прокомментировал Димка, хихикнув натянуто и нервно. – А бараки похожи на интернатовские... Прямо до дрожи...

– Точно, – кивнула Настя. – Это же фермерские постройки!

Они нерешительно зашагали между ближайших холмов, вертя головами и постепенно привыкая к окружающему полумраку. Некоторые сопки только начинали свой рост, некоторые вымахали до пятнадцати метров и даже обваливались под собственным весом, образуя овраги и настоящие ущелья.

– Теперь понятно, почему Подметка назвал эту поляну Грибницей, – негромко продолжала девочка. – Это такое фермерское хозяйство по выращиванию грибов. На маминой работе грибницы тоже есть, там выращивают невкусные сорта на корм коровам...

– Ага, – поддакнул Дима. – Только тут не пара теплиц, а целая поляна... Интересно, давно ее забросили?

Постепенно пришло понимание, что на Грибнице вовсе не так темно, как представилось сначала. Со всех сторон, не имея к Светочу и его испорченной системе зеркал никакого отношения, лился призрачный, наполненный волшебством свет. Приглядевшись и охнув от восторга, близнецы обнаружили, что его испускают небольшие разноцветные грибы, коврами покрывавшие склоны холмов.

Тут были нежно-фиолетовые и сочно-зеленые лужайки. Цветов потухающего уголька, молочно-белесые и мерцающе-желтые – настоящие плантации крохотных мясистых зонтиков виднелись повсюду. Они излучали слабый, но очень милый свет. Из-за его призрачного характера глаз будто специально не желал фокусироваться на многочисленных

источниках освещения, а все детали виделись как сквозь запотевшее стекло. Все это придавало Грибнице ореол мрачной сказочности, как бывает, когда несколько ночей в году Светоч не выключают вовсе, а приглушают до едва различимого накала (этот режим по старинке назывался непонятным для большинства спасгородцев словом «Полнолуние»).

Влажность, как вскоре выяснили странники, вызывало огромное количество луж (в некоторых местах таких здоровенных, что им больше подошло бы определение «пруд»). Туда, монотонно пополняясь каплей из пробитых и проточенных ржой потолочных труб, стекало множество ручьев. Вода казалась вонючей, холодной, а в большинстве луж покрывалась темно-зеленым налетом незнакомого растения или плесени.

Поляна вообще производила впечатление догнивающей – отпечаток упадка и разложения лежал на всем: от развалин фермерских построек до потолочных коммуникаций и обшивки внешней стены.

Петляя между сопками (взобраться хоть на одну не хватило решимости, до того густо росли грибы на склонах и таким жирным и пачкающим казался слой почвы), троица путешественников медленно приближалась к центру яруса.

– Смотрите, это ведь живая иллюстрация к учебникам! Грибы разлагают любые органические материалы, – неустанно вертя головой, зашептала Настя, разглядывая сырое царство светящихся покровов. – Даже из канализации... Я читала в справочниках по биологии для старшеклассников. Все, что попадает на поляну из прорванных труб, они превращают в плодородные почвы, на которых потом растут новые плантации.

– Очень интересно, – саркастически хмыкнул Димка, обходя лужу на дороге и с неприязнью посматривая вверх, вдоль тонкой струйки с потолка. – И что в них любопытного? Воняет, как из мусорки, да еще вода прямо на головы...

– Ага, не нравится? Но грибочки соленные со сметанкой ты на Новый год пожевать любишь, – усмехнулась сестра. – Природа иногда требует и руки испачкать, неженка ты наша...

– Совсем я не неженка! – насупился Дима. – Но тут гадко и мокро... А половина этих грибов вообще может зараженными оказаться, тут санитарных служб уже сто лет не бывало. Давайте быстрее пойдем, а? Подметка говорил, что дверь где-то там, напротив.

Они продолжили путь, дивясь на светящиеся холмы вокруг.

Иногда казалось, что живые, пульсирующие красками ковры колышутся, словно по поляне пробегает ветерок. Некоторые при приближении людей целыми сотнями втягивались в землю, потухая и маскируя шляпки. Другие колонии наоборот – тянулись к путникам, напоминая орды крохотных человечков, жаждущих прикоснуться к гостям своей нежной шкуркой.

Время от времени боковое зрение детей выхватывало движение на вершинах холмов. Но стоило обернуться, концентрируя взгляд, как иллюзия исчезала. А приблизительно через полчаса (точнее они теперь определить не могли, не правда ли?) блужданий меж бугров ребята вышли в центр поляны, где когда-то располагался компактный поселок биологов и агрономов.

Увы, большая часть жилых строений тоже покосилась и готовилась рухнуть. Над улицами довлела атмосфера уныния, запустения и безграничной тоски. Но центральное здание – будто вышка, поднятый на четырех опорах одноэтажный дом, – выглядело еще вполне надежным. От крыши оперативного биологического центра (а это был он) в потолок поляны убегали густые пучки проводов. Половина их оказалась порванной, поникнув прядями грязных волос. А вторая все еще исчезала в «небосклоне», тяжело провисая и блестя бусинами конденсата.

И снова, как и на дороге среди холмов, волшебное свечение со всех сторон заиграло со зрением тройняшек. Вот Витьке привиделось, что между домами что-то пошевелилось, отступая в тень! Но мальчик резко повернулся, обнаружив в переулке лишь старую механизированную борону для ручного фермерского комбайна. А вот и Настя заметила что-то необычное, шелохнувшись за ее правым плечом! Но девочка внимательно всмотрелась в

тень, с облегчением выяснив, что ее просто напугала пирамида мешков с просроченными удобрениями, заскладированных возле сарая.

Один Димка, судя по виду, не был настроен верить игре света и тьмы. Выхватив из кармана кусок проволоки, за время работы заточившийся в настоящую стамеску, он выставил его перед собой. И спросил в полумрак поселка негромко, но очень грозно:

– Тут кто-то есть?! Выходи немедленно, мы вооружены!

Одновременно брат сунул Вите и Насте их инструменты для отчистки двери, которые (как выяснилось!) успел прихватить с собой. Забирая у него заостренный кусок твердого медного кабеля, девочка поежилась.

– Ты что-то видел?

Но Дима не удостоил сестру ответом, все пристальнее всматриваясь в тень между жилыми модулями.

– Выходи! – мальчик пригнулся, будто что-то заметил в густых размытых потемках. – Выходи немедленно!

И тогда темнота ответила. Хором голосов, нестройным, а оттого жутким до трясучки в коленках. Казалось, отвечавших было как минимум десятеро, они окружали нашу троицу со всех сторон и одновременно читали по бумажке текст, который не успели заучить.

– ...ения (*шшфф*)! – только и разобрали дети, холодея от неожиданности и страха. – Призовем в свои ряды (*шшфф*)...

И тут со всех сторон в поселок, над которым еще сохранилось какое-то подобие былой системы освещения, стали входить странные, до зубной боли неприятного вида фигуры. Они были разного роста – от очень высоких до коренастых и низких. Двигались существа мелкими шажками, раскачиваясь так, будто им связали ноги, а на головах несли странные уборы, напоминавшие шляпы.

– Поздравляем, незнакомцы... – ухнули одновременные голоса со всех сторон, как будто те продолжали читать одинаковую речь. – Вы прибыли в царство покоя и смирения (*шшфф*)... Добро пожаловать домой (*шшфф*)...

– Это не наш дом! – выкрикнула Настя, перепуганная настолько, что выронила свое примитивное оружие. – Кто вы такие и что вам нужно?

А затем необычные фигуры приблизились. Отраженный от битых оконных стекол тусклый взор Светоча упал на них, позволяя разглядеть, и вопросы исчезли сами собой – перед детьми находились обнаженные люди, почти превратившиеся в грибы. Ноги их срослись в один толстый ствол, все еще оканчивающийся ступнями, но пальцы больше напоминали перепачканные в земле корешки. Отличить мужчин от женщин тоже возможности не представлялось – обитатели поляны не носили ни усов, ни бород, а вместо волос на макушках гнездились жуткие наросты, чем-то напоминавшие шляпки грибов. Шеи как таковые отсутствовали, а плечи плавно переходили в голову. Во мраке истонченная матовая кожа горела мучной белизной, на свету отливая оттенками болезненной синевы. Уши практически атрофировались, растаяв до крохотных отверстий под шляпкой. Носы тоже почти не выпирали, жидким тестом растекаясь по лицу.

– Какие милые гости (*шшфф*), – сказал самый высокий и толстый гриб. – Мы так рады пополнению...

– Вовсе мы не пополнение, – угрожающе бросил ему Димка. – Не приближайтесь!

Он затолкнул сестру за спину, размахивая заточкой и прикрывая бок Виктора.

Руки грибов почти срослись с телами, свисая безвольными плетями. Но когда существа двигались или говорили, их локти приподнимались, позволяя рассмотреть мягкие рыхлые споры, выросшие за подмышечными мембранами (да-да, в точности как под шляпками у обычных грибов, что мы собираем в лесу). Когда любой из них шевелился, на выдохе опуская руку, гребенка спор плотно сжималась, словно мех аккордеона. Она-то и издавала тот самый неуютный «шшфф», которым оканчивалась каждая вторая фраза уродцев.

– Какая гадость... – выдавила Настя, и ее рот наполнился слюной – предвестником рвоты.

Витька, заразившись от брата боевым настроением, на диковинную анатомию нелюдей внимания не обращал. Размахивая примитивным «пырялом», мальчик дрожал от страха и возбуждения.

– Прочь! У нас недалеко друг со своими помощниками, у них тоже есть оружие! – закричал он, заставив грибы отшатнуться и замереть в нерешительности. – Стоит только позвать его – и вам несдобровать!

Главный гриб помотал шляпкой, а на его бесформенном лице изогнулась вялая улыбка.

– Ты лжешь, маленький грибочек... никого с вами нет (*шуфф*)...

Он засеменил, вразвалочку приближаясь к детям. Остальные тоже пришли в движение, и теперь стало заметно, что в поселке не меньше пары десятков местных.

– Дверь, через которую вы попали сюда, заперта...

В подтверждение своих слов здоровяк даже протянул руку, тыча за спину «милых гостей» иссохшим полупрозрачным пальцем. Из-под мембраны на землю посыпалась бледная пыль, исторгнутая спорами.

Витька закусил губу, чтобы не вскрикнуть от огорчения. Несмотря на свой нечеловеческий вид, люди-грибы оказались вполне проникательны и еще не до конца утратили способность рассуждать логически.

– Вы останетесь с нами, – довольный собой, крупный говорящий гриб качнул головой. – Чтобы отринуть заботы, проблемы и тяготы (*шуфф*)...

– Мамочка родненькая, пусть это прекратится! – тихонечко взмолилась-пискнула Настя, борясь с собой, чтобы не закрыть лицо руками.

Грибы медленно, но верно приближались из переулков, сжимая кольцо. Они что-то бормотали, и если бы юные странники прислушались, то обнаружили, что бродячая колония слово в слово повторяет сказанное вожаком.

– Вам будет хорошо... Хорошо во славу Главного-Главного Ризоморфа!.. (*шуфф!*) – тот всплеснул руками, издав наиболее громкое шипение, и его жест повторили все двадцать подчиненных. – Сначала удобрения, затем грибы... Высшая ступень эволюции во славу Ризоморфа!

И тогда Димка толкнул ребят, призывая следовать за ним. А после этого ринулся в толпу уродливых существ, размахивая куском кабеля и громко вопя. Витька, едва успев спохватиться и не отстать, левой рукой придерживал сестру за рукав, другой отмахивался и защищал спину брата.

Несколько раз грубые орудия мальчишек на что-то натыкались – когда бормочущие грибы подходили слишком близко, – и тогда на синевато-серой коже жителей поляны оставались сухие, чуть рваные по краям порезы, которых те почти не замечали.

– Наверх! – закричал Дима, первым устремляясь к центральному зданию на высоченных «ходулях». – За мной!

Уговаривать не пришлось – Виктор и Настя чуть не обогнали его, с разбега запрыгивая на лестницу и карабкаясь что есть сил. Грибы, продолжая «шуффать» и бормотать про «удобрения во славу Ризоморфа», уже были совсем рядом, обложив со всех сторон. Настю даже попытались схватить за ботинок (она выдрала ногу, хорошенько лягнув куда-то под уродливый головной нарост), а у Витьки выбили из пальцев его верный «кинжал».

Однако теперь атака существ угасла, потому что лазать по лестницам сросшиеся ноги не позволяли совсем. Правда, один из грибов попробовал подтянуться на хиленьких ручонках. Но Димка решительно ткнул его в плечо последней уцелевшей стамеской, и выдумщик с жалобным «шуфф» повалился в толпу сородичей.

Не теряя времени, наши герои взмыли на балкон единственного этажа странного здания-вышки, неожиданно осознав, как высоко над ярусом находятся – даже выше чердака в их заботинском домике. Казалось, протяни руку – и достанешь до потолка поляны, где чернели массивные установки Светоча, опутанные проводами.

Несколько ступенек с противным хрустом обломились под весом чужаков, и Дмитрий предупреждающе выставил руку, в которой сжимал мешок с провизией.

– Осторожно! Тут все гнилое, внимательно смотрите под ноги...

Внизу тревожно колыхалась и мелко подрагивала плантация говорящих грибов. С расстояния, отделявшего их от детей, было видно, что кожа местных жителей фосфоресцирует мертвенно-белесыми оттенками. Окружив вышку светящейся цепью, они продолжали бормотать. Сейчас преследователи были похожи на актеров школьного театра, только что получивших текст и принявшихся его разучивать – говорили одновременно, но невпопад.

– Новые удобрения... Новые удобрения (*шуфф*)... Слава Главному-Главному Ризоморфу!

Балкон (как и весь домик) был собран из прессованных опилочных листов, покрытых железными решетчатыми настилами, и огибал здание с трех сторон. Большинство плит давно сгнило и осыпалось ломтями, но решетки, приваренные к перилам, еще держались. Стараясь наступать исключительно на них, беглецы пробрались к входной двери.

Она, криво свисавшая на одной петле, открылась неохотно, скрипя и чуть не сорвавшись Димке на голову. Проскочив в образовавшуюся под ней щель, тройняшки перевели дух и затравленно осмотрелись.

Дом имел одну-единственную комнату и, как чуть раньше и предположили путешественники, предназначался для старших агротехников фермерского хозяйства. Окна, по большей части с выбитыми стеклами, выходили на все четыре стороны, обеспечивая панорамный обзор. Проверив ногой пол, прежде чем перенести вес, Витька осторожно добрался до здоровенной панели управления, занимавшей сразу две стены и усеянной точками протокольного доступа.

– Смотрите, это центр климатического контроля, – через плечо бросил он остальным. – Отсюда ученые изменяли температуру и освещение, управляя погодой в теплицах... Вероятно, когда местные жители утратили человеческие ноги, они перестали подниматься в модуль, поэтому тут все целое.

Но его никто не слушал. Димка деловито рылся в шкафах и тумбочках, выискивая хоть что-нибудь, способное помочь в борьбе с болтливыми грибами. Настя уселась в пыльный угол, обхватив колени руками и мерно раскачиваясь из стороны в сторону.

– Мамоочка, мамоочка... – как заводная, твердила она. – Пусть это прекратится... они же нас заживо сожрут...

– Что ты сказала?! – От неожиданности Димка даже уронил ржавый молоток, найденный в одном из шкафчиков. – Как это ходячие овощи могут нас сожрать, да еще заживо? У них даже зубов нет!

Сестра отчаянно взглянула на него поверх перепачканных коленок.

– Если эти люди превратились в грибы, – ответила она (переключение внимания все же ослабило страх, и девочка прекратила качаться), – то мутировала и их система пищеварения...

– Глупости какие...

Брат фыркнул и нагнулся за древним молотком, но тот коварно соскользнул сквозь плиты пола, отскочил от решетки каркаса и улетел вниз. Мальчик выругался, продолжив потрошить мебель.

– Это не глупости, – вместо Насти вдруг ответил Витька, потирая переносицу и продолжая изучать приборы, покрытые ковром пыли. – Я тоже читал этот учебник. Любопытство, знаете ли, взяло...

Он повернулся к остальным, стараясь не смотреть под ноги, где сквозь дыры в перекрытиях кружила голову опасная высота. Еще через провалы виднелись два десятка медлительных уродцев, деловито столпившихся вокруг инженерной вышки.

– Новые удобрения для Ризоморфа (*шуфф*), – бормотали они, расползаясь на четыре мелкие группки. – Новые удобрения для процветания рода (*шуфф*)... Слава Главному-Главному!..

– Первоочередная их задача – лишить нас подвижности, – спокойно, будто рассказывал

выученный урок, продолжал Витька, но по глазам было заметно, что размышляет он совсем о другом. – А затем грибы начнут выделять такую специальную штуку, называется фермент... И та, уж будь уверен, расщепит наши тела до состояния легкоусвояемых мономеров. Которые слуги Ризоморфа потом выпьют, как утренний чай. Теперь ясно?

Димка сморщился от отвращения и недоверия, но его брови поднялись высоко-высоко, когда он в красках представил себе описанный процесс. Картина придавала ему новых сил, и мальчик бросился с тройным усердием ковыряться в ящиках и полках. Настя заскулила, зажмурившись и снова начав покачиваться.

А затем вышка вздрогнула – еле заметно, едва ощутимо. Но этого хватило, чтобы один брат вскинул голову, а второй замер, выныривая из раздумий.

– Ударьте меня клювом! Что происходит?.. – успел выругаться Дмитрий, а затем домик-вышку снова повело в сторону, на этот раз чуть сильнее и основательнее.

В прорехи пола стало видно, что обитатели поляны разделились на примерно равные группы. Затем они облепили «ходули», на которых стояло здание, и принялись его раскачивать.

– Хотят обрушить дом, – ответил Витька, хотя это понимали уже все трое.

Желудки взбунтовались, головы закружились, а в затылки будто налили теплой вязкой каши.

– Мы погибли... – прошептала Настя.

– Вот уж нет! – воскликнул Димка и начал скидывать на головы грибов все тяжелые предметы, попадавшие под руку. – Так просто им нас не взять!

Обитатели поляны стойко сносили удары, посыпавшиеся на шляпки. Одному чайником даже отломило край «головного убора», обнажив чистый пористый срез и перепонку споры. Но пострадавший, казалось, ничего не заметил. Талдыча про удобрения и некого Ризоморфа, грибы продолжали толкать опоры здания, заставляя его раскачиваться и опасно трещать по швам.

– Витенька, миленький, придумай что-нибудь... – продолжала поскуливать девочка, наиболее деморализованная происходящим.

– Сейчас, Настенка, я почти разобрался... – тот снова склонился над панелью управления, рукавом оттирая пыль с экранов и циферблатов. – Вот только...

И вдруг замолчал на полуслове, уставившись куда-то за выбитое окно. Челюсть мальчика отвисла, голубые глаза остекленели, губы дрогнули. Он безрассудно отступил от пультов на шаг (чуть не угодив ногой в дыру) и поднял перед собой руку с выставленным указательным пальцем.

– Ризоморф...

Шепот, сорвавшийся с его уст, был легким, похожим на эхо. Но Настя и Димка тут же повернулись к окну. Девочка пронзительно закричала, с легкостью заглушая треск фундамента и бормотание грибов, ее брат побледнел...

У дальней стены поляны, скрытое мраком, но чуть-чуть подсвеченное снизу волшебными красками фосфоресцирующих грибных колоний, шевелилось *нечто*. С такого расстояния это было похоже на оживший бородавочный холм, над которым колыхались угольно-темные тени гигантских щупалец. Горбушкой великан почти достигал потолка, а часть его отростков, увенчанных гигантскими грибными шляпками, слепо тыкалась в потолочные коммуникации.

– Это их вожак, – прошептал Витя. – Главный Ризоморф, ожившее скопление плантаций...

Будто польщенное вниманием, существо, влажно ворочавшееся на окраине поляны, перевернулось с одного бока на другой. При этом издав такой громкий «шуфф», что по этажу прокатилась влажная и липкая волна воздуха. Она-то и привела Настю в себя...

– Не стой! – вдруг закричала девочка. – Сделай что-нибудь или я тебя отлуплю!

Витька вздрогнул и отлетел от сестры, как ошпаренный. Отвел взгляд от чудовищной туши, неловко упал грудью на пульты – здание раскачивалось все сильнее и сильнее. За

время мутаций растеряв многие человеческие черты, взамен жители Грибницы приобрели невиданное упорство и силу.

– Вот оно! – воскликнул Виктор так звонко, что заставил брата промахнуться обломком кресла, которое Димка умудрился спихнуть в один из проломов.

Горстями сметая с приборов пыль, клубившуюся вокруг живым облаком, мальчик начал передвигать рычажки и нажимать кнопки. Настя, вскочившая с пола, бросилась к нему.

– Что это?

– Протокол управления Светочем, – не отвлекаясь, ответил тот. – Если удастся включить освещение, мы спасены!

Дом качнулся: с потолка полетели ошметки сырой грязи, рухнул кусок черепицы, оконные рамы треснули, уцелевшие стекла с хрустом и мелодичным звоном выпадали на балкон. Их осколки проскальзывали сквозь решетку, рушась на скопившихся внизу существ. Острое стекло отсекало целые фрагменты обитателей Грибницы, но те продолжали качать вышку и бормотать с упорством безжизненных механизмов.

Наконец Витя разобрался в протоколе, и где-то под днищем здания чихнул и протяжно загудел резервный генератор. На потолке поляны (прямохонько над крышей командного поста) защелкало, пришло в движение, налилось электрической мощью. Часть приборов сломалась тут же – заискрила, рассыпая на дырявую крышу вышки красочные снопы колючих блесков, и заглохла, вхолостую двигая поршнями или сонно вертя заржавевшие шестеренки. Еще часть вышла из строя чуть позже, едва вернувшись к жизни. Но кое-какие механизмы все же устояли под атаками влаги и времени.

Над сводами неустойчивого убежища наших героев сдвинулись огромные зеркала, а местная система освещения наконец-то нащупала доступ в городские сети. Светоч басисто засвистел, будто заработал огромный паровой гудок. В зеркало под потолком ударил первый луч – ослепительно-яркий, как показалось после сумрака Грибницы, жгучий, чужеродный в этом королевстве сырости и тлена.

– Работает! – закричал Витька, чуть не опрокинувшись, когда вышку снова качнуло. – Все, держитесь, гады! Димка, а ну-ка прикажи им прекратить!

Он что-то настроил в протокольном планшете, и управляемый луч скользнул вниз, ударив в площадь, на которой дети впервые познакомились со странными людьми-грибами. Одного из тех задело яркой полосой, и создание жалобно вскрикнуло, теперь «шуффую» беспрерывно, будто содрогаясь в агонии.

Остальные грибы, в том числе и предводитель отряда, испуганно задирали головы, неловко заламывая поля вялых шляпок. Тыкали бессильными ручонками вверх, до смешного нелепо пытаясь убежать подальше в тень.

– Нет (*шуфф*)... не надо света, маленький грибочек (*шуфф*)... свет вреден... – голосили они, роняя друг друга на спины и кое-как поднимаясь. – Ризоморф будет гневаться!

– Эй, гниль грядочная! – Димка нахально высунулся из пустого оконного проема, потрясая кулаком. – Еще раз подойдете к вышке, у вас снова станет светло как днем! А ну, прочь!

Витька ослабил поток света, болезненно щурясь и пытаясь совладать со жгучими слепящими пятнышками, пляшущими под веками, – когда он высматривал, какие механизмы над агротехническим штабом еще функционируют, то невольно заглянул в одну из линз.

Рядом от облегчения плакала Настя, улыбаясь и теребя завязки куртки.

– У тебя получилось, Витенька!

– Ага, – все еще напряженно стискивая зубы, ответил тот, продолжая изучать приборы. – Только вот здание скоро рухнет...

Это было истинной правдой – даже после того, как грибы разбежались (если так можно выразиться) от постройки, та продолжала раскачиваться. И, похоже, успела набрать такую амплитуду, что остановиться собиралась, только обрушившись.

– Скорее вниз, пока они не оправились! – Димка первым бросился к двери. – Настя,

быстрее!

Но Витя не спешил, замотав головой.

– Спустимся и уйдем в тень, они снова нападут... дайте мне одну минутку!

– У нас ее нет, братик! – девочка осторожно потянула его за подол куртки. – Уходим, тут опасно...

– Нет-нет, так мы пропадем, – не сдавался тот, продолжая обметать панель от пыли, усеянный ею с ног до головы. – Это должно быть где-то здесь...

– Быстрее! – Дмитрий уже был на пороге, одной ногой на балконе. – Оно заваливается!

– Сейч... Вот оно! – Витька метнулся к краю пульта, щелкнул специальными зажимами и рывком выдернул многоигольчатый штекер. Затем бережно подхватил на руки плоский планшет, размерами напоминающий альбом для рисования.

– Дистанционный протокол управления! – возликовал он, перескакивая через дырки в полу и устремляясь к двери. – Лишь бы заряда батареи хватило!..

И они спешно, как только позволяли качка и ломкие ступени, спустились с вышки. Отбежали прочь, держась в неровном круге света, ниспадающем с потолка. После чего машинально присели, прикрывая головы.

Однако конструкция, к удивлению не только юных героев, но и грибов, вовсе не упала. Две ее опоры подломились, рухнув с грохотом и лязгом, балкон обсыпался по периметру, пикируя в ореоле битого оконного стекла. А сам домик, повиснув на проводах и опираясь на уцелевшие «ноги», остался висеть в воздухе, раскачиваясь необычными качелями...

– Вовремя... – выдохнул Димка. – Пульт цел?

– Цел... – ответил брат.

Через считанные мгновения им пришлось испытать унесенный из вышки прибор, проверяя его исправность, потому что грибы (те, кого не поранило упавшим балконом и стеклами) неторопливо возвращались, окружая световое пятно редкой цепью.

– Выключи свет, удобрение (*шуфф*)... – приказал старший, боязливо тыча пальцем в планшет. – Свет опасен, Ризоморф будет в ярости (*шуфф*)...

– Перетопчешься, гадина! – брызнув слюной, выпалил Дима, еще не пришедший в себя после частичного крушения штаба. И даже показал грибу фигу. – Только подойди, мы такую иллюминацию устроим, навек запомните!

– Тише, братик, тише... – Настя, приобняв брата за плечи, отодвинула его за Витьку, ласково поглаживая по белобрысой макушке.

Виктор, воспользовавшись тишиной, смело посмотрел в расплывчатое лицо старшего уродца.

– Ты тут командуешь, так?

– Это моя плантация, удобрение (*шуфф*)... – важно ответил тот, все еще косясь на планшет. – Убери свет, ты тоже станешь старшим (*шуфф*)... Ты умный, ты находчивый...

– Молчи и слушай!

Витька провел подушечкой пальца по сенсорной панели, и луч, в котором стояли дети, едва заметно сдвинулся в сторону грибов. Те запричитали, засеменив прочь, а вожак понимающе протянул к мальчику раскрытые ладони.

– Если вы нас тронете, – продолжал мальчик, – мы активируем системы Светоча, как это было давным-давно...

Доказывая серьезность намерений, он прикоснулся к планшету в разных местах, и по всему потолку поляны со скрипом зашевелились уцелевшие отражатели. От центра к ним разбежалась тусклая, едва заметная паутинка лучей, готовых в любой момент набрать силу и ударить на полную мощь.

По поверхности старшего гриба прошла дрожь, как будто тот состоял из желе. Он покорно кивнул.

– Не нужно включать свет... вы больше не удобрения (*шуфф*)...

– Тогда покажите нам дверь, над которой есть такой знак...

Проигнорировав предупреждающий писк сестры, Виктор шагнул к самой границе

светового пятна, носком ботинка начертив в пыли треугольник и цифру. После вернулся на место, не отнимая пальцев от планшета.

– Такая дверь была, маленький грибочек (*шуфф*), – согласился глава плантации, монотонно покачиваясь. Стоящая за его спиной поросль беззвучно шевелила губами, повторяя каждое слово. – Но через нее давно не поступало удобрений (*шуфф*)... Ее засыпали мягким, это приказал Главный-Главный... Теперь там живут наши собраты (*шуфф*)...

– Значит, до двери не добраться? – от неожиданности Витя на какую-то секунду даже утратил контроль над допросом. – Что же получается? Подметка никогда не видел двери сам, а только слышал об этом от старших крыс...

– Да, она давно замурована (*шуфф*)... – улыбнулся гриб, заметив его слабинку. – Теперь вы останетесь с нами?..

– Вот уж фигушки, – пробурчала Настя.

– Каким еще образом на поляну попадают удобрения? – Виктор постарался снова придать своему голосу уверенность и напор.

– Когда-то их доставляли Лифты (*шуфф*)... – качнул шляпкой предводитель колонии. – Но мы засыпали шахты мягким, к их входам не пройти... Теперь вы останетесь, крохотные грибочки?..

– Еще раз спросишь, и я включу свет! – предупредил Витька, начиная выходить из себя. – Остались Лифты, не засыпанные землей?

– Я слишком молод, чтобы знать (*шуфф*)... – вздрогнув от угрозы, пролепетал гриб. – Но можно спросить у родителя (*шуфф*)...

– Так спрашивайте! – ломающимся голосом крикнул мальчик. – Даю пять минут, иначе включу лампы и сам поищу, как отсюда выйти!

Грибы зашептались, мерно качаясь навстречу друг другу и соприкасаясь шляпками. Бормотали пару минут, после чего старший вернулся к границе круга, переступая вразвалочку и грозясь упасть на каждом шаге.

– Поговори с родителем (*шуфф*)... – предложил он.

И не успел Виктор поинтересоваться, что же обитатель Грибницы имеет в виду, как из-за жоака вперед выступил еще один гриб. Этот оказался низким и худым, словно догнивал заживо. Шляпка на голове, руки и тельце покрылись морщинами. А на лице их насчитывалось так много, что было невозможно разобрать черт – лишь блестели из ущелий старческой плоти два крохотных глаза.

– Есть одна шахта (*шуфф-и-и*)... – прошептал он, а издаваемый им вздох звучал тоскливо и жалко. – Главный-Главный только начал избавляться от нее, насыпая гору мягкого (*шуфф-и-и*)... Там есть вход, но этот Лифт давно не останавливался в нашем покое. А теперь пусть маленькие мерзавцы убираются, но только не включают свет (*шуфф-и-и*)...

И он опустил шляпку так низко, что та почти скрыла его тщедушное тело.

– Вы слышали, что сказал родитель (*шуфф*), – важно произнес гриб, с которым прежде беседовал Виктор. – Я отведу вас... Но перед уходом вы должны отдать мне это... – Его неживой палец снова указал на планшет. – Главный-Главный приказал мне это забрать (*шуфф*)...

– Идет! – ответил мальчик. – Вы проведете нас к работающему Лифту, а мы отдадим панель управления Светочем.

– Тогда следуйте за мной...

И, неловко развернувшись на пятках, старший вразвалочку зашлепал прочь от центра поляны.

Димка и Настя, дождавшиеся окончания переговоров, затаив дыхание уставились на брата. Тот пожал плечами, выдвинул подбородок и первым зашагал за жоаком, покинув круг света. Остальная плантация, словно окаменев, провожала их злобным шепотком, но двинуться следом не решалась.

Сначала нашим путешественникам подумалось, что гриб ведет их в ту часть поляны,

где они видели гигантское сонное существо, именуемое Ризоморфом. Витька даже увеличил яркость лучей под потолком, заставив один из них опуститься ниже и даже скользнуть по стене. Но проводник сразу заохал, запричитал и вскоре развеял опасения, уводя ребят совсем в другую сторону.

С холмов на них поглядывали, и теперь близнецы знали, что это – не иллюзия или игра уставшего воображения. Со светящихся склонов, из сырых низин и с берегов мутных, пропахших тиной луж за чужаками наблюдал странный народец, превратившийся в грибы, добровольно обменявший кипучую страсть настоящей жизни на вечное прозябание во влажной темноте.

Среди пологих сопок встречались и высокие земляные шпилы с заостренными вершинами, достигавшие самого потолка. После разговора с дряхлым грибом, дети догадывались, что это – многочисленные шахты, погребенные под землей и перегноем. Скрывая память о человеческом прошлом, местное население густо облепляло их органическими наслоениями, в том числе и мерцающими колониями. А в одном месте Дима даже заметил несколько десятков людей-грибов, навсегда приклеившихся к стенам в прозрачных блестящих коконах.

Однако одна из шахт (тут дети убедились, что сопровождающий их не обманул) оказалась вовсе не засыпана. Лишайники и липкие потеки только начинали украшать ее темно-желтые бока, а куча земли вокруг бетонной колонны едва достигала колена.

Обрадовавшись, что цель видна и больше не нужно плестись за проводником (со своими сращенными ногами тот перемещался *очень* медленно), Виктор вышел вперед.

– Вижу шахту, – сказал он, протягивая руку и жестом повелевая грибу остановиться. – Теперь уходи. Когда мы покинем поляну, я брошу планшет вон туда.

Мальчик мотнул головой в сторону ближайшего поселения крохотных оранжевых грибочков.

– Я не верю...

– А у тебя нет выбора! – нервно рявкнул Витька, заставив брата с сестрой удивленно и обеспокоенно переглянуться.

И занес над планшетом раскрытую ладонь.

– Еще слово, и я сожгу Главного-Главного Ризоморфа, ты понял?

– Понял-понял, маленький грибочек (*шуфф*), – проводник опасливо попятился. – Ухожу...

Несколько томительных, казавшихся бесконечными минут дети смотрели, как тот вразвалочку исчезает во мраке между ближайшими холмами. Затем обернулись к Лифту, задумчиво рассматривая его протокольную панель, густо покрытую плесенью.

– Братик, ты чего так психуешь? – тихонечко и нежно поинтересовалась Настя. – Мы же вроде выбрались, все позади... Сейчас Лифт призовем, а там хоть к Смотрителям в лапы, лишь бы подальше отсюда...

– Вы даже не представляете, как нам повезло... – свистящим шепотом выдохнул Витя.

Только сейчас стало заметно, какое неслыханное напряжение испытывает мальчик. Он отнял от груди прибор управления Светочем, позволяя остальным изучить его пыльную потухшую поверхность.

– Помните, мы решили, что гриб заманивает нас к Ризоморфу, и я нацелил луч на стену? – Димка кивнул, все еще не понимая, к чему клонит брат. А тот устало закончил: – В тот момент в планшете села батарея...

Глава шестая, в которой близнецы встречают близнеца, а кое-кто едва не разочаровывается в жизни

До Насти первой дошел весь смысл произнесенного, и она раскрыла рот в молчаливом крике – подумать только, последние полчаса Витька откровенно блефовал перед грибами,

совершенно беззащитный и беспомощный!

Дима же, когда врубился в сказанное, молча и крепко пожал руку брата. Виктор, скромно приняв этот жест благодарности, размахнулся и отбросил бесполезный планшет подальше – ровно в скопление оранжевых поганок.

– Значит, тем более нельзя мешкать... – Дмитрий подошел к панели протоколов, выступавшей из шахты угловатым наростом. – Фу, какая гадость...

Приборы выглядели крайне неприятно, как и все на Грибнице, – были покрыты слоями плесени, пушистого мха и каплями конденсата. Брезгливо морщась, мальчик начал очищать выступ, сбрасывая ошметки на землю. Витя и Настя терпеливо застыли за его спиной, посматривая по сторонам. Ноги медленно утопали в сыром рыхлом грунте, в горле першило от холода, за воротники курток хамовато пробирался озноб.

– Ну что, вызываем? – Димка обернулся.

Он получил молчаливое согласие и начал протокол, вежливо переставляя на датчиках нужные нормы и показатели. Панель активировалась, замерцала лимонными огоньками, всколыхнувшими в памяти что-то грустное. Затем в глубине шахты ожили двигатели Лифта.

– Работает... – облегченно выдохнул оператор, стряхивая с пальцев комочки грязи.

Ждать пришлось довольно долго. Настолько, что путники уже забеспокоились – а не вернутся ли грибы проверить, смогли ли укатить с поляны злобные чужаки? Но уродцы не появлялись, Светоч все еще раскидывал под потолком светящуюся паутину, отбивавшую желание нападать на детей. И вот они услышали, как по полому стволу колонны к ним приближается кабина. Роняя куски мха, забивавшего щель между створками, Лифт распахнул двери, освещая чистенький и уютный салон ровным желтым светом.

– Мое почтение героям, осмелившимся посетить столь небезопасную поляну и...

Сильный мужской голос, показавшийся путешественникам очень знакомым, неожиданно смолк. А затем, спохватившись, на тройняшек уставились сразу несколько амбикамер, будто Лифт не мог поверить собственным приборам наблюдения.

– Это еще что такое? Вы, ничтожная мелюзга, осмелились вызвать меня, нарушив протокол?

Теперь в знакомом голосе звучала надменная злость. Знаете, такая бывает у людей, много о себе возомнивших, если отвлечь их даже от самого незначительного занятия. Створки сомкнулись наполовину, свет замерцал – Лифт явно не ожидал встречи с детьми и был настороже.

– Не знаю, кто вы, хулиганы, но с удовольствием доложу о нарушении в вышестоящие органы! – отчеканил он, все сильнее вороша воспоминания. – Вынужден откланяться, всего наилучшего...

И когда створки уже почти сомкнулись, Настя наконец бросилась вперед, озвучив общие сомнения.

– Гранд?! Ведь это вы, уважаемый Гранд?! Неужели вы нас не узнали?!

На сердце у близнецов стало так тепло, что хоть лед топи. Ведь перед ними находился Великосветский Гранд – с его желтыми огнями, звонким голосом и аристократическими манерами. Только кабина была немножко непохожа на ту, что когда-то безжалостно курочил Мглистый, но этого переволновавшиеся герои не заметили.

Лифт же, в растерянности прервав закрытие дверей, недоверчиво выдвинул главную внешнюю камеру.

– Откуда ты знаешь это имя, барышня? – спросил он, театрально погрузив кабину во мрак.

– Но... – Настя растерялась. – Неужели вы – это не он? – наивно переспросила девочка.

И только тут поняла, что Лифт, хоть и напоминал их старинного друга, все же отличался от него убранством капсулы, оттенком огней на панелях, а также заносчивостью, которую Гранд не позволял себе даже в беседах с Механиком.

– Нет, – ответили ей динамики Лифта. – Мое имя – Патриций, и Великосветский Гранд является моим младшим братом, упаси и наставь его на верный путь Единый Процессор...

Так откуда вам известно это имя, малолетние нарушители протоколов? Отвечайте, я уполномочен вести допрос такого уровня. Напоминаю, что сотрудничество с Гильдией скажется на признании вашей вины и смягчит приговор.

Ребята за спиной сестры обменялись тяжелыми взглядами. Увы, их мечты только что разбились, словно хрупкий фарфор – приехавший по вызову Лифт не только не имел ничего общего с другом, захватившим Красимиру в плен, но еще и оказался верным слугой Гильдии...

Настя же в этот момент совершенно не думала о Смотрителях, пытаясь сопоставить факты и продрагаться через пелену рушащихся грез.

– Мы знакомы с Грандом, – принялась оправдываться она. – Это мы спасли его от Мглистого Механика... А потом он спас нас, заманив в ловушку одно страшное существо... Вы так похожи, уважаемый Лифт, что сперва мне...

– Вы знакомы с Грандом? Спасли его? – насмешливо усомнился Патриций. – Вы, чумазики и беспризорники, обитающие на поляне грибов-мутантов, где я рассчитывал подобрать кого-то из экстремальных охотников на дичь? Не говорите глупостей, барышня!

– Я даю вам честное слово, – не унималась девочка. – Мы встретили его на поляне Радиатор, примерно полгода назад!

– В самом деле? – объектив амбикамеры выдвинулся еще сильнее, и теперь в нем стало заметно отражение Насти, изогнутое и забавное (разумеется, при иных обстоятельствах). – Как вы пробрались на Радиатор? Как Лифт Экстра-класса для Комфортабельных и Скоростных перемещений смог подружиться с такими оборвышами, как вы?

И тогда Настю будто прорвало.

Сумбурно, местами тараторя и мешая самой себе, она спешно рассказала Лифту историю их короткого, но яркого знакомства с его братом. Витька, подошедший близко-близко, одергивал сестру, когда ее сносило на темы, знать которые Патрицию не полагалось. Именно поэтому никаких секретов их первого путешествия девочка все же не выдала.

Когда она закончила, в кабине зажегся свет.

– Значит, – вальяжно и недоверчиво произнес Патриций, – вы вовсе не беспризорники, а благовоспитанные дети с Заботинска? И действительно знакомы с моим братом-карьеристом, факты это подтверждают... Видели его на аппаратной поляне Снежинка-РЗВ и утверждаете, что он спас вас от чудовища из коммуникационных тоннелей?

На все его вопросы Настя только энергично кивала, от чего пучок волос шуршал по грязному воротнику куртки.

– Значит, вы пытались избавиться от Мглистого Механика, о котором по Спасгороду ходит столько нелепых баек? И на этой поляне очутились по чистой случайности, а сами хотите попасть на Летнюю Ярмарку и оттуда – домой, где вас ждут родители?

Снова кивок.

Становилось холоднее, а на холмах вокруг шахты появились первые любопытные бродячие грибы. Скоро они наверняка захотят спуститься в низинку, чтобы проверить, чего это чужаки, так рвавшие с поляны, не спешат заходить в Лифт...

– Если это не выдумки, таинственные дети, выдающие себя не за тех, на кого похожи, – с высокомерным любопытством поинтересовался Патриций, – то где же мой братец сейчас? Все еще на Радиаторе, как его именуют безграмотные слои населения?

Настя осеклась, не зная, что ответить. На помощь пришел Витя.

– Уважаемый Патриций... здравствуйте, меня Виктором зовут, а это Настя и Дима. Вы позволите? – и когда Лифт утвердительно мигнул светодиодами, продолжил: – Вы знаете, нам очень жаль, но у нас есть основания полагать, что ваш брат... больше не функционален...

Патриций молчал почти минуту, ставшую одной из самых жутких в жизни усталых близнецов.

– Вы хотите сказать, что запертое в нем существо отправило Гранда в утиль? – наконец уточнил Лифт, и спеси в его голосе поубавилось.

Витька кивнул:

– Нам очень жаль. Но иначе бы Гранд никогда не выпустил Красимиру из своей кабины...

– Верю... – негромко протянул Патриций. – Это похоже на моего брата с его непомерными чувствами справедливости и сострадания... А ведь он так сноровисто добился получения статуса Экстра-класса. Да... помню, как я тогда завидовал. Единый Процессор, надеюсь, он не мучился...

Они снова замолчали, словно отдавая Великосветскому Гранду дань памяти.

– Ну и чего же вы хотите, малыши? – на этот раз к высокомерию в динамиках примешивалась изрядная порция печали.

– Уважаемый Лифт, пожалуйста, заберите нас с этой поляны, – попросил Виктор, боязливо озираясь. – Иначе нам конец.

Некоторое время детям казалось, что Патриций сейчас откажет им со всей присущей ему заносчивостью. Но двери вдруг разошлись в стороны, а из проема хлынул теплый желтый свет.

– Только из уважения к моему героическому брату, имейте в виду, – не преминул ввернуть спаситель. – Входите, да поживей, вокруг шахты уже собралось немало недругов. Итак, добро пожаловать на борт Лифта Повышенной комфортности для Скоростных перевозок Высокопоставленных Чиновников! Грязными руками ничего не хватать, на сиденья даже не смотреть! Найду хоть пятнышко оставленной вами, поросятами, грязи, заставлю вылизывать весь салон, это ясно?

Все трое кивнули так поспешно, что чуть не стукнулись лбами. Уже находясь внутри, они обернулись, чтобы напоследок осмотреть опасную Грибницу. Но контраст между полумраком поляны и ярким светом комфортабельной кабины чертил границу, за которой стелилась густая мгла.

– Вот вам бесплатный совет, – добавил Лифт, закрывая створки. – На эту поляну, а также на ей подобные, больше ни ногой!

Его тело вздрогнуло, начиная опускаться.

– Но нам нужно вверх, на Летнюю Ярмарку. – Димка не удержал язык за зубами, за что получил от сестры тычок под ребра. – Простите, я подумал, что мы поедем наверх...

– Вот еще!

Кабина набирала скорость, камнем падая в шахту.

– Если не хотите, чтобы я отправил в Гильдию подробный отчет о ваших правонарушениях, лучше не задавайте лишних вопросов. Точка, где я смогу посадить вас, не попав под подозрение в сообщничестве, лежит чуть ниже Грибницы. Впрочем, если вас так манит Ярмарка, вы сможете выбраться на Шлюзы, поднявшись на необходимую поляну собственными ногами.

– А вы уверены, что выходы не заблокированы? – недоверчиво пробурчал мальчик, все еще пытаясь скрыть собственную неловкость.

– Абсолютно, – тут же ответил Патриций. – По причине того, что уходить с этой поляны некому, а двери изнутри на ней не запирали никогда. Ищите секцию стены с литерой «Д», вам туда.

– Что значит – не запирали никогда?..

– Прибыли!

От скорости перемещения захватило дух, и сначала путешественники даже растерялись – настолько быстро Лифт доставил их в нужное место. Впрочем, обтекаемая капсула еще не остановилась, приступив к этапу плавного торможения. Желудки детей непрощенно поднялись и скрутились, дыхание перехватило.

– Вот, – торжественно отчитался перевозчик. – Это точка, где мое несанкционированное перемещение и доставка пассажиров не будут зафиксированы Смотрителями. И помните, что на противоправные действия я пошел исключительно из доверия к вашим словам. Чтобы, так сказать, почтить поступок брата. Если уж он был к вам

добр, было бы нелепо отставать от него в этом начинании...

И двери раскрылись, впуская внутрь сухой теплый воздух, так непохожий на климат Грибницы.

– Спасибо вам, уважаемый Патриций! – Настя хотела ласково погладить его динамик, но заметила, какие у нее грязные пальцы, и спешно отдернула руку. – Вы спасли нас в точности так же, как это сделал ваш добросердечный брат!

– Лесть попадает в цель лишь тогда, юная барышня, – усмехнулся Лифт, хоть и без особенной злости, – когда ее предмет испытывает глубокую неполноценность. Но все равно спасибо, сочту это комплиментом. А теперь – вон!

Не успели пассажиры опомниться, как оказались за порогом, а серебристые матовые дверцы сомкнулись за их спинами. Без прелюдий, слов прощания или напутствий Патриций взмыл вверх, оставив нашу троицу молча недоумевать.

– Странный он какой-то, – нарушил тишину Димка.

– А мне кажется, он завидует удачливости брата, – высказала свою точку зрения Настя. – Слышали, он же сам посетовал, с какой легкостью Гранду удалось всего добиться?

– Сдается мне, – включился в их разговор и Витя, – что завистливость выручившего нас Лифта сейчас – меньшая из существующих проблем. Только, пожалуйста, без обмороков, ладно?

Они проследили за взглядом мальчика, осматривая очередную поляну, на которую их занес ветер судьбы, – и ахнули, потрясенные увиденным.

Этаж Спасгорода был гладок, как поверхность новенького письменного стола (если не замечать многочисленные колонны шахт, понатыканных по всей поляне). Патриций избавился от «груза» в сравнительной удаленности от центра, а потому казалось, что они находятся на огромном диске, подвешенном в пустоте – стены города терялись в сумрачной дымке.

Освещение было неярким, вечерним, хотя по сравнению с потемками Грибницы здесь пировал ослепительный полдень. Вечернему настроению способствовали и приглушенные оттенки синего и каменно-серого, в которые архитекторы выкрасили потолок, стенки шахт и внешнюю границу. Пол покрывал мелкий искусственный светло-мышинный камень, из которого были выложены сотни тропинок, разбегавшихся во все стороны замысловатым, но вполне упорядоченным узором. А между тропинками...

– Всемогущие Лифты, – выдохнула Настя, бросаясь к братьям и хватая их за ледяные ладони. – Это же могилы!

И, нужно заметить, девочка была совершенно права – между тропинками, ютясь тесно-тесно бок о бок, в днище поляны размещались тысячи могил. Укрытые темно-гранитными плитами из прессованной каменной крошки, с высеченными именами и датами. Кое-где виднелись настоящие надгробия и небольшие статуэтки или декоративные вазоны, но таких встречалось не очень много.

– Удружил, Патриций, – с обидой прошипел Димка.

– У него ведь не было выбора, помнишь? – спокойно ответил брат.

Витька вообще казался самым хладнокровным из всех троих, однако сдвигаться с места не спешил и он.

– Вероятно, это Усыпальница, – продолжил мальчик, накрывая ладонь сестры своей, чтобы унять дрожь ее пальцев. – Я читал кое-что про такое место. Но никогда не мог предположить, что оно существует в действительности. Считается, что в давние времена, когда население Спасгорода еще не стало таким многочисленным, здесь хоронили умерших горожан. Потом места начало не хватать, и городская администрация запустила программу кремации. А через какое-то время поляну вообще закрыли и опечатали...

– Ужас... – Настя зажмурилась, будто такой детский поступок мог каким-то волшебным образом унести ее из этого неуютного места. – Я боюсь мертвецов!

– Нечего их бояться, – покачал головой Витя. – Тут лежат те, кто воздвиг Спасгород: кто строил первые Лифты и изобретал процессоры, кто налаживал экономику, монтировал

Светоч и создавал искусственные облака. Даже если бы мертвые могли причинять вред, они бы не навредили нам, своим потомкам. Патриций знал, что эта поляна будет самой безопасной из нижних. К тому же – необитаемой.

– Смотрите, тут так много шахт. – Димка начал тыкать пальцем во все стороны, будто остальные могли не заметить десятки колонн вокруг. – Может быть, найти Лифт поговорчивее и уехать?

– Вряд ли выйдет. – Виктор с потаенным любопытством читал надписи на ближайших могильных плитах. – Считается, что сюда нельзя вызывать Лифты, кроме одного – по преданиям, его называли Колесницей Душ или Хароном. Говорят, именно на нем сюда доставляли тела усопших. Но если хоть малая толика того, что я знаю об этом Лифте, – правда, – нам лучше идти пешком...

От этой короткой лекции, произнесенной самым обыденным и смирным тоном, вдруг стало некомфортно, и на затылке зашевелились волосы. В окружавшей тишине одновременно могло таиться как нечто бесстрастное, навсегда покинувшее этот мир, так и запредельное, жуткое. То, чем дети так любят пугать друг друга в кровавых и нелепых страшилках.

– Может, пойдем? – предложил Дима. – У меня мурашки от этого места... Видали, конечно, и Реакторную Станцию, и Интернат, но тут будто в воздухе что-то есть.

– Да, идем! – согласился Витя.

Он потянул Настю за руку, заставил открыть глаза.

Под ногами противно заскрипела искусственная галька, устилавшая тропинки. Эхо ее скрежета разлетелось по необъятной (дети еще не видели урвней города, настолько освобожденных от построек) поляне. Хрусть-хрусть, словно кто-то запихал в измельчитель мусора граненый стакан, и агрегат с аппетитом пережевывал твердое стекло.

– А как мы найдем сектор «Д»? – спросил Димка.

– Идем к ближайшей стене, оттуда по часовой стрелке.

Девочка, все еще вцепившаяся в руку брата, молчала, сжав губы так, что они побелели.

Трое крохотных человечков шагали по громадному пустынному кладбищу, и постепенно страх в их душах сменялся чем-то ровным, бесцветным, не имевшим ни эмоций, ни оттенков. Но равнодушием это назвать было нельзя. Скорее отстраненностью, с которой через четверть часа стали восприниматься могилы вокруг.

– Ой, смотри! – Дмитрий нагнулся над надгробием, мимо которого они проходили. – Это же Филатовы. Как Нинка Филатова, отличница из Настькиного класса... Интересно, это ее родственники?

Путешественники ненадолго остановились, рассматривая высеченные на плитах фамилии.

– Хм, возможно...

Витька осторожно отпустил руку сестры, потер переносицу, с тоской погладил пустое запястье, одернул рукав.

– А вон Кожемякин. Помните, у нас в поселке тоже Кожемякины жили? Молодые совсем, прямо через улицу от нас. Они еще потом на Литейный переехали.

– Тоже родня, наверное? – повел плечом Димка.

– Очень отдаленная, – ответ был уверенным и быстрым.

– С чего ты это взял? – изумился Дима.

– Ты о чем? – удивился в ответ его брат.

– Ну, что они дальние родственники «нашим» Кожемякиным?

– А я такого и не утверждал. Это ты сказал.

– Ничего я не гово... Мамочка...

И Дима отшатнулся, обеими руками зажимая рот, чтобы не закричать. Витька озадаченно нахмурился, но на мгновение позже понимание настигло и его.

– Это я сказал, – раздался совсем рядом негромкий мужской голос, которого дети никак не ожидали услышать. – Говорю, вряд ли тут лежат предки ваших Кожемякиных – у этой

пары детей не было, точно знаю. Скорее всего, вам знакомы какие-то их дальние родственники. Седьмая вода на киселе, как говорится.

И тогда Димка не сдержался – завопил что есть мочи. Настя, не разобравшись, что к чему, подхватила этот крик, вложив в него весь пережитый за последнее время страх. Витя вздрогнул, чуть не присоединившись к дуэту, и от неожиданности присел, будто по спине ему должны были вот-вот жახнуть дубинкой.

Рывком обернулся на голос. Похолодел от кончиков пальцев на ногах до шеи, икнул и бросился бежать – потому что через несколько могил от путников, проступая прямо сквозь темно-серую плиту, поднималось нечто прозрачное, перламутровое, светящееся и большое.

– Привидение! – переведя дыхание, снова завопил Димка, и Настя завизжала еще громче.

Развернувшись на пятках так, что во все стороны брызнули колкие камешки, они ринулись за Витькой, летевшим со скоростью ветра.

– По-мо-ги-те!..

Потом Диме было очень стыдно, что он – такой самостоятельный и мужественный – вопил чуть ли не громче сестры. Но в этот самый миг стыд интересовал его в последнюю очередь, и он не сдерживал себя, моля о подмоге и нисколько не задумываясь, кто именно способен помочь им на этой пустынной поляне.

– Да не кричите вы, – попросил, затихая за спиной, тот же голос. – А то шумите так, что мертвые проснутся...

Димка и Настя догоняли Виктора, несмотря на его более ранний старт. Рты жадно ловили сухой воздух Усыпальницы, под ногами звонко цокала серебристая галька, летящая из-под подошв. Но стоило девочке повернуть голову и покоситься вправо, как она резко затормозила, чуть не сбив братьев.

Перламутровое существо, выбравшееся из могилы, преспокойно летело по воздуху прямо рядом с ними, совершенно не намереваясь отставать.

– Да успокойтесь вы, милые дети, – попросило оно. – Умоляю, поберегите силы и неокрепшие голосовые связки.

Настя шарахнулась в сторону и все-таки уронила Витьку на дорожку (падая, он порезал ладонь об искусственный гравий и даже вскрикнул). Затем споткнулась о скромное приземистое надгробие и растянулась сама, чуть не приложившись подбородком о край массивной плиты.

– Пр... при... – Димка начал заикаться, тыча в светящийся силуэт пальцем. – Привидение!

– Ну, – пожал плечами прозрачный бородатый мужчина в очках и пиджаке, какие носят ученые и интеллигенты. – Можно сказать и так. Хотя мы предпочитаем научное наименование – психолептон.

Девочка все еще барахталась на пузе, пытаясь встать, но поскальзываясь на гравии. Витька посасывал кровоточащие ссадины, а их брат тяжело и болезненно опустился прямо на заднюю точку, все еще тыча в психолептона пальцем.

– Чего тебе нужно, привидение?! – выдавил он, тихонечко отползая подальше, пока не уперся в Витю.

– Да ничего, – усмехнулся перламутровый психолептон.

Он парил примерно в полуметре над плитами, а его нижняя половина размывалась наподобие дымного шлейфа или облака брызг.

– Это же вы осведомились, не являются ли *местные* Кожемякины родственниками ваших знакомых, поселившихся в поселке Литейный, так? Вот я и решил помочь. А самому мне от вас ничего и не нужно, – он снова улыбнулся, рассматривая детей. – Перестаньте кричать и пугаться, в этом нет необходимости. Вставайте и отряхнитесь, на вас больно смотреть!

Вид наши герои и правда имели самый что ни на есть потрепанный. В грязной и местами драной одежде, чумазые и исхудавшие. На Димкином лице красовались синяки,

полученные на Интернате, Витька все еще был покрыт пылью с приборов агроинженерного пульта Грибницы.

Голос привидения – или как он сам называл себя, психолептона, – подействовал на тройняшек успокаивающе. Они поднялись с пола, где лежали почти вповалку, начав отряхиваться.

– Значит, – недоверчиво переспросил Дмитрий, – вы хотели помочь? И не станете пить нашу кровь или тащить нас под землю?

Брови привидения изогнулись, как мог бы удивиться самый обычный человек.

– Вот еще, какие глупости! – возмутился он. – У вас превратное представление о психолептонах, молодой человек...

– У меня его вообще нет, – Димка потупился, ожидая реакции остальных.

Но Витя тоже впервые слышал такое название.

– Ну что ж, – охотно продолжил прозрачный бородач в аккуратном пиджаке старинного покроя. – В таком случае с удовольствием помогу вам восполнить этот пробел в знаниях. Как я уже упомянул, обитатели Усыпальницы-СХП называют себя психолептонами. Видите ли, своим необычным умениям и внешнему виду мы обязаны именно поляне – Специфическому Хранилищу Памяти, а также местной установке по упорядочиванию социального наследия.

Сбившись в кучку, дети молча и с явным недоверием изучали парившего перед ними психолептона.

– Эта установка была предметом гордости ее разработчиков, – продолжил тот. – Она обладает уникальной способностью сохранять и визуализировать знания, характер, память (в общем – все, что ученые называют личностью человека) захороненных тут спасгородцев. Точнее, умеет помещать слепок личности в чип, с которым в будущем предполагалось устанавливать контакт для получения знаний о прошлом.

– Значит, вы – такой чип? – наморщил лоб Виктор, все еще посасывая ранку на руке.

– Не совсем, – психолептон сделал вокруг ребят стремительный круг, после чего снова застыл на месте. – В свое время что-то пошло не так... установка, если термин уместен, вышла из строя. И мы, обитатели чипов и могил, освободились, так сказать. Превратились в такие вот сгустки материи, по привычке взяв себе прежние черты лица, фигуры и даже стиль одежды.

– Ого... – только и сумел выдавить Витя, пораженный этой удивительной речью.

Он посмотрел на брата с сестрой – те также пребывали в ступоре, не до конца веря своим ушам. На поляну вернулась равнодушная тишина.

– Хотите спросить еще о чем-то? – вежливо поинтересовался летающий бородач, заметив их нерешительность.

– Ну... Я даже не знаю... А может, вы... – начал мямлить Витька, но Дима вдруг перебил его.

– Если вы взаправду умерли, то расскажите, каково оно – *там* ?

– Там? – дружелюбно улыбнулся психолептон, заинтересованный вопросом. – Вы, молодой человек, имеете в виду существование человеческого духа после смерти? Если так, то могу ответить – никак. Спокойно, мирно, время течет совершенно незаметно. Между тем, как я уже отмечал, нас нельзя назвать стопроцентными призраками. Мы скорее *отпечатки* ушедших людей, хотя некую аналогию провести вполне уместно.

Дмитрий, все внимательно выслушав, нахмурился, задумчиво покусывая губу. Витька взглянул на него с откровенным удивлением – он и подозревать не мог, что брат, больше увлеченный футболом, самокатами и токарным делом, интересуется столь необычным вопросом мироздания.

– Все равно он жуткий, как бы складно ни болтал, – вдруг прошептала Настя, отодвигаясь Вите за спину. – Это как-то... ненормально, да? Ведь мертвые не могут говорить с живыми, неужели не так?

Виктор обернулся через плечо, ободряюще подмигнув сестре, хотя это и вышло у него

скованно и неубедительно. Он уже приготовился ответить, но внезапно выяснилось, что психолептоны обладают потрясающим слухом.

– Не нужно меня бояться, девочка, – наставительно произнес бородатый мужчина, парящий над могилами. – Ни меня, ни смерти. Каждому из нас отведен свой срок. И чаще всего весьма немалый. Но уклад Вселенной таков, что рано или поздно мы все уйдем.

И спохватился, заметив, как еще сильнее распахнулись девичьи глаза.

– Конечно, это звучит невероятно страшно. Особенно когда тебе всего десять, и ты не очень понимаешь ценность времени. Но страх – не лучший помощник в любом деле, я уверен, что родители вам об этом говорили.

– А это... это не больно? – решила спросить Настя, выглядывая из-за плеча брата.

Витька слышал, как мелко постукивают ее зубки, но сестра держала эмоции в узде, не позволяя им вырваться на волю.

– Нисколько, – с пониманием ответил психолептон, улыбаясь из-под прозрачной бороды. – Это, конечно, может доставить душевную боль нашим близким. Но, я уверяю, рано или поздно они смирятся. Взрослея, ты начнешь лучше понимать великий бесконечный круговорот, в котором живет человечество...

– Просто взрослые легче сдаются, – буркнул Димка, возвращаясь из размышлений. – Лично я постараюсь никогда не умирать.

Мужчина на это только улыбнулся, качнув головой, будто другого услышать и не ожидал.

– Могу я вам еще чем-то помочь?

– Да, – наконец-то спохватился Виктор, снова примеряя роль старшего в группе. – Уважаемый... уважаемый психолептон, вы могли бы подсказать, в каком сегменте внешней стены расположен блок «Д»?

– Разумеется и с охотой, – тот поклонился, покачиваясь на дымном хвосте, в который превратились его прозрачные ноги. – Следуйте за мной, дети.

– Подождите!

Слова Насти прозвучали так решительно и громко, что братья от неожиданности вздрогнули. Девочка вышла вперед, нервно заламывая пальцы, но все же справляясь с давлением страха.

– Подождите, – повторно попросила она, и психолептон заинтересованно обернулся. – Если тут хоронили в давние времена... Может, тут лежит наша прапрабабушка, и мы могли бы... увидеть ее, как видим вас? И даже поговорить?

Бородатый призрак с интересом склонил голову, а Витька дернул сестру за грязный рукав.

– Настюха, ты чего удумала? Да ведь мы ее совсем не знали...

– А вот и нет, за всех не отвечай, – девочка выдернула рукав из его хватки. – Мне мама сто раз говорила, что я похожа на ее прабабушку, как капля на каплю. А еще назвала меня в ее честь. Пусть я бабу Настю и не видела никогда, но все равно люблю. И хочу видеть... если она тут, конечно...

– Ну, друзья, вы меня поражаете, – вздохнул Виктор, разводя руками. – Один вдруг вопросы бессмертия выяснять начинает. Вторая сначала боится до обморока, а потом к бабушке на могилу просится... Не забыли, что мы спешим?

– Мы быстро, – отмахнулась девчонка маминым жестом. – Ну так что?

– А как фамилия вашей прапрабабушки? – поинтересовался психолептон.

– Лобова, – вспомнила Настя. – Анастасия Лобова.

Привидение задумалось (и даже вполне естественно наморщило лоб и потерло подбородок), а затем кивнуло.

– Есть такая. Идемте, я провожу.

Витька было запротестовал, но сестра вновь отмахнулась, всецело охваченная внезапной идеей. Димка пожал плечами и хмыкнул – мол, у меня поддержки не проси, если она себе что-то в голову вбила, это надолго... Да, эту черту непоседа тоже приобрела от

Юлии Николаевны – спорить с ней было бесполезно.

Мальчишки побрели следом. Теперь, когда они знали, что из-под любой плиты может подняться полупрозрачное существо, переливающееся жемчужными вихрями, поляна стала казаться им еще более огромной, пустынной и таинственной. Но здесь, во всяком случае, не наблюдалось оборотней, кровожадных грибов, оживших искрометов и других опасностей...

Минут десять они двигались по Усыпальнице, петляя по узору тропинок и огибая разнокалиберные шахты Лифтов. Психолептон молчал, дети на беседу тоже настроены не были. Димка равнодушно вертел головой, читая надписи на плитах, Витька нервничал, подсчитывая утекавшее время.

Наконец бородатый призрак замер над могилой – совершенно такой же, как и сотни соседних.

– Анастасия Львовна, тут к вам посетители, – негромко позвал он, усмехаясь в усы.

– Что за посетители? Почему без записи? Не жду никого.

Сквозь толстую темно-серую плиту (зрелище, заставившее живых вздрогнуть и поежиться) поднялся прозрачный и объемный одновременно, словно переданный по амбивизору, сгусток перламутровой энергии. Он вытянулся в человеческую фигуру и обрел черты пожилой дамы. Глаза привидения подслеповато морщились. Светлые волосы, подстриженные по старинной военной моде, были непривычно короткими для женщины. Черты ее лица, если присмотреться, и в самом деле напоминали Юлию Николаевну, маму наших путешественников.

– Посетители, значит? – строго переспросила женщина, приподнимаясь над могилой на полметра и разворачиваясь к тропинке. – Ну, докладывайте... Ох, гайки-винтики, шелупонь неразумная, и кто ж вас сюда пустил?

Девочка засмушалась, но братья подтолкнули ее в спину – ты затеяла, ты и говори.

– Здравствуйте... – неуверенно сказала она. – Я Настя, ваша праправнучка...

– Вот так сюрприз! – охнула женщина. На ее лице, стирая строгость, расцвела добрая улыбка. На щеках образовались ямочки – точь-в-точь как у самой Насти. – Настенька, звездочка моя...

Психолептон Анастасии Львовны подплыл ближе, раскрывая руки, будто мог обнять родственницу.

– А эти бравые кавалеры, стало быть, мои праправнуки? – улыбаясь, внимательно осмотрела мальчиков прабабушка Юлии Николаевны. Братья тихонько поздоровались, чувствуя неловкость и смущение. – Какими же ветрами вас сюда занесло?

– Так получилось, – робко ответила Настя, но незаметно для себя улыбнулась. – Долгая история... Знаете, я так рада вас видеть! Мама говорит, мы с вами похожи...

– Я тоже радости скрывать не стану, польщена! – призрак бабушки всплеснул руками. – Нечего сказать, красавица ты, ну вылитая я в юности! Дай-ка тебя разглядеть...

И она бесшумно завертелась вокруг тройняшек, не устывая восхищаться.

– Ай да удалцы, живет, значит, кровушка! Горжусь семейством, сразу видно – из правильного теста сделаны! И все-таки, что вас сюда привело?

– Вообще мы тут случайно. – Настя потупилась. – Но мне очень захотелось узнать, как вы жили в Спасгороде... ну тогда, давным-давно...

– Любознательная, значит? Похвально, что не в домоседов отпрыски рода нашего пошли.

Анастасия Львовна перестала кружить, паря над своей плитой. Призрак бородатого дядьки демонстративно отплыл подальше, чтобы не мешать беседе.

– Хорошо жили, внученька! Работали, рук не покладая, город возводили. Знаешь, такая громадина не сразу построена была, далеко не сразу. Первые команды, себя не жалея, только голые поляны возвели, обшивку наладили, Поток установили... Птичья Беда тогда на самом пике была, крылья расправила, никого не щадила. Но мы не сдавались, отрабатывали по три смены подряд, до кровавых мозолей и беспамятства. Все ради вас, нашего будущего...

Настя, зачарованная голосом психолептона, даже рот приоткрыла. Взор ее затуманился,

когда девочка представила себе давние времена, когда все поляны выглядели так же пустынно и неохватно, как эта. Казалось, голос бабушки поглотил ее без остатка.

– Работает, значит, Поток? Славно, славно! – продолжала Анастасия Львовна, осматриваясь так, словно до сих пор руководила стройотрядом и принимала важный объект. – Ваше поколение должно знать, как мы трудились, как завершали то, что предки не достроили: поселки, фермы, заводы и цехи. Как скот разводили, вакцины разрабатывали, помощников конструировали, процессоры паяли. Чтобы жить, не горевать... Сможете и вы, наши потомки, свою лепту в развитие города внести?

– Конечно, бабушка! – воскликнула Настя, смахнув непрошеную слезу. – Как же здорово... как хорошо видеть и слышать тебя сквозь разделяющие нас годы!..

Психолептон приблизился, с серьезной лаской заглядывая в лицо девочки.

– Я тоже счастлива, Настенька... Сюда уже целую вечность никто не приходил...

– Теперь я точно знаю, насколько мы с тобой похожи! – девочка шмыгнула носом.

– Настюха... – шепотом позвал Виктор, едва удержавшись, чтобы демонстративно не потрясти перед ней запястьем. – Нам бы топать дальше, время идет...

– Да отстань ты, – не оборачиваясь, бросила сестра. – Не видишь, мы разговариваем? А знаешь, бабуля, я, когда вырасту, хочу агрономом стать!

– Это чудесно, золотце! – изучая то девочку, то ее братьев, Анастасия Львовна прищурилась, но комментировать возникшее напряжение не стала. – Агрономы всегда Спасгороду нужны были. В наших условиях нормальный урожай собрать да людей накормить – всем подвигам подвиг.

– Настена, но у нас важное дело, неужели ты забыла? – предпринял еще одну попытку Витя. – Я тоже рад видеть нашу прапрабабушку, но пора идти...

– Да ничегошеньки уже не важно! – девочка обернулась, и на щеках ее вдруг блеснули слезы.

И было непонятно, то ли они вызваны радостью, то ли чем-то иным, скопившимся в хрупкой душе за время путешествия. Витя даже отступил на шаг, а Димка недовольно нахмурился. Настя тем временем продолжала, не замечая, что бабушка неодобрительно качает головой.

– Неужели вы не поняли, что вообще *все* – неважно?! – грозно спросила Настя, повышая голос, который вдруг неприятно и нервно сорвался. – Что рано или поздно мы все равно окажемся здесь! Или не здесь, раз поляна заблокирована, но в таком же месте... Может быть, станем психолептонами, а может, и не станем, сгорим без следа! Разве непонятно, что у любой жизни итог все равно один!

Слезы потекли по лицу, смывая грязь и чертя в ней извилистые дорожки. Мальчики посмотрели друг на друга в поисках помощи, не зная, что теперь делать или думать. И только для Анастасии Львовны, казалось, все было предельно ясно. Она медленно переместилась туда, где правнучка могла ее заметить.

– Так, значит... Внученька, золотце, послушай-ка умудренную годами тетку, ладно? – с суровой нежностью, требовательно, как умела при жизни, попросила она, и Настя осеклась на полуслове. – Ты умная девочка. И во многом права, итог все равно один.

Она протянула перламутровые прозрачные ладони к праправнучке, будто просила дослушать ее и понять. Девочка утерла слезы рукавом и хлюпнула носом, исподлобья поглядывая на психолептона и не пытаясь больше заговорить.

– Но по-настоящему важно, деточка, только одно: *как* ты проживешь жизнь.

Братья заметили, что смущенный поворотом событий бородатый призрак отлетел еще дальше, деликатно отворачиваясь, как будто оттуда расслышать беседу уже не мог.

– Я очень тебя люблю, Настенька, – продолжала Анастасия Львовна, заглядывая внучке в глаза. – И тебя, и братиков твоих, хоть мы и никогда не встречались. Но они правы, вам пора... Остаться на поляне дольше положенного опасно. Психокинетическая аура установки, даровавшей нам оболочки, к сожалению, вытягивает из живых силы. Именно поэтому тебя начали морить усталость и печаль. А пройдет еще немного времени, и ты

захочешь навсегда остаться здесь, со мной... Поверь, ничего хорошего из этого не выйдет.

Только после этих слов Витька осознал, как же сильно они на самом деле утомлены. И дело было даже не в бесконечной гонке, этапами которой стало бегство от Красимиры, встреча с Подметкой или сражение с диковинными слугами Ризоморфа. Усталость лежала на плечах синтепоновым мешком, постепенно набиравшим вес. И Витька был готов поспорить на всю свою коллекцию марок, что прямо сейчас этот вес начинает увеличиваться слишком быстро.

– Но зачем нам пытаться что-то делать, бабуля? – все еще некрасиво шмыгая носом и вытирая щеки, спросила девочка, словно не расслышала предупреждения. – К чему уходить, если я все равно сюда вернусь?!

– Вот ведь упрямица! – вздохнула перламутровая женщина. – Пойми, Настасья, человек славен не возрастом, а следами, которые оставил при жизни. Спроси любого лежащего тут, они подтвердят! Возможно, тебе отмерено сто лет, возможно – шестьдесят или меньше. Но ценить нужно каждую минуту. Ценить и стараться делать что-то хорошее, важное, нерушимое! Что-то, о чем позже будут вспоминать потомки. Как ты теперь вспоминаешь обо мне...

И, ласково улыбнувшись, протянула прозрачную руку, невесомо погладив девочку по щеке, будто пытаясь унять ее слезы.

– Знаешь, золотце, – прапрабабушка легко воспарила, осмотрев внуков свысока. – Сейчас я вижу на этой закрытой поляне трех милых детей. Случайно сюда вы попасть не могли, но я хорошо помню, какой егзой и хулиганкой была в детстве. Да и потом спуску никому не давала.

Психолептон не по возрасту задорно хохотнула, уперев руки в боки.

– Ваше присутствие означает, что у вас есть важное дело. Братья тебя не случайно торопят, верно?

Она вдруг подмигнула Витьке.

– Так иди и делай то, что должна! Можешь считать это приказом бригадира пятой строительной колонны – я им с шестнадцати лет была. И если дело ваше поможет кому-то, поверь – стану гордиться вами втрое!

Настя задрала голову и заломила руки.

– Но бабуля... Я так хочу побыть с тобой, узнать поближе...

– Иди, золотце, приказы исполнять нужно. – На этот раз в голосе дамы послышались твердые нотки, так знакомые мальчикам по редким семейным ссорам, когда Юлия Николаевна настаивала на своем. – И не вздумай горевать по нам. Жизнь слишком интересна, чтобы тратить ее на тоску. Удачи вам, мои хорошие, искренне благословляю! Шагом марш!

И она подала братьям почти незаметный, но решительный знак – чуть взмахнула кистью и склонила голову. Те догадались: с обеих сторон обняли сестру за плечи, что-то нашептывая, мягко развернули и повели по тропинке.

– До свиданья, бабушка, – попрощался за всех Виктор, оборачиваясь.

Перламутровый психолептон, улыбаясь и качая головой, только помахала им вслед рукой. А затем мягко опустилась сквозь гранитную плиту могилы, исчезая без следа.

– Полагаю, ваша беседа окончена? – тактично поинтересовался бородатый призрак, медленно приближаясь. – Позвольте мне проводить вас к секции «Д»?

– Конечно, – кивнул Витя. – Спасибо.

И они снова побрели по светло-серым каменистым тропинкам, шурша гравием и тяжело вздыхая.

Возле внешней стены, на одном из фрагментов которой красовалась громадная трафаретная литера «Д», бородач остановился, задумчиво глядя на ребят.

– Вот, вам сюда, – сказал он и, все же решившись, добавил: – Знаете, было бы глупо делать вид, что я не слышал разговора... Психолептоны объединены в одну – вроде как – сеть. Поэтому мы хорошо знаем, чем увлечены или подавлены наши соседи.

Витька и Димка с интересом и недоверием покосились на привидение. А Настя подняла зареванные глаза и повернулась вглубь поляны, будто хотела с такого гигантского расстояния разглядеть могилу, от которой ее увели.

– Поверьте старому психолептону, дети, – продолжил бородатый, осторожно подбирая слова. – Ваша прапрабабушка была изумительной, упорной, целеустремленной и мудрой женщиной. Она сделала для нашего города много хорошего, очень много. И слова, которые она сказала тебе, девочка, на прощание, стоят дороже самого блестящего золота, поверь. Уж не гадаю, молодые люди, как вас сюда занесло – хех, явно не на Хароне, – но... Помните, далеко не каждому из ныне живущих спасгородцев повезло услышать такое напутствие от своего уважаемого предка! А теперь уходите, я уже вижу, какой эффект оказывает на вас машина... Если не хотите упасть без сил – быстро за дверь.

И он улыбнулся, всем видом демонстрируя, что выгоняет гостей исключительно для их блага.

Оставив сестру кулем висеть на руках брата, Димка нерешительно подошел к ярко очерченной двери. Покачиваясь от усталости, ухватился за выдвижные ручки замка, крутанул по часовой стрелке, ожидая худшего. Но оказалось, Патриций не обманул – двери на этой поляне изнутри не запирали.

– Всего вам наилучшего, – кивнул провожатому Витя. – Спокойных снов...

– А вам – доброй дороги! – попрощался призрак и стремительно полетел к центру поляны, быстро потерявшись среди колонн.

Поддерживая обмякшую девочку, Виктор кое-как добрал до выхода во внешнюю стену и перешагнул порог. Помог выбраться сестре, внимательно проследив, чтобы та не ударилась. Вышедший последним Димка с натугой потянул дверь на себя и захлопнул, отсекая волну сухого воздуха и тоскливую ауру машины, подарившей психолептонам подобие второй жизни.

Щелкнул замок, окончательно отрезая путь к возвращению. А в полусонной Витькиной голове, не до конца сформировавшись, мелькнула жгучая мысль: Усыпальница внесена в реестр запрещенных полей не только потому, что установка отнимает у живых силы. Но и потому, что спящие предки способны кое-что рассказать своим потомкам. Кое-что противоречащее официальной гильдейской пропаганде, навязываемой спасгородцам через газеты и радио...

Глава седьмая, в которой царит атмосфера праздника и веселья, а кое-кто забывает купить билет

Помещение, в которое они попали на этот раз, служило чем-то вроде «прихожей». Специальные сенсоры над входом мгновенно определили присутствие людей. Получив сигнал и болезненно проморгавшись, зажегся потолочный свет. По периметру квадратной комнаты сразу обнаружились пыльные пластмассовые скамейки, а в противоположной стене нашлась дверь, выводившая непосредственно в толщу стены.

Едва лязгнули замки, Витька повалился на ближайшую лавку, осторожно опуская сестру рядом. Та, обессиленно улыбаясь, смогла лишь благодарно кивнуть и тут же растянулась на прохладной пластмассе, дыша тяжело и часто. Мальчики последовали ее примеру, с облегчением откидываясь на гладкие спинки и вытягивая ноги. Они тоже ощущали опустошение, усталость и подавленность, вызванные странной атмосферой законсервированной поляны.

– Ты как, Настена? – с трудом шевеля губами, поинтересовался Виктор.

– Нормально... – прошептала девочка. – Успокоилась, если ты об этом... Обратно больше не хочу, да и чувствую себя лучше.

– Ну и славно.

– Надо перекусить, это прибавит сил, – деловито, хоть и заплетающимся языком,

предложил Димка. – Держите...

Он развязал мешок, вынимая и раздавая последний провиант. Нашлись две банки суррогатного мяса, одна банка с повидлом, а бутылку с водой мальчик поставил на лавку между собой и братом. Близнецы принялись за еду, хотя кусок упорно застревал в горле и аппетит дремал, игнорируя усиленные специальными добавками запахи пищи.

– Простите мне, – чуть окрепнув голосом, попросила Настя, задумчиво пережевывая кусок тушенки, – мою слабость там... – она кивнула на запечатанную дверь. – Наверное, психолептоны правы, машина не любит живых. Ума не приложу, что случилось с настроением. Повела себя, как истеричка...

– Ладно, не кори себя. – Дима указательным пальцем выскребал из упаковки последнее повидло, шумно слизывая. – Ты вовсе не истеричка.

Затем они сделали по глотку воды, невкусной и с неприятным запахом, собрали пустые жестянки из-под консервов в мешок и уселись на лавке плечом к плечу, молча вспоминая выпавшее на их долюшку приключение.

Чуть погодя трапеза все-таки сделала свое дело – придав сил, но разморив окончательно. Поэтому дети уснули, тяжело навалившись друг на друга, безвольно склонив головы на грудь и мелко подрагивая. И когда кошмар пытался подкрасться к одному из них, воришкой проникая в тревожный походный сон, тепло сидевших рядом членов семьи изгоняло злые образы. Датчики движения, посчитавшие, что в комнате никого, заботливо и экономно потушили свет...

Сколько времени проспали наши герои, определить сложно. Возможно, два часа, а может быть – целых шесть. Однако Витька, пробудившийся первым, почувствовал себя вполне отдохнувшим и бодрым. Спросонья испугавшись окружающей тьмы, он вскочил, от чего Дима и Настя (опиравшиеся на него) с ворчанием повалились на лавку. Но зажегся свет, разгоняя страхи, и мальчик сладко потянулся. Зевая, поднялись и остальные. Затем все трое сделали легкую зарядку, разминая одеревеневшие мышцы. Обсуждая привал, они единодушно согласились, что сон был необходим, даже если отнял у них немного драгоценного времени.

Окончательно придя в себя, заботинцы, не сговариваясь, одновременно повернулись к двери на поляну. Собравшись с силами и переосмыслив произошедшее на Усыпальнице, они воспринимали жилище психолептонов совсем иначе, чем в тот миг, когда Патриций высадил их, а из-под земли поднялся бородатый призрак. Теперь ребята точно знали, что их родные и любимые предки гордятся ими и желают своим праправнукам только добра.

Все в той же звенящей тишине (лишь едва слышно гудели под потолком отвыкшие от работы длинные лампы) дети покинули квадратную комнату с лавками. Их снова встретили пустынные коридоры технических отсеков, однако же на этот раз разительно отличавшиеся от всех, что они видели прежде.

Во-первых, здесь было чисто и проветрено, везде имелись указатели и трафаретные обозначения. Стены и лестницы покрасили не дешевой краской и как попало, а ровно и аккуратно, мастерски подобрав оттенок желтого, который казался теплым на ощупь. Во-вторых, лабиринтов тут тоже не наблюдалось, хотя заблудиться в паутине переходов было легче легкого – так называемый Шлюз оказался похож на гигантскую трубу, шахту великанского Лифта или бетонный тоннель, овальный в сечении и поставленный вертикально.

Всю полость этого «тоннеля» – а вверх и вниз тот убегал основательно, внушая легкое головокружение, – через примерно равные интервалы межевали массивные решетчатые полы, с которых во все стороны разбегались лестницы. Одни выводили к различным полянам, другие вели в новые глубины внешней стены, к балконам, промежуточным этажам и площадкам вызова.

Местами стены бугрились выступами настоящих шахт. А некоторые Лифты не имели их вовсе – подвешенные на изящных системах тросов подъемники шныряли по Шлюзу у всех на виду, от чего казалось, будто кабины парят в воздухе.

Вообще хитросплетение механической начинки колодца представляло собой любопытное зрелище. Если взглянуть вниз или вверх, то сначала казалось, что Шлюз, ажурный и легкий, великолепно просматривается насквозь. Но стоило приглядеться, как в глазах плыло и становилось ясно – несмотря на обилие решеток и перфорированных конструкций, дальше пары этажей взгляд не проникал – настолько плотно смешивались они над головой и под ногами.

Осмотревшись и приметив ближайшую лестницу, путешественники начали подъем, внимательно читая надписи на информационных табло. Большая часть выходов на поляны отпиралась специальными картами доступа. Но находились и обычные двери, не требовавшие электронных пропусков.

Нужно заметить, что своей архитектурой Шлюз немало заинтересовал детей. Было непросто догадаться о предназначении такой занятой конструкции, вмонтированной во внешнюю стену. Единственное предположение, высказанное Виктором и показавшееся разумным остальным, заключалось в том, что это своего рода аварийная трасса для прямых перемещений по городу (пусть и не по всей его высоте) в случае неполадок с Лифтами.

Те, кстати, с гулом и посвистом регулярно проносились мимо, в большинстве своем выглядя чрезвычайно специфично – с решетчатыми и остекленными стенками, сквозь которые бесстыдно виднелись кабины и обнаженная начинка моторов. В такие моменты тройняшки прятались под ступенями или отступали за опорные железные фермы. Хотя те имели изрядное количество дыр для облегчения и прочности, они все же давали неплохое укрытие от случайного внимания Стражи, которой в Шлюзе обнаружилось с избытком.

Часть мужчин в красивой черной форме занимала стационарные посты, восседая на контрольных точках за изогнутыми пультами управления. Они были всецело увлечены приборами, постоянно корректируя протоколы, что-то настраивая и перепроверяя на светящихся панелях. Вторая половина группками по два-три человека лениво патрулировала паутины лестниц, мостков и балконов, негромко переговариваясь и поигрывая служебными дубинками.

Вообще, положив руку на сердце, если бы Стражники старательнее исполняли свой долг, они бы наверняка обнаружили малолетних нарушителей. Однако мужчины вели себя весьма небрежно, и подслушанный детьми диалог явился тому доказательством...

– Представляешь, с них взяли подписку о неразглашении! – с неподдельным удивлением и затаенным страхом говорил один Стражник, похлопывая дубинкой по раскрытой ладони и внимательно наблюдая за реакцией собеседника. – Если проболтаются – ссылка. Говорят, пожизненная, причем не на фабрики и даже не в тюрьму...

– Не может такого быть. Чего сочиняешь? – не поверил его напарник.

– Клянусь, – обиженно отвечал первый, с опаской озираясь и морща нос. – Помнишь, полгода назад на Радиаторе в Лифт какая-то дрянь пробралась? Один из парней, что охранял место заражения, потом в баре проболтался: дескать, Смотрители решили Лифт не спасать. Опечатали, значит, отключили внешнюю связь, да и бросили бедолагу погибать вместе с тварью. Болтуну этому из восьмого батальона, ясное дело, никто не поверил. Но потом бац – и пропал солдатик. Исчез, без следа растворился. Вот и думай, о чем можно говорить, а где лучше смолчать...

– Да ну тебя... – неуверенно поддержал второй, определенно напуганный рассказом. – Чур меня, чур. Я уж лучше тут! С наших постов и спрос невелик, и жилы рвать не заставляют, и спится спокойнее. Слушай, старина, вернемся через шестой балкон, ага? А то мне что-то в кабинку захотелось...

И Стражники удалились, цокая по железным ступеням набойками на толстых подошвах армейских ботинок. Убедившись, что они ушли достаточно далеко, дети продолжили восхождение.

– Уроды... – бледнея, сквозь зубы прошипел Дмитрий. – Теперь понятно, как Крася выбралась – Гранду никто и не думал помогать... Вот гады!

Они помолчали, тяжело переживая ужасное открытие. А затем двинулись дальше,

погруженные в невеселые мысли. Им было горько, тоскливо и обидно, а образ Лифта, отважно спасенного когда-то, стал иллюстрацией несправедливости – постоянной спутницы Смотрителей.

– Вот! Еще четыре секции, и мы на месте, – наконец прошептал Витька, изучая ближайший информационный планшет, в состав которого входила и карта Шлюза. – Почти пришли...

Димка и Настя, облегченно выдохнув, вернулись со своих наблюдательных постов, где стояли в карауле, пока брат определял дальнейший маршрут. Мимо с гулом и дребезжанием прополз «обнаженный» Лифт, нагруженный коробками запчастей.

Бедра гудели, икроножные мышцы начинали каменеть, но ребята не присели отдохнуть, пока не миновали оставшиеся пролеты и не добрались до нужного балкона. Только тут они позволили себе опуститься на прохладный решетчатый пол, переводя дух и тревожно поглядывая через перила. Если бы в этот момент на площадку вышел кто-то из Стражи или обслуживающего персонала, путники стали бы легкой добычей – утомленные подъемом, о бегстве дети сейчас не могли и мечтать.

– Снимайте куртки, – распорядился вдруг Дима, воспользовавшись остановкой. – В них нас запросто вычислят в толпе, да и видок у них уже совсем нетоварный...

Он сбросил с плеча тощий мешок, с которым не расставался с Интерната. Пошарил внутри и торопливо рассовал по карманам штанов горсть «полезного хлама», собранного во время похода. Затем мальчик разорвал на мелкие клочки пресловутую записку из школьного «тайника». После этого забрал у остальных куртки, плотно скрутил приметную одежду и затолкал в брезентовую пасть. Потолстевший мешок они спрятали под лестницу.

Переглянувшись, словно стояли не перед дверью, а на высоченной вышке над школьным бассейном, наши герои вышли из стены. Все трое прекрасно понимали, что если их схватят тут, на одной из самых посещаемых гуляками полян, им несдобровать. И на этот раз они вряд ли отделаются родительским выговором и парой недель запрета на развлекательные программы по амбивидению.

Но удача, как сразу выяснилось, пока что пребывала на их стороне.

Проход, ведущий с поляны на Шлюз, оказался ловко спрятан в небольшом закутке, надежно прикрытом от посторонних глаз ложной перегородкой, над которой краснели трафаретные предупреждения: «Вход запрещен! Доступ только для персонала. Нарушение влечет уголовную ответственность».

А затем Летняя Ярмарка закружила ребят в шумном и ярком хороводе, обрушившись лавиной музыки, соблазнительных запахов, гулом разговоров и шумом самокатов, сновавших по проспектам периметра. Мимо протарахтел пассажирский самокат, гремя коротким составом вагончиков, наполненных туристами. Взрослые о чем-то болтали, дети уплетали сахарную вату и пили вкусные витаминные коктейли из бумажных стаканов с рисунками мультгероев.

Повсюду царил атмосфера радости и безудержного веселья, разительно отличавшаяся от обстановки на любой из полян, посещенных близнецами ранее. Ребятам смеялась и кричала, а родители, воспитатели и учителя словно по негласному сговору понизили порог строгости, взирая на проделки и беготню с пониманием и терпением. Преобладала детсадовская малышня. Но и сверстников странники заметили немало, что подтверждало факт: каникулы (вероятно, для распределения потоков отдыхающих) в школах разных уровней наступали в разное время.

С потолка свисали многочисленные штандарты, разукрашенные патриотическими лозунгами и символикой города. Величественные, хоть и основательно обветшавшие, они призывали детей хорошо учиться, а взрослых ответственно работать, чтобы затем отдохнуть с чувством выполненного долга.

Вокруг бурлил народ: толпы прогуливающих по Летней Ярмарке куда-то спешили, посещали рынок и разнообразные аттракционы, торопились в полной мере насладиться положенным отпуском и потратить скопленные на него деньги.

На троицу путешественников, тут же влившуюся в людское море, никто не обращал внимания. Дойдя до светового табло, регулировавшего движение на кольце периферийных магистралей, они перешли дорогу, углубившись в самое сердце Ярмарки. Димка, внимательно посмотрев на сестру, вдруг дернул девочку за рукав блузки – с таким напряженным и перепуганным лицом, как у нее, близнецы могли привлечь ненужное внимание местных урядников, видневшихся в толпе. Настя смутилась, неловко улыбнулась и постаралась придать лицу выражение, больше свойственное восторженному зеваке, чем потерявшемуся ребенку.

Поляна, конечно, потрясала, как и царящее на ней приподнятое настроение. Потолок Ярмарки был выкрашен в изумительные оттенки голубого, а под самыми сводами клубились белоснежные искусственные облака, созданные Потоком. Было очень тепло, даже жарко, от чего так и тянуло присесть на лавочку, попить лимонада и заняться ничегонеделанием, целый час болтая ногами и делясь впечатлениями.

Впереди, возвышаясь над другими постройками поляны, виднелась крыша огромного рынка – самой сущности Летней Ярмарки. Там, имея на руках деньги или специальные талоны, выданные в качестве премий, можно было приобрести все, начиная от интересных книг или игрушек и заканчивая баснословно дорогими яблоками или шоколадом.

Вокруг крытого рынка, позволяя отвлечься от покупок или отдохнуть, разместилась цепь аттракционов и закусочных, где продавали пирожки, сладкий рис, мороженое, леденцы, напитки и кучу других вкусов. Аттракционы же будоражили воображение – ослепительные в одежде из ярких вывесок, они предлагали окунуться в мир кривых зеркал, испытать силу и ловкость, попутаться в «страшном доме» с ожившими манекенами, покататься на игрушечных самокатах, каруселях или «русских горках».

Те, возвышаясь слева от рынка, казались огромными: местами холмы узкой рельсовой дороги поднимались к самым облакам, обещая катавшимся массу эмоций и незабываемых ощущений. Оттуда, летя над головами и крышами, неся непрерывный крик и визг – сейчас вагончики аттракциона как раз забирались на самую высокую точку, чтобы рухнуть вниз к радости по-доброму перепуганной малышни.

Повсеместно встречались шахты, привычно подпиравшие потолок. Из одних Лифтов выходили толпы приезжих; возле других ожидали погрузки те, кому предстояло отправиться по домам. На лицах уезжавших читалась грусть, а на свежее пополнение человеческого океана они смотрели с откровенной завистью – у тех-то все было еще впереди...

Из динамиков на столбах лилась ненавязчивая музыка, но ее почти полностью заглушали оркестры, игравшие сразу на трех или четырех сценах. Неподалеку разместили свои столики торговцы сувенирами и художники, за копейку готовые нарисовать юмористический портрет, а также выступали уличные гимнасты и мимы.

Отдавшись воле течения, Витя, Настя и Дима плыли по самой очаровательной поляне в своей жизни, а в памяти их оживали воспоминания далекого детства. Они уже бывали тут, но это было очень давно – не меньше пяти лет назад. Тогда Петр Петрович получил премию, которую решил потратить на семейный отдых и развлечения. С тех пор многое забылось. Но теперь, разбуженное запахами и звуками, возвращалось, сладко посасывая под ложечкой.

А еще все трое вспомнили обещание мамы – если близняшки закончат учебный год с хорошими оценками, семья снова поедет на Ярмарку. Теперь, учитывая недавние приключения и побег из школы, об этом можно было только мечтать...

– Хорошо, что перекусили, – повышая голос, чтобы перекрыть шум духового оркестра, поделился Димка. – Запахи такие, что иначе я бы слюной истек, вот вам честное слово!

Витька хотел что-то ответить, но его внимание привлек очередной аттракцион, и хорошее настроение мигом испарилось – словно капля воды, упавшая на раскаленную сковороду. Ребята проследили за его взглядом, и в их глазах тоже заплескалась тоска. Аттракцион назывался «Зоопарк», но с зоологическими парками, о которых дети читали в художественных книгах и учебниках, не имел ничего общего. Афиша сообщала, что внутри

одноэтажного вагона посетитель найдет «много интересного, чуждого, диковинного и опасного». Но бояться не стоит, потому что все экспонаты помещены в специальные стеклянные кабины, снабженные собственной системой воздухообмена и медицинским шлюзом для подачи пищи.

Так сказать, «на затравку» гулякам демонстрировали одну такую кабинку, узкую и невысокую. Но держали в ней вовсе не представителя вымирающего вида животных...

Перед входом в «Зоопарк», в прозрачном аквариуме рядом с билетным столиком находилась крыса со Свалки. С огромным смешным носом, сразу напомнившим о Подметке, девочка из крысиной стаи казалась едва старше наших непосед. Она сидела, забившись в дальний угол стеклянного куба, и смотрела на зевак мутно, едва ли их замечая.

– Матушки-платушки. – Настя так резко втянула воздух, что у нее перехватило дыхание.

Мальчишки стиснули зубы, с ненавистью глядя на толстого лысоватого мужчину, зазывавшего посмотреть на диковинных «зверей».

– Только у нас! Неведомые твари, подземными ходами проникшие внутрь из-за границ Спасгорода! Только у нас вы можете в деталях изучить повадки и образ жизни мутантов Запределья: поганок, крыс, пчелюдей, а также подивиться на гигантских насекомых, каждый укус которых представляет смертельную опасность! Заходите, не стесняйтесь, билеты всего по десять копеек!

Крыса, казалось, рекламных воплей не слышала. Она вообще казалась *отсутствующей*, словно происходящее за прозрачными стенами тюрьмы перестало интересовать ее давным-давно. Скомкав матрац и покрывало в подобие норки, она забила в нее, почти не шевелясь и едва поводя огромным носом.

– Это чудовищно... – прошептал Витька.

– Они ведь тоже люди! Как так можно? – его сестра вскинула руки, закрывая лицо ладонями и отворачиваясь.

– Почему он обманывает, представляя крыс жителями Запределья? – подавленно продолжал Витя. – Это же ложь, они такие же спасгородцы, как мы...

– Тихо ты, – зашипел ему в ухо брат, больно стискивая локоть. – Упаси Лифты, если узнают, что нам известна *правда* !

Продавец билетов, однако, бурную реакцию тройняшек истолковал по-своему.

– Не нужно бояться, милые дети! Чудовища сидят под крепкими замками, они не сбегут, – его глазенки азартно блестели. – Зовите родителей и просите купить билеты, внутри вы увидите еще...

– Подавись своими билетами! – не стерпев, огрызнулся Димка, заставив толстячка осечь на полуслове и изумленно вытаращиться. – Пошли отсюда!

И чуть ли не силой потащил Витю и Настю прочь от страшного зрелища.

Свинцовая беспомощность, обрушившаяся на ребят всей своей массой, начисто испортила настроение. Даже залихватская полька, несущаяся со сцены, не могла исправить положения. Они понимали, что ничем не могут помочь ни крыске, ни другим пленникам «Зоопарка», а потому горевали еще сильнее.

– Встряхнитесь! – отрывисто приказал Дмитрий. – То, что мы увидели, ужасно. Но мы прошли сюда – через многие опасности, помните? – не для того, чтобы спасти родичей Подметки, так? Значит, время подтереть сопли и взяться за дело...

– Ты прав, – печально кивнул Виктор.

Он хотел обернуться на стеклянный куб, но сдержался.

– Давайте найдем цирк...

Это, нужно признать, было не сложно – здоровенный шатер, растянутый на четырех мачтах, казался одним из самых крупных строений поляны и выглядел из-за рынка. Именно в нем и располагался цирк – в просторной круглой палатке с высокой крышей, сшитой из желтых и алых полос плотной материи. На металлических тросах, тянувшихся от четырех шпилей за облака, колыхались десятки разноцветных флажков. На самом длинном

виднелась надпись «Спасгородский летний цирк».

Пробираясь через толпу, дети двинулись к приметному тенту, дурными словами поминая хозяина «Зоопарка» и его питомник. Бессилие нашло выход в ругани, но затем цель похода вытеснила из мыслей все остальное – они вышли к цирку. За шатром, как стало видно вблизи, находился скромный поселок одноэтажных домишек, в которых жили работники и артисты.

Ткань упруго натянутой стены шапито оказалась тяжелой и шершавой на ощупь. Ее нижний край был плотно пришнурован к железным кольцам, вмонтированным прямо в резино-асфальтовое покрытие поляны. Через равные интервалы на материи красовались яркие афиши, наклеенные не один год назад, и весьма небрежно. Местами бумага порвалась и основательно поблекла, что придавало рекламе вид древний и чуть загадочный. Медленно огибая бочкообразный борт строения, наши странники невольно принялись читать.

Первой им попалась женщина, изогнувшаяся так, как обычный человек не может и помыслить. Держа вес своего переплетенного тела на одной руке, упертой в шатковую подставку, она забросила ноги за голову, вторую руку изящно отведя в сторону. На загримированном белилами лице красовалась победная улыбка, а надпись под картиной приглашала «своими глазами увидеть феноменальные способности уникальной госпожи-змеи Жужу, способной невообразимым образом гнуть свое пластилиновое тело». Также афиша сообщала, что она прекрасно жонглирует.

«Захватывающие акробатические номера в исполнении блистательных Эрнеста и Марии», кричал следующий плакат, изображавший темноволосых мужчину и женщину в серебристых обтягивающих комбинезонах. Приобняв друг друга и театрально разведя свободные руки, артисты стояли на спине механической лошади, во весь опор летящей по манежу. Если верить хвалебным надписям, эта семейная пара занималась цирковым искусством более двадцати лет. На представлениях они показывали трюки с лошадьми, ходили по канату и демонстрировали номера воздушной гимнастики, от которых у зрителя «замирало сердце».

Следующий плакат был безжалостно оборван, и только бумажные края колыхались под горячим ветерком Потока.

Продолжая обходить шапито, ребята узнали про клоуна Степку и его помощницу Ленуську, от которых «животики надорвут и взрослые, и дети». А также про силача Григория – новый бриллиант спасгородского летнего цирка, – человека небывалой силы, «способного поднимать любые тяжести, зубами и волосами передвигать с места грузовые самокаты, а также заколачивать гвозди голыми руками». Перед фотографией молодого длинноволосого силача путешественники замешкались.

– А с чего мы вообще взяли, что это – нужный нам цирк? – вспоминая биографию Мглистого, высказала общие сомнения Настя. – Я слышала, тут есть и заведения поменьше, уличного формата...

Вместо ответа Димка потянул край афиши, демонстрируя видневшийся под ней слой старой бумаги. На прежнем рекламном листке виднелись только мужские ноги в удобных борцовских туфлях и короткий обрывок текста. Внимание сразу привлекла часть фразы «йфус Несравненный», и сестра молча кивнула.

Очередной плакат был значительно больше и ярче остальных. Дети догадались, что перед ними сам директор цирка, имаджировщик и шапитмейстер в одном лице: «блистательный и всемогущий Мистицион, повелитель оживающих образов, стирающий грани реальности волшебник и лекарь человеческих душ». Волшебником и лекарем оказался высокий статный мужчина, усатый и чернобровый, по виду лет на тридцать старше Петра Петровича. На картине за его спиной светились голубоватым огнем странные волнующие образы.

– Стена никогда не кончится, или мы уже ходим по кругу? – недовольно пробурчал Витя.

– Да не гунди ты, – одернул его брат. – Вон, смотри, главный вход. Каким-то образом

мы должны его миновать, чтобы попасть внутрь и осмотреться.

– Легко сказать, – хмыкнула девочка. – Или я одна вижу кассиршу?

Перед аркой входного проема действительно скучала ярко загримированная молодая женщина в смешном наряде, без труда опознающаяся как помощница клоуна Ленуська. Она вальяжно оседлала высокий стул за фанерной тумбой, из-за которой продавала билеты. Судя по всему, шоу давно началось, новые зрители не ожидалось, и девушка откровенно бездельничала, читая свежий выпуск «Городских известий».

– Без денег внутрь не попасть... – протянул Виктор, зачем-то озвучив вполне очевидный факт. – А у нас их нет.

– Ладно, появилась тут одна мыслишка, – Димка отступил обратно за шатер, увлекая с собой остальных. – Это, конечно, поступок нехороший... Но выбирать, как я понимаю, не приходится.

Жестом фокусника он извлек из-за голенища выточенную из кабеля стамеску. Настя ойкнула, поражаясь, когда только брат успел прихватить ее с собой. А тот уже примерялся к тугой полотняной стене, подушечкой пальца определяя остроту инструмента и неодобрительно хмурясь.

Мальчик присел на корточки, проверил ткань шатра на укол – та спружинила и не поддалась. Тогда Дима начал резать в районе шва, соединявшего разноцветные полотнища, одну за другой перетирая нитки стежка. Настя и Виктор, нервно посматривая по сторонам, переминались с ноги на ногу. Они были скрыты от лишних свидетелей целой стеной закусовых, прилежавших к цирку, но стоило кому-то из прохожих лишь глянуть в их сторону...

Никто не глянул. Подспудно ожидаемый гневный оклик так и остался бесплотным страхом. Пыхтя и натирая пальцы, за пару минут Дмитрий сумел прорезать лаз, вполне позволявший проползти внутрь. Растянув матерчатые, сыпавшиеся нитками края, он приглашающе мотнул головой. Первой юркнула Настя, за ней Витька, и последним, постаравшись хоть как-то прикрыть рваную рану на стене, пробрался их брат-выдумщик.

Внутри было многим жарче, душнее и к тому же ужасно пыльно. Над головами тревожно скрипели ступенчатые трибуны, амфитеатром окружавшие манеж и поднимавшиеся очень высоко – самые верхние, дальние от манежа места прилепились почти под потолком. Через щели в дощатой конструкции амфитеатра пробивался яркий свет цирковых софитов. В игре теней становилось заметно, что занятыми оказались далеко не все лавки. Но бесконечное шарканье зрительских ног все равно обрушивало на безбилетников ручейки сухой пыли и опилок.

Пробираясь между ржавыми железными фермами, изнутри поддерживавшими ступенчатые трибуны, дети осторожно приблизились к проходу. Тот, будто ущелье, напололам разрубал зрительские места и вел в подсобные помещения. Именно по нему, открыв сдвижную часть манежного ограждения, во время представления выходили на сцену артисты и выкатывался реквизит.

Под куполом грохотала напряженная музыка, льющаяся из развешанных повсюду динамиков. Люди неистово хлопали в ладоши, от удовольствия стучали ногами, кто-то даже свистел. Не в силах унять любопытство, ребята высунулись в проход.

Ну как тут удержаться, чтобы хоть одним глазком не взглянуть на загадочное и красочное действо? Особенно после того, как все трое убедились, что по сторонам все равно никто не смотрит – зрители были всецело увлечены представлением. А подивиться было на что...

По кругу манежа с цоканьем и шипением паровых стержней неслась здоровенная механическая лошадь, собранная из сверкающего металла и белоснежных матовых пластин винипласта. Глазницы животного горели ультрамариновыми диодами, из ноздрей вырывались декоративные язычки пламени, густая черная грива развевалась. В седле, почти как на плакате, стояли Эрнест и Мария в серебристых костюмах. Только на этот раз мужчина изогнулся на одной ноге, вторую вытянув назад, а его партнерша совершала стойку на руках,

упираясь в поясницу мужа. Публика, как дети уже успели заметить, представление с гимнастикой и вольтижировкой встречала овациями.

Вот лошадь замерла, позволив наездникам ловко спрыгнуть, торжественно поднялась на дыбы и застыла, завершая номер. Артисты поклонились, забрали механическое чудо под уздцы и направились прямоком к проходу, где притаились наши безбилетники. Те едва успели нырнуть обратно под трибуны, когда мимо пролязгали копыта. Голос Эрнеста, задышавшегося от усталости и азарта, затих в недрах шатра.

Убедившись, что опасность миновала, троица снова не сдержала любопытства, выглядывая на манеж. Во-первых, рассудили они, в зале все равно погасили свет, так что их стало невозможно заметить. А во-вторых, потому что под гулкую барабанную дробь голос невидимого ведущего с пафосом объявил заключительный номер программы («гвоздь программы», если в точности повторить его слова) – несравненного имаджировщика Мистициона!

В полной тьме сверху выстрелил единственный луч, высветив мужчину с афиши, невесть как успевшего попасть в самый центр манежа. Да еще и не в одиночестве, а в окружении сразу трех производительных планшетов, установленных на специальные треноги. Мистицион был укутан в длинный черный плащ и носил широкополую шляпу. Сейчас он прикрывался рукой и наброшенной на предплечье полой так, что видны оставались лишь сверкающие глаза.

Внимательно осмотрев зрителей сквозь эту узкую «бойницу» меж плащом и полем шляпы, имаджировщик театрально откинул края одежды, позволяя изучить свое бледное морщинистое лицо.

Голос, вероятнее всего, усиленный микрофонами, полетел по залу.

– Друзья! Дорогие спасгородцы! – заговорил он, медленно поворачиваясь на каблуках и внимательно всматриваясь в темноту, укрывавшую публику. – Сейчас вы увидите уникальное зрелище, еще никого не оставившее равнодушным! Имейте в виду – оно волнует! Оно потрясает! Поэтому, если в зале есть маленькие дети или люди с заболеваниями сердца, прошу покинуть трибуны или не жаловаться после...

Он отработанным движением сбросил плащ на желтый искусственный песок манежа, оставшись в черном фраке, под которым сверкала белая сорочка с угольным галстуком-бантом. Наши герои, наблюдавшие за таинством из своего пыльного укрытия, забыли обо всем на свете, пораженные и заинтригованные так, что разучились дышать. Весь зал, словно один огромный организм, замер, стихли даже шепотки.

– Если таковых здесь нет, – усмехнувшись в усы, громогласно продолжал Мистицион, – я начинаю!

Барабанная дробь сменилась ласковыми напевами флейты и скрипки, в которые гармонично вплелся тревожный гул духовых инструментов. Музыка определенно разогревала атмосферу, накалявшуюся медленно и неотвратно. Что-то приближалось, что-то пока невидимое, но созревающее высоко под куполом, где раскачивались нитки канатов и трапеции воздушных эквилибристов.

А затем над головой Мистициона вспыхнул огромный силуэт, и нечто невообразимо-величественное сделало круг под крышей, медленно снижаясь. На первый взгляд это напоминало рыбу, но было толстым, массивным и неповоротливым, с длинными узкими плавниками, горбом на спине, тупой широкой мордой и широченным вертикальным хвостом.

Чудище, занимавшее четверть пространства над манежем, казалось таким реальным, таким осязаемым, что дети почувствовали легкое колебание ветра, рождаемого взмахами плавников. Существо издало трубный рев, раскатившийся по скамьям и заставивший зрителей вздрогнуть. Затем описало еще один круг, поглядывая на людей огромным выпуклым глазом, и неожиданно растворилось в воздухе.

– Всесильные Лифты... – выдохнул Димка, расцепляя сжатые до белизны пальцы. – Я думал, в обморок грохнусь, до того жутко...

– Вовсе и не жутко, – тут же парировал Витька.

Однако по его лицу было заметно – бороться с подступающими кошмарами мальчику помогает именно его рационализм, попытка привести все к логичным и доступным объяснениям.

– Я читал про имаджировщиков. Все дело в технике – по всему цирку расставлены специальные амбипроекторы, как у Великосветского Гранда. Мистицион управляет ими с пульта. Он же отвечает за звук и вентиляторы, спрятанные для усиления эффекта...

– Это потрясно, – прошептала Настя, демонстративно игнорируя умничанье брата. – Это самое прекрасное, что я видела в жизни...

На сцене тем временем появилось новое существо, призванное из темноты волшебством главного имаджировщика. Оно было почти таким же крупным, как плавающий предшественник, но перемещалось на четырех массивных ногах, словно лошадь или корова. Голову животного венчали огромные круглые уши, а вместо носа оно имело длинный шланг, которым умудрялось даже почесывать макушку.

Зал снова ахнул, зашептался, в темноте заерзали.

Существо прошло по манежу, и стало видно, каким крохотным кажется рядом с его тушей Мистицион. Когда массивные круглые копыта опускались на песок, специальные динамики выдавали басовую ноту такой мощности, что скамьи сотрясались. Чудилось, что по арене вправду идет нечто неподъемное. Позволив великану сделать полный круг, чародей заставил его образ истончиться под светом угасающего прожектора.

Затем в центре песчаного диска по очереди появились два животных – крупная пятнистая лошадь, которой кто-то вытянул шею так сильно, что она стала длиннее крупа. Вторым пожаловала невероятных размеров (в несколько раз больше шлангоноса, как прозвал его Димка) зверюга на четырех колоннах ног: с нереально длинным хвостом, кое-как изогнувшимся вдоль манежного борта, и столь же длинной шеей, плавно сужавшейся к крохотной головке.

Этот великан по арене ходить не стал – ему не хватало места. Он лишь нагнулся, приближая морду к верхним рядам трибун (заверещавшим от неожиданности), и шумно выдохнул на людей. Скрытые вентиляторы умело создали нужный эффект, а легкий запах тины, якобы вылетевший из ноздрей существа, и вовсе заставил публику поверить, что перед ней живое чудище, состоящее из плоти и крови.

Музыка уже грохотала в полную мощь, усиливая царящее напряжение и подогревая максимально распаленного зрителя. И тогда Мистицион выложил последнюю карту, от чего по залу прокатился дикий крик сотенной толпы.

Из-под темных сводов, подсвеченная сразу пятью прожекторами, на спасгородцев спикировала Птица – крупная, с размахом крыльев почти в десяток шагов, длинным хвостом и хищным крючковатым клювом, который беспрерывно и звонко клацал. Пронзительно клекоча, она сделала под потолком стремительный вираж, ударив по сидящим людям потоком воздуха и едва не коснувшись их когтистыми лапами. После чего взмыла и снова спикировала, но лишь для того, чтобы удариться в песок у ног имаджировщика и растаять без следа.

Близнецы прикусили языки и изо всех сил зажали рты ладонями. Если бы не необходимость оставаться в укрытии, они бы верещали и блажили так же, как три сотни зрителей над их головами. Где-то заплакал ребенок – для жителей города (я упоминал об этом ранее) не было существа ужаснее Птицы, болезнетворным проклятием которой пугали и взрослых, и детей. Страх этот сидел очень глубоко, он поселился в крови поколений, в подкорке головного мозга, пронзая всю жизнь спасгородцев. Только теперь стало понятно, почему имаджировщик предостерегал аудиторию перед началом представления. И, как оказалось, он вовсе не преувеличивал...

Под сводами шапито медленно включался свет, озаряя бледные лица. Охающие, держащиеся за грудь и натужно смеющиеся над собственной реакцией, посетители громко шептались, наперебой обсуждая увиденное. Мистицион с довольной улыбкой стоял за

своими пультами, ожидая оценки. Когда возбужденный шепот наконец стих, повелитель объемных проекций величественно поклонился на четыре стороны. Зал, вскочивший с мест, тут же ответил громогласными аплодисментами, криками «браво» и восторженным свистом.

Наверное, именно этот шум, со всех сторон окруживший наших героев, и не позволил им вовремя сориентироваться, почувствовать движение за спиной. А затем Витьку вдруг больно ухватили за ухо и потянули в проход.

– Попались, безбилетники! – звонко (даже приглушенный овациями) и победно прозвучал над ними женский голос, и вторая рука вцепилась в ухо Димки.

Тот, несмотря на дикую боль, умудрился выкрутиться, но запнулся о трубчатую опору трибун и упал на спину, испуганно вскрикнув. Его брат вывернуться не смог – заойкав, мальчик приподнялся на цыпочках, чтобы ослабить боль в ухе – схватившая его девушка тянула вверх, не давая опомниться.

– А ну, стоять! – рявкнула она, когда Дима начал отползать в глубь конструкции, а Настя спряталась за самой широкой колонной. – Или бросаете пленного дружка? Смотрите, тогда ему точно не поздоровится, я предупредила!

Брат с сестрой переглянулись. Витька, морщась и поскуливая, все еще висел в руке у Ленуськи – да-да, к безбилетникам подкралась именно помощница клоуна Степы, продававшая билеты. Шум и хлопки публики стихали – по всему выходило, Мистицион покинул манеж, а посетители живой цепочкой тянулись из шатра.

– Попались, хулиганье! – горячася пуще необходимого, злорадствовала кассирша. – А ну, подь сюды! Посмотрели представление? Придется расплатиться!

– Но мы только самый конец... – попыталась оправдаться Настя, но помощница клоуна явно не была настроена на переговоры.

– Марш за мной! И не вздумайте бежать, мигом дружку вашему ухо откручу! – предупредила она, потащив Виктора по служебному проходу между трибун. – Ишь, выискались, любители бесплатных удовольствий...

Ребята послушно поплелись следом.

Они все еще не пришли в себя после шокирующего представления Мистициона, были напуганы, захвачены врасплох, дезориентированы и вообще соображали с трудом. Брата, конечно, было необходимо спасать, но ни один из них даже предположить не мог, как выбираться из такой щекотливой ситуации. К тому же здраво мыслить мешал стыд – Ленуська была права, они пробрались на представление без билетов, словно обычные хулиганы...

– Тетенька, отпустите! – взмолился Витька, красное ухо которого оставалось крепко зажато пальцами билетерши. – Куда вы меня тащите?!

– К родителям, конечно! Пусть платят штраф, – самодовольно сообщила девушка.

Они миновали плотный пыльный занавес, отделявший проход от той части шашито, куда вход гостям был запрещен. Ведя детей мимо гор реквизита, механических скакунов и костюмерных шкафов, девушка направлялась к выходу.

– Ну, признавайтесь, где искать ваших родителей? – грозно спросила она, заглядывая в лицо Виктору.

– Нету их... – пискнул тот. И поспешно добавил, заметив, как удивленно отшатнулась помощница клоуна: – На поляне этой, я хотел сказать... Мы тут одни.

– Одни? Со школьным учителем, значит? – не сдавалась Ленуська, все еще не понимая.

– Вообще-то нет, – скривился пленник от новой волны стыда и боли.

Но закончить фразу ему не дал брат.

– Да, конечно, с учителем! – выпалил тот, позволив циркачке облегченно вздохнуть.

Настя же, напротив, покосилась на Димку с полнейшим непониманием.

– Мы просто сбежали, так в цирк хотелось, – продолжал лихо сочинять Дмитрий. – В программе мероприятий его не было, ну и вот...

Теперь хитрость разгадали и Витя, и Настя. Если бы Ленуська узнала, что дети на поляне одни, проблемы посыпались бы на их головы, как снегопад со специализированных

полян. А так кассирша была уверена, что перед ней хоть и хулиганы, но все же с воспитателями, бродящими где-то неподалеку. Во всяком случае, на руки Стражникам тройняшек она сдавать точно не собиралась, что выяснилось сразу.

– Ладно, пошли к старшему... – приподняв свободной рукой накладной клоунский нос, Ленуська почесала кончик настоящего и водрузила поролоновый шарик на место. – Пусть решает, как вас наказывать.

– Наказать? – едва слышно пролепетала Настя. – Что вы хотите с нами сделать?

– Я-то откуда знаю? – не спеша откидывать внешний полог, произнесла циркачка. – Пантелеич у нас лютый, чуть что – за плетку хватается! Может быть, полы заставит перемыть. А может, если вы ему совсем не понравитесь, лошадям скормит!

– Зачем вы нас пугаете? – изогнувшись в ее пальцах, выдавил Витька. – Лошади не едят людей... Особенно механические.

– Хм... – с интересом улыбнулась Ленуська. – А вы не такие дурачки, какими кажетесь... Ладно, пусть старшой разбирается. За мной! И не вздумайте сбежать, а то я сдам *этого*, – она сжала пальцы и красноречиво ухмыльнулась, – на руки Страже!

И девушка выставила их из шатра напрямиком на крохотную площадь поселка цирковых работников. Домишки его стояли полукругом и образовывали что-то вроде внутреннего двора, скрытого от посетителей Ярмарки.

– Садитесь! – приказала она, указав на лавку возле ближайшего дома.

Дети послушно подчинились (Витька бережно ощупывал опухающее ухо). А через считанные минуты начали появляться участники представления.

Первой была женщина, которой они на афишах не заметили. И одного взгляда на нее хватило, чтобы понять – с ней *не все в порядке*. Походка худой высокой особы отличалась угловатой, болезненной небрежностью, будто вместо коленок у нее были установлены ржавые шарниры. Лицо под белым гримом выглядело зловеще – подведенные черными тенями веки, ярко-красные губы, короткие темные волосы. Но главный непорядок поселился в ее бронзовых зрачках – там затаилось что-то диковатое, безумное, готовое выплеснуться агрессией. На поясе угрюмой циркачки на специальной перевязи висел настоящий арсенал метательных ножей. На левом боку виднелся небольшой ларец, окованный железными полосками. Не обратив на безбилетников никакого внимания и даже не поприветствовав Ленуську, метательница ножей направилась в дальний конец поселка, торопливо исчезая в одном из домиков.

За ней показались Эрнест и его напарница Мария, силач Георгий и гимнастка Жужу. Весело переговариваясь, они обменялись с девушкой-кассиршей несколькими фразами, из которых пленники поняли, что представление прошло весьма успешно. А затем артисты встали в рядок напротив безбилетников, внимательно рассматривая помятых чумазных путешественников и выслушивая комментарии Ленуськи, хваставшей поимкой хулиганов.

Последним вышел Мистицион, однако сценического великолепия в нем теперь не наблюдалось. Плащ тряпкой висел на сгибе локтя, широкополая шляпа была сдвинута на затылок. Стирая грим платком, он приблизился и внимательно выслушал отчет помощницы клоуна.

– Вот, Валерий Пантелеевич, – закончила та свой рассказ. – Теперь решайте, как будем наказывать.

Мистицион, которого, как выяснилось, звали Валерием Пантелеевичем, молча изучал троицу, продолжая стирать с лица остатки белил. Снаружи, под лучами Светоча, «старший» казался вовсе не таинственным чародеем, а обычным мужчиной преклонных лет, к тому же довольно уставшим.

– Ну что же, – наконец заговорил он, хмуря брови. – Может быть, скормим лошадкам?

Ленуська, стоявшая за его плечом, неожиданно рассмеялась, и улыбки появились на лицах всей труппы. Валерий Пантелеевич недоверчиво покосился на нее, и девушка замотала головой.

– Не запугать, значит? – деловито осведомился имаджировщик. – А по виду и не

скажешь, что смышленные...

– Пусть песок на манеже ровняют перед следующим выступлением, – все еще улыбаясь, предложил Эрнест. – Или крышу на нашем доме докрасят, у нас с Марией никак руки не доходят...

– Да-да, – охотно вмешалась его жена. – Или Звездочку смажут, заднее колено заедать стало!

Остальные молчали, с любопытством разглядывая детей.

– Вообще-то мы тут вовсе не для решения ваших бытовых проблем, – пробурчал Димка, своей смелостью удивив не только циркачей, но и брата с сестрой. – Мы тут по важному делу.

– Вот как? – дернув себя за кончик уса, уточнил главный циркач. – Какие серьезные молодые люди. Это интересно...

Силач Георгий поднес ему кресло (видимо, так было принято, потому что он сделал это молча, не дожидаясь просьбы), и имаджировщик грузно уселся напротив скамьи с безбилетниками. Он спрятал грязный платок в карман жилета и небрежно бросил плащ на подлокотник.

– И что же это, позвольте поинтересоваться, за дело?

Пыл мальчика уже угас, и Димка неуверенно посмотрел на остальных членов крохотного отряда. Витя, все еще держась за ухо, медленно поднялся с лавки.

– Уважаемый Мистицион... то есть Валерий Пантелеевич, – с опаской поглядывая на Ленуську, сказал он. – Вам знаком человек по имени Александр Дрейфус?

Над компактным поселением циркачей вдруг будто стемнело, словно шапито и прилежавшие постройки накрыло огромным непроницаемым куполом. Улыбки смыло с лиц артистов, как яркий грим смывает специальная жидкость. Даже звуки шумной Летней Ярмарки потускнели, отдалившись и притихнув. Не сговариваясь, вся труппа с опаской покосилась на дальний домик, где после представления скрылась метательница ножей.

Глава восьмая, в которой метают кинжалы и устраивают панику, а кое-кто открывает тайну циркового силача

Валерий Пантелеевич прищурился, снова дернув себя за ус.

Встал, решительно отодвигая кресло, и бросил шляпу поверх плаща. Затем поманил ребят уверенным движением человека, привыкшего отдавать приказы, заставив Диму и Настю подняться со скамьи.

– А ну-ка, малышня, пойдемте отсюда... – имаджировщик развернулся на каблуках, возвращаясь к шатру.

Дети замешкались, но Ленуська сделала к ним единственный шаг, хрустнув пальцами, и они спешно ринулись за Мистиционом. Остальные артисты потянулись следом, все еще косясь на домик странной женщины с ножами на поясе.

Тем же путем, каким помощница клоуна выводила безбилетников, все вместе вернулись на манеж. Без публики, с погашенной наполовину иллюминацией и выключенной музыкой, цирк казался пустым, заброшенным и унылым. Полотняная крыша тяжело и размеренно колыхалась.

По верхним рядам трибун неторопливо бродил клоун Степка, собирая оставленный посетителями мусор в большой непрозрачный пакет. Заметив на манеже необычную процессию, он отложил мешок, стянул резиновые перчатки и присоединился к коллегам, с молчаливой заинтересованностью рассматривая юных незнакомцев.

Валерий Пантелеевич уселся на борт арены, и его примеру последовала вся немногочисленная труппа. Наши герои остались стоять перед взрослыми, словно сами стали цирковыми артистами, а те – предвзятыми искушенными зрителями.

Актеры выглядели странно посерьезневшими, напряженными и словно ждущими

неприятностей. Так человек, точно знающий, что получит дурные новости, готовится наконец их выслушать. Имаджировщик оглянулся на вход в служебные помещения шапито и спросил:

– Откуда вам известно это имя, ребятки?

Спросил обыденным тоном, постаравшись придать голосу ласковые нотки. Но предчувствие, поселившееся в детях, было уже не обмануть – они понимающе переглянулись, а Витька потер переносицу.

– Мы ищем его, чтобы спасти Лифты! – ответил он, решительно поднимая голову и смело глядя на артистов.

– Вот как? – брови Валерия Пантелеевича изогнулись, и на мгновение на лице мужчины проступил профессиональный образ загадочного повелителя иллюзий. – Стало быть, перед нами храбрецы, решившие спасти систему разумных Лифтов города от произвола и насилия?

– А если и так?! – встрял Димка. – Один раз мы его уже почти укололи, второй раз ошибки не допустим!

Циркачи обменялись молниеносными взглядами. Клоун Степан (сейчас он выглядел совсем не смешным, несмотря на забавно раскрашенное лицо) боязливо оглянулся, будто разговор могли подслушать. Эрнест тяжело вздохнул, его вздох эхом повторила Мария, а Георгий виновато насупился, изучая носки своих высоких шнурованных ботинок для выступлений.

– Вот теперь и не знаю, – демонстративно задумался имаджировщик, – вызвать Стражу или выслушать эту любопытную историю... Что скажете, детки?

– Не нужно Стражу... – теперь наступила очередь Виктора виновато изучать песок под ногами.

Убедившись в молчаливом согласии Димы и Насти, он вкратце поведал, как судьба столкнула их троицу с Мглистым Механиком, когда-то известным под именем Александра Дрейфуса. Рассказал про пытки Лифта, про сражение на Радиаторе, про падение в охлаждающую жидкость и неожиданное возвращение Собирателя Процессоров, взявшегося за старое...

Во время рассказа на манеже царила тишина, история мальчика слушалась внимательно и без комментариев. Когда тот закончил, хмурые лица артистов стали по-настоящему грустными.

– И вы не обманываете нас? – осторожно поинтересовался Валерий Пантелеевич.

– Нет, честное слово! – вспыхнул Димка. – Все это – чистая правда!

– Зачем нам такое придумывать? – поддержала его сестра.

– Верно, Валера, – наездник повернулся к директору цирка. – Такое не выдумаешь...

– Совершенно верно, – как обычно, повторила за мужем Мария. – Для выдумки это уж слишком...

– Выходит, правда...

Имаджировщик задумчиво вынул из жилетного кармашка портсигар, извлек оттуда папиросу и зажигалку. Прикурил, стараясь пускать дымные кольца подальше от детей.

– Ну что ж. В таком случае, пожалуй, я тоже должен вам кое-что рассказать... – кивнул он сквозь белоснежные клубы, покосившись на неподвижный занавес. – Александр Дрейфус действительно работал в нашем цирке. И я не хочу знать, откуда вам стало об этом известно. Как не желаю слышать и о том, кто вы такие, ребяташки, и откуда пожаловали...

Он встал, хрустя поясницей, и оглянулся на труппу, словно в поисках поддержки. Жужу, сидевшая крайней слева с самым печальным лицом, уверенно кивнула. А вот клоун, посматривающий на чужаков угрюмо и неприветливо, отрицательно покачал головой.

– Не выносил бы ты сора из избы, Пантелеич. Зачем малышне правду знать? Взялись невесть откуда, пусть туда же и убираются...

– Угомонись, Степа, – тонкий палец Мистициона покачался из стороны в сторону, предостерегая от лишних эмоций. – Напрямую столкнувшись с одним из *наших* и узнав

частичку истины, они уже стали частью этого закрытого сообщества. Раз уж мы ничего не можем с этим поделать...

– Эх, – махнул рукой Степан, так и не согласившийся с решением старшего. – Твоя воля, тебе и решать...

А тот, пыхтя папирсой, медленно заговорил.

– Это было несколько лет назад. Еще до того, как в труппу был принят Георгий, – при этих словах силач вздрогнул, будто ответственность за события минувших дней лежала именно на его широких плечах. – Александр был талантливым артистом, одним из самых могучих спасгородцев, которых мне доводилось встречать. Его номера срывали овации, собирали полные залы, а женщины теряли головы от его точеной фигуры и небывалой силы. Но он никогда не смотрел на поклонниц – его сердце принадлежало только жене Маргарите, отвечавшей супругу столь же жаркой преданностью...

Валерий Пантелеевич прошелся по пустынному манежу туда-сюда, поглядывая то на детей, то на примолкших артистов. Было заметно, что эта история является для циркачей чем-то вроде семейной тайны, забыть которую невозможно, а вспоминать больно.

– Не сразу, но беззаветная любовь все же дала всходы... точнее, подарила Александру и Марго единственный цветок – прекрасного сына Родика, – насупившись, негромко продолжал руководитель цирка. – Чудесный был мальчуган, уже к четырем годам очарованный тайнами манежа, будущий продолжатель цирковой династии. Помню, что каждое без исключений представление Родик просиживал вон там.

Длинный холеный палец ткнул в темноту под трибунами, где совсем недавно прятались наши герои. Те вздрогнули, пораженные совпадением, а имаджировщик заговорил снова.

– Но когда мальчику исполнилось шесть лет, случилось *страшное* ... – он сделал паузу, борясь с подступавшими эмоциями. – Один из Лифтов поляны дал сбой... И когда двери открылись, кабины там не было. Родик заходил первым, и родители на какую-то долю секунды не уследили за ним – не успели поймать...

Теперь были потрясены и путешественники. Горе, обуревавшее Мглистого годы странствий по окраинам города, становилось понятным, реальным и обретало черты, словно проступая из густого дыма. Боль, с которой Механик не смог совладать, он взялся причинять другим. Причем, ломая технику, тот не просто наслаждался злостью – он мстил Лифтам, отнявшим самое дорогое...

От волнения Настя ухватила Димкину ладонь, сжимая до хруста в костяшках.

– Ни Александр, ни Марго так и не смогли оправиться после потери сына, – печально вздохнул Валерий Пантелеевич. – Но если она загнала боль утраты глубоко в себя, замкнувшись и отстранившись от всего мира, то он... ушел. Конечно, все мы не раз слышали истории про Мглистого Механика. Но я до сих пор не могу представить, что, даже обезумев, наш лучший артист начал причинять зло, а впоследствии – и вовсе работать на Смотрителей. Умом я принимаю этот факт, но душа моя отказывается верить...

Витька встрепенулся и собрался пылко доказывать, что Мглистый и силач Дрейфус на самом деле один и тот же человек (если Механика теперь вообще можно было так называть), но его опередил Эрнест:

– Говорят, отныне он выполняет личные приказы этих денежных мешков! Этих ожиревших негодяев, установивших свои царские троны на самой вершине! Иногда кажется, что весь город только и делает, что пашет, чтобы горстка узурпаторов могла сытно кушать и сладко спать!

Степан, Ленуська и Жужу вздрогнули, будто наездник уронил перед ними открытую банку с кислотой. Георгий успокаивающе положил руку на серебристое плечо акробата.

– Тише, друг, тише... – силач затравленно оглянулся на входы в шатер. – Не так громко, вдруг кто-то услышит?

– А что они нам сделают? – вдруг вмешалась Мария, вскакивая с бортика и сцепляя руки на груди. – Мы имеем право говорить правду – о зажавшихся Смотрителях, продажных Стражниках и нашем Дрейфусе, от горя ставшим их цепным слугой!

– Спокойнее, Мария, – теперь попросил сам имаджировщик, и супруги в серебристых комбинезонах обиженно поджали губы. – Правду говорить можем, это факт. Но не факт, и об этом я предупреждал сто раз, что после этого не отправимся давать представления на Свалку. Или куда похуже...

– Ага, мы были на Свалке, – вдруг брякнул Димка, забывшись и с интересом наблюдая за беседой циркачей. – Отвратительное место...

И тут же сжался в комок, мечтая стать невидимкой – с таким вниманием посмотрела на мальчика вся труппа. Настя стиснула его ладонь еще сильнее, а Витька пихнул в спину, больно угодив костяшкой пальца под ребро.

– Вот так детишки! – усмехнулся имаджировщик. – Сюрприз на сюрпризе. Неясно только, что вы теперь со всей этой историей делать станете...

Но сейчас девочку, как выяснилось, интересовало несколько иное.

– И вы обо всем *этом* знали? Все эти годы, пока ваш коллега превращался в бессердечное чудовище? – она выступила вперед, махнув рукой на Витьку, попытавшегося остановить сестру. – Вы знали, что в городе гибнут Лифты? Знали, что к этому может быть причастен ваш бывший друг, и ничего не делали?! Хранили тайну, да?

– Спокойнее, – в выражении лица Валерия Пантелеевича промелькнуло что-то от сценического Мистициона – пугающее, властное. – В твоих словах есть доля истины, но не смей повышать голос... Мы – семья! – рукой с дымящейся папиросой он обвел труппу, замкнув круг на себе. – И нас не касается происходящее за пределами этого цирка: ни политика, ни экономические реформы. Даже неумное стремление Гильдии к власти над Спасгородом. Ни на что из перечисленного мы повлиять не способны, а значит – нечего и нервы трепать... Тебе ясно?

Он выразительно покосился на Эрнеста и Марию, приказывая им молчать.

– Уверен, – прошептал имаджировщик, – у вашей семьи тоже есть секреты. Не так ли? Почему же вы не спешите делиться ими со всем миром? Потому что нельзя подвергать опасности, а тем более предавать друзей и близких. Даже тех, кто ушел из отчего дома.

Настя замолчала, подавленная его убежденностью и напором, и отступила за братьев. Витя, чтобы как-то разрядить обстановку, снова подал голос.

– А что, уважаемый Валерий Пантелеевич, Мгли... то есть Дрейфус сделал со своим сердцем? – спросил он, не особенно надеясь на ответ.

Директор цирка посмотрел на него сверху вниз, сверкнув очами.

– Всесильные процессоры! – пыхнул дымом он. – Вы и об этом пронюхали! Мой совет, ребятки, – забудьте. Возвращайтесь домой, к своей привычной спокойной жизни, и навсегда выбросьте из головы все, что когда-то раскопали об Александре Дрейфусе и его горе...

– Но вы же понимаете, что мы не отступим... – не спросил, а припечатал Димка, упрямо наклоняя голову и посматривая на имаджировщика исподлобья.

– Ах, какие упорные! – всплеснул руками руководитель цирка, отставляя в воздухе дымный след.

– Милые, ну зачем вам это? – жалобно прошептала грустная Жужу.

– Пантелеич, может их Страже сдать? – запанибратски поинтересовался старый клоун. – От них одни хлопоты... Прикажи, пусть Жорик их за шкирку, и к урядникам?

– Что Александр Дрейфус сделал со своим сердцем? – упрямо переспросил Дима, пошире расставляя ноги, словно готовился к драке.

– Нет, ну право слово!

Степа, с виду превосходивший по возрасту самого директора, тяжело спрыгнул с бортика.

– Вы уговорите или мне самому?..

– Сядь, Степа, – приказ приковал клоуна к месту.

Кончики его губ раздраженно поползли вниз, от чего красочная маска, нарисованная на лице клоуна, жутко скривилась. Имаджировщик повернулся к упертой малышне, задумчиво покручивая кончик уса.

– Он отдал его супруге, – наконец нарушил молчание Мистицион, заставив детей облегченно вздохнуть. – В прямом смысле слова, – мужчина задумался, подбирая слова. – Поймите же, наконец – хранить эту тайну никогда не было нашей самоцелью. Но подчас ворошить прошлое опасней, чем хранить его на чердаке... И вот еще что – не советую вам даже приближаться к Марго! Как я уже сказал, после трагедии с Родиком она... немного не в себе, даже после лечебницы...

Ребята сгрудились поплотнее, обменявшись заговорщицкими взглядами. Информация, бесспорно, была ценнейшей, и сам факт ее получения уже казался маленькой победой.

Но на этом Валерий Пантелеевич потерял к беседе всякий интерес. Вынув из жилета старинный хронометр на цепочке, он нахмурился, что-то подсчитывая в уме.

– Так, друзья, – строго обратился он к труппе, – новое представление через час, а вы тут расселись! Ленуся, марш на кассу, я уверен, там уже очередь! Степа, Жора, помогите смазать лошадок! Жужу, ты...

– Уважаемый Валерий Пантелеевич...

– Что еще?! – гневно выпалил имаджировщик. Выдернул из пальцев Виктора рукав фрака, за который тот аккуратно тянул, подступив вплотную. – Вы еще здесь? Уходите, если не...

– Но как нам найти жену Александра? – спросил мальчик, не обращая внимания на строгий тон и недружелюбный прищур директора. – Как нам найти Марго?

Лицо Мистициона исказилось, словно он хотел сильно обругать или даже ударить назойливого мальчишку. Но вдруг шапитмейстер обернулся к выходу с арены и осекся – на скулах мужчины заиграли желваки, губы вытянулись в узкую полоску, спрятавшуюся под усами. В сердце Валерия Пантелеевича цирковым животным запрыгнул страх.

– Кто это тут меня разыскивает?

Над манежем разлетелся холодный безжизненный голос, с равным успехом способный принадлежать женщине или бездушному автомату.

Труппу сдуло с мягкого, обитого алым бархатом бортика так, словно кто-то включил воздушную пушку. Нацепив на лица самые нейтральные маски, демонстрирующие исключительную занятость, артисты торопливо разбрелись кто куда. И даже Степан, так и не закончивший собирать мусор на трибунах, исчез в подсобке, боязливо озираясь.

У входа в манеж стояла высокая угловатая женщина, которую дети видели во дворе после представления. В руках она держала безликий манекен человека, с пояса все так же свисали ножи и шкатулка.

Настя не сдержала изумленного вздоха. Жена Александра Дрейфуса, о которой им только что рассказал имаджировщик, все эти годы продолжала работать на той же арене! И сейчас была совсем рядом – как и разгадка чудовищной тайны Мглистого. Однако что-то подсказывало близнецам, что знакомство с Маргаритой не будет простым и приятным...

– Да пустяки, – натянуто улыбаясь, ответил Валерий Пантелеевич, всем телом поворачиваясь к женщине и закрывая собой чужаков. – Вот, экскурсия для будущих циркачей, так сказать...

– Но я слышала свое имя!

Голос Марго был холоден, как воздух на Радиаторе.

– Тебе почудилось, моя ненаглядная, – не унимался имаджировщик. – Хочешь потренироваться? Ты совсем себя не бережешь... Представление через час, пойдешь вздремни...

– Разберусь сама, – отрезала Маргарита.

Она с легкостью вытащила манекен на манеж, приставила к здоровенному фанерному щиту, всю площадь которого занимала круглая исцарапанная мишень. Потом пристегнула куклу специальными ремешками за руки и ноги, узким ошейником зафиксировала голову.

– Как пожелаешь, мой ограненный бриллиант...

Отвесив нелепый и неуместный комплимент, Валерий Пантелеевич по широкой дуге обошел циркачку, у самого выхода обернувшись к детям.

– Уходите, – одними губами, чтобы не расслышала метательница, попросил он, умоляюще складывая руки перед собой. В пальцах виднелся потухший окурок папиросы. – Пожалуйста, уходите...

И спешно скрылся за кулисами, где клоун и силач взялись нарочито громко смазывать механических скакунов, гремя демонтируемыми фрагментами. Марго, повернувшись к манекену спиной, принялась отмерять шаги. На десятом остановилась, одарив застывших у бортика чужаков цепким хищным взглядом.

– Значит, искали меня?

Она резко обернулась, рывком протягивая в сторону манекена левую руку.

Только через долю секунды до их слуха донесся глухой удар, а в паре сантиметров от плеча куклы в мишень вонзился нож. Как Марго выхватила его, как прицелилась и даже бросала, наши герои не заметили.

– Отвечайте! – еще один нож свистнул в жарком воздухе цирка, вонзаясь рядом с головой манекена.

– Да! – от неожиданности голос Витьки сорвался на фальцет. Он прокашлялся. – Да, уважаемая Марго, мы вас искали...

– Хм... – она отвлеклась, смерив троицу уничижительным взглядом безумных бронзовых глаз. – Ну и с какой же целью?!

– Видите ли... – прочистив горло, начал мальчик, не обращая внимания на шепот сестры (уходим, братик, она же сумасшедшая!). – Мы тут, чтобы разыскать одну вещь...

– Вот как? – Очередной нож пронзил отделявшие циркачку от мишени метры, со щелчком вонзаясь в дерево между ногами манекена. – И что же это? При чем здесь я?

Она попятилась, отсчитав еще пять шагов. Вынула нож, взвешивая блестящую сталь в ладони. Примерилась, но метать не спешила.

Настя затаила дыхание, вцепившись в рубашку Димки. Тот сжал кулаки, от волнения закусив губу. Витя вздохнул, проклиная себя за нерешительность, замешкался еще сильнее и переступил с ноги на ногу. Метательница, изучая мальчика презрительно и строго, замахнулась, по-прежнему не глядя на мишень.

– Что, язык проглотил?..

– Мы ищем сердце вашего супруга, – наконец сказал Виктор, и в этот самый момент Марго бросила клинок. – Сердце Александра Дрейфуса...

Нож, загудев, вонзился точно в лоб манекена, а лицо артистки исказила болезненная гримаса.

– Что ты сказал, недомерок?!

Она медленно повернулась к детям, опустив одну руку на ножны, а другую – на окованную металлом шкатулку.

– Мы знаем о вашей горе, поверьте, – торопливо забормотал мальчик, похолодев от страха, но заставив себя продолжить немислимим усилием воли. – Знаем про трагедию, это ужасно... *такое* не должно происходить ни с кем! Но ваш муж, Александр, перестал быть человеком... Он превратился в Мглистого Механика, он несет зло... Ваше горе не станет легче, если в Спасгороде продолжают погибать Лифты!

– Как. Ты. Смеешь?! – словно сплевывая ярко-красными губами гладкие речные камешки, прошептала Маргарита Дрейфус, покачнувшись на пятках.

Но Витю уже несло вперед, и он не расслышал угрозы.

– Пожалуйста, поговорите с нами! Позвольте рассказать! Мы не причиним ему вреда, лишь заставим прекратить... – от волнения мальчик начал задыхаться, а пальцы его так рьяно натирали переносицу, что там уже образовалась красная полоса. – Он стал совсем плохим, мы видели... наши друзья пострадали, уважаемая Марго... Пожалуйста, мы сделали такой путь...

Плечи циркачки внезапно опустились, словно из них выдернули специальный удерживающий штырь. Она вдруг улыбнулась, криво и гадко, брезгливо рассматривая заикающегося мальчишку, так жалко умолявшего ее отдать сердце мужа.

– Глупые ничтожные дети... – прошипели алые губы.

Ноги сделали еще пять шагов назад, пальцы обнажили новый кинжал.

– Просите отдать самое ценное, что осталось у меня после смерти сына?

Взмах, полет ножа.

Удар клинка в мишень был таким сильным, что та покачнулась. Однако с двадцати шагов меткость Марго начала давать сбой – лезвие вонзилось в щит, перед этим отбив от шеи манекена основательную щепу.

– Зачем мне тратить на вас время? – циркачка швырнула еще один нож, и тот оцарапал бедро куклы. – Может, вы способны вернуть мне сына? А может быть, мужа? Или вернете мою спокойную и светлую жизнь? Жизнь до того момента, пока один безответственный Лифт не обрушил мое счастье как карточный домик?

Третий кинжал вонзился в мишень, прочертив на локте манекена глубокую царапину.

– Этого мы сделать не сможем, – понимая, что безнадежно проигрывает жестокий спор, ответил ей Виктор. – Но нам необходимо защитить друзей и...

– Мне плевать на ваших друзей. Плевать на то, чего вы хотите. Мне нет дела до того, что творит там, за пределами цирка, – Марго мотнула головой, от чего короткие темные волосы описали полукруг, – существо, когда-то бывшее Александром... Толку от вас, малявки, не больше, чем от чучела, в которое я метая ножи. Уходите. Убирайтесь, пока я не решила потренироваться на вас!

И она сощурилась, словно примериваясь перед новым броском.

Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения и смелости юных странников. Взвизгнув, они устремились к выходу, воочию представив, как женщина со шкатулкой на поясе бросает им вслед сразу три кинжала...

Чуть не запутались в занавесе, сбили какую-то бочку, опрокинули пару коробок с реквизитом и стремглав выскочили из шапито, переполошив редкую очередь спасгородцев, собравшихся перед билетной тумбой Ленуськи. Девушка, в этот момент отсчитывавшая сдачу, тяжело вздохнула и лишь покачала головой.

Ребята побрели в шумном и праздничном людском потоке, не замечая ничего и никого вокруг. Мимо прошла смеющаяся семья – папа торопливо слизывал с вафельного стаканчика капли подтаявшего мороженого, мама шутливо ругалась, а две дочери преумножали эту радость, заливаясь тонким и искренним смехом. Прокатили трое мальчуганов на взятых напрокат велосипедах – на озорников ворчали в толпе, но беззлобно. Совсем маленький мальчик упустил воздушный шар, метнувшийся к потолку поляны, но проходивший мимо парень успел схватить его, с улыбкой возвращая малышу.

Но для наших героев всю эту веселую и полную жизни картину будто прикрыло полупрозрачным покрывалом серого цвета. Их миссия, их полный опасностей и приключений поход закончился полным провалом, и было совершенно непонятно, что делать дальше...

Они очнулись где-то на окраине Ярмарки, почти у самых периферийных магистралей. Встали, замороженно глядя на проносящиеся по периметру поляны самокаты и туристические вагончики. И тут на противоположной стороне многополосной трассы друзья заметили местного урядника, что-то активно обсуждавшего с двумя Стражниками. Те показывали защитнику порядка планшет, а он хмурил брови и потирал вспотевший под фуражкой лоб.

Дети застыли, а опасное в своей реалистичности предположение начало закрадываться в их сознание, холодя спины. Урядник замотал головой, пожимая плечами и лениво отдавая Стражникам честь. Внезапно те повернулись к пешеходному переходу – и ребята могли поклясться, что из-под непрозрачных забрал своих грозных шлемов Стража в этот миг посмотрела точнехонько на них.

Один вскинул руку, что-то крикнув уряднику. Второй метнулся прямо на красный свет, жестами призывая водителей самокатов остановиться и пропустить его. Не успев даже задуматься, что теперь следует делать, дети развернулись и ринулись обратно в центр

поляны. Толпа с недоумением расступилась, пропуская беглецов, а через мгновение над ней разлился пронзительный свисток урядника.

Люди шарахнулись в стороны, кто-то вскрикнул, заплакала девочка.

Стараясь не терять друг друга из виду, тройняшки неслись по проспектам Ярмарки, отчетливо слыша за спиной топот тяжелых военных ботинок. Чем быстрее они приближались к рынку и аттракционам, тем многочисленней становилось вокруг и тем больше препятствий вырастало на пути.

Мелькнула белая куртка еще одного урядника, рванувшего наперерез, и беглецы свернули, чуть не опрокинув лоток с памятными открытками. Раздался еще один свисток, что-то голосили Стражники. Кто-то ответственный и законопослушный попробовал схватить хулиганов, вынырнув из безликой толпы, но Димка поставил ему подножку – мужчина завалился на бок, своротив передвижную витрину с пирожками.

– Что делать?! – на бегу прокричал Витька, едва не врезавшись в детскую коляску.

Молодая мама, испуганно вытаращившись, не успела вскрикнуть, как нарушители спокойствия уже исчезли за газетным киоском.

– Они догоняют! – Настя рискнула обернуться.

И правда – сквозь скопления удивленных и обескураженных суматохой спасгородцев к ним неумолимо приближались двое Стражей. Высокие, рослые и крепкие, они бежали прямо по следам наших героев, и черная искусственная кожа их мундиров зловеще похрустывала.

Едва Витька успел просчитать варианты спасения, как Дима вдруг вскинул голову и во всю мощь своих мальчишеских легких завопил, перекрывая свист урядников, музыку из громкоговорителей и людской гул:

– Из «Зоопарка» мутанты сбежали! Спасайся кто может! Бактериологическая угроза!

Разобрав, что именно кричит брат, Витя чуть не споткнулся. Это, безусловно, был сильный козырь, разыгранный против преследователей. Но и наказание за его использование обещало стать крайне жестким...

Толпа не сразу поняла, о чем кричит странный чумазый мальчик, сломя голову удиравший от Стражников. Но затем по морю голов прокатилась волна ропота и шепотков. Люди разглядели запыхавшихся урядников, качнулись, нерешительно потекли в стороны – и вдруг забурили, рванули кто куда.

Весть о побеге из зверинца распространялась с небывалой скоростью – кругами расходясь от Димки, она охватывала все новые и новые сотни зевак и туристов. Встревоженные шепотки переросли в громогласные крики ужаса, заплакали дети, взрослые принялись надрывно звать своих убежавших на карусели чад. А затем цельная, тяжелая и неповоротливая масса посетителей Летней Ярмарки бросилась к Лифтам, даже не думая проверять, правду ли прокричал мальчик с синяком под глазом.

Смятение увлекло преследователей, как вода смывает прилипшие к раковине крошки хлеба. Людей в черных мундирах завертело, закружило, оттеснило прочь. Дети, пригнувшись, чтобы не получить локтями в лоб, юркими лодочками заскользили против течения, ловко огибая обезумевших от страха взрослых. Они бежали и бежали, лавируя в гуще тел, пока не оказались далеко от эпицентра паники. Здесь пока было тихо и спокойно, однако гуляющие спасгородцы уже начинали с интересом и тревогой прислушиваться к гулу, доносящемуся с другой стороны рынка. Урядники, сновавшие кругом, без усталости успокаивали народ. Музыка в динамиках на столбах сменилась официальными объявлениями администрации поляны.

– Соблюдайте спокойствие! Пожалуйста, прекратите панику! – надрывались громкоговорители. – Причин для волнения нет, тревога была ложной! Ради собственной безопасности и безопасности своих детей, оставайтесь на месте и постарайтесь успокоиться!

Затаившись за трансформаторной будкой, наши герои со страхом рассматривали бледные лица взрослых. Паники пока не было, но в этой части поляны малышей уже брали на руки, а детям постарше приказывали никуда не отлучаться. Но главное – Стражей в их хрустящих черных костюмах заметно не было, что позволяло перевести дух.

– Димка, ты это, конечно, здорово придумал. Но представь, если перепуганная толпа кого-то затопчет? – тихо произнес Витя.

– Прости, нам не оставили выбора... – обреченно выдохнул Дмитрий, устало опускаясь на пол и прислоняясь спиной к жестяной стенке.

– Это все хозяин «Зоопарка», – предположила Настя. – Это он пожаловался Страже, я уверена. И наши словесные портреты – его рук дело.

– Теперь-то какая разница? – Димка махнул рукой. – Это мог быть и не он. Не забыла, что Гильдия за нами с самого начала присматривала? Вдруг тут на поляне скрытые амбикамеры? Или Степан этот, тоже мне, клоун... Помните, что он про нас имаджировщику говорил?..

Причин для интереса Стражи и правда могло быть несколько. Но девочка все же стояла на своем.

– Тут оставаться нельзя, – распорядилась она, беря инициативу в свои руки. – За мной!

– Ты придумала место, где спрятаться? – с сомнением хмыкнул Витька, разминая натруженные бегом бедра.

– Еще нет! Но одно место сейчас точно безлюдно, и я хочу его навестить!

Сестра шустро потащила братьев прочь от будки, растворяясь в напряженной толпе, жадно ловящей каждое слово динамиков. Ориентироваться на Ярмарке они пока не умели, а потому беспокойно переглядывались, не совсем понимая, куда их тащит Настя. Лишь когда впереди засверкала неоновая вывеска «Зоопарк», они догадались о ее затее.

Эта часть поляны действительно пустовала, а на смену веселью пришло тоскливое и угнетающее зрелище – повсюду валялись брошенные комки сахарной ваты, бутылки с соком, блестели лужи пролитой сладкой воды, кто-то уронил кепку, а кто-то умудрился потерять ботинок. Лотки и прилавки казались покинутыми и забытыми. Даже хозяин и кассир бесчеловечного «Зоопарка» покинул свой пост, неведь как уверовав, что его пленники совершили побег.

Стеклянный куб с крысой оставался на прежнем месте, как и его обительница. Казалось, паника вообще не заинтересовала носатую пленницу – она все так же сидела в углу, обложившись одеялами, и смотрела в пустоту.

– Настя, сейчас люди начнут возвращаться! – прошипел Димка. – Хочешь рисковать нашими жизнями ради крысы?

– Я быстро, стойте тут!

И она, не дожидаясь ответа, припустила через пустырь, пригибаясь и оглядываясь по сторонам. Братья, переминаясь с ноги на ногу, остались дожидаться сестру возле палатки с аттракционами на меткость и силу.

Вот они заметили, как та благополучно добралась до аквариума, как с натугой разомкнула ржавые шпингалеты на стеклянной двери, как распахнула створку. Они не слышали, что девочка говорит крысе, но та заинтересованно подняла голову, поведя носом. Настя отступила от прозрачного куба на шаг и поманила пленницу. Крыса медленно, на четвереньках приблизилась к порогу, все еще нюхая воздух.

Вероятно, она уже очень давно сидела под замком, забыв ощущение свободы – потому что почти две бесценные и бесконечные минуты Настя убеждала ее выйти наружу, размахивая руками и что-то доказывая. Наконец узница выскользнула на поляну. Осмотрелась и, вместо того, чтобы поблагодарить спасительницу, бросилась прочь, низко пригибая голову.

Девочка, проводив беглянку счастливой улыбкой, вернулась к братьям. Первые люди – по большей части хозяева магазинчиков и лавок – возвращались в опустошенный паникой сегмент поляны.

– Уф... – выдохнула Настя, прячась рядом.

– Ну, теперь точно тревогу объявят, – скривился Витя. – Если хозяин вызовет урядников, у-у-у, что начнется... Пора бежать с Ярмарки.

– Не-а, – замотал головой его брат. – Не объявят. Толстяк – обычный трус. Он точно

знает, что его крыса опасности не представляет, иначе бы не решился ее держать. А если власти узнают, что от него сбежал пленник, гнусному заработку конец... Смотрите!

Перед «Зоопарком» как раз появился вернувшийся владелец. Утирая дрожащее потное лицо полотенцем, он с непониманием уставился на пустой аквариум, ошеломленно открыв рот. Для того чтобы начать действовать, мужчине хватило пары мгновений. Он лихорадочно осмотрелся, словно крыса могла спрятаться где-то под ближайшим прилавком. После чего захлопнул дверь и навалился на стенки кабины, спешно заталкивая ее внутрь аттракциона.

Через минуту он выскочил, повесил на дверь табличку «Закрыто на технический перерыв, приносим свои извинения!», выключил светящуюся вывеску и снова исчез внутри постройки. Видимо, проверял, не сбежал ли кто-то еще...

– Ну и что будем делать? – устало, словно истратила на спасение пленницы последние силы, спросила Настя. – Прятаться вечно мы не сможем, Стража наверняка вызвала подкрепление, мобилизованы все урядники. Теперь мы не обычные хулиганы, а официальные нарушители городского спокойствия...

– Нужно возвращаться домой, – твердо сказал Витька. – Прямо сейчас. Будем все отрицать, даже если они приведут для опознания этого толстого мучителя крыс... На ходу что-нибудь придумаем. Может быть, папе правду расскажем. И забудем о произошедшем, как о еще одном страшном сне. Станем гулять только по трое, на ночь запираем двери и окна. А еще...

– Нет.

Димка перебил брата так уверенно и напористо, что тот нахмурился. Мальчик расправил плечи, задумчиво глядя куда-то вдаль.

– Мы не можем проиграть, – сказал Дмитрий, и что-то в его лице переменялось (сейчас он очень напоминал Петра Петровича, когда тот сердился или намеревался стоять на своем до победы). – Мы не можем вернуться домой *вот так*...

– Но Витька прав, – вздохнула сестра. – Что ты предлагаешь? Украсть у Марго сердце? Уверена, оно скрыто в надежном месте, которое циркачка не оставляет без присмотра даже ночью.

– Шкатулка, – вдруг предположил Виктор, и глаза его загорелись. – Вот криогенный тайник, который охраняет змея! Видали, как она вцепилась в ларец на поясе, когда речь зашла о Мглистом?

– Возможно. Вполне возможно... – задумчиво прищуриваясь и по-прежнему глядя поверх торговых рядов, ответил Димка. – План я пока не придумал, так что будем импровизировать. Но я точно знаю, что нужно вернуться в цирк и добиться разговора с Маргаритой Дрейфус. Ее можно убедить помочь нам. Но для этого нужно сначала заставить нас выслушать. Если вы не со мной, я не обижусь, честное слово...

Витя и Настя переглянулись: девочка многозначительно закатила глаза, мальчик пожал плечами.

– Веди, раз решил... Только без беготни, ладно?

Окольными тропами, стараясь держаться за продуктовыми лавками и передвижными сувенирными магазинчиками, дети начали повторное путешествие к гигантскому шатру с флажками на крыше, возвышавшемуся над остальными постройками поляны. На людные проспекты они старались не выходить. Но и трусливыми жуликами тоже не выглядели – при случайной встрече с ними, спокойно бредущими позади павильонов, можно было предположить, что школьники немного заплутали, но точно знают, куда направляются.

Поляна постепенно возвращалась к привычному образу жизни: музыканты поднимались на сцены, подбирая брошенные инструменты; повара спешили снять с плиток подгоравшие деликатесы; художники с сожалением прятали незаконченные портреты, выискивая в толпе новых клиентов. И только повышенное число урядников, чьи белые куртки мелькали то здесь, то там, выдавало беспокойство, недавно перенесенное одним из кварталов Ярмарки.

Прячась за рекламным щитом парикмахерской, Витя, Настя и Дима проскользнули к

матерчатой стене цирка. Здесь, укрытые от оживленных улиц плотным строем будок по продаже сиропа, ваты и дорожущих жареных семечек, они двинулись вдоль шапито, пытаясь отыскать проделанный ранее лаз.

Внутри гроыхала музыка – там вовсю шло очередное представление, участники которого наверняка уже успели забыть о странных детях, задававших еще более странные вопросы...

– Вот дыра! – Настя первой заметила разрез на стыке полос желтой и красной ткани.

– Ты уверен, что нам нужно возвращаться? – тихонечко спросил Виктор, наблюдая, как брат раздвигает усыпанные нитками края, чтобы сунуться внутрь.

– Я ж сказал, не хочешь – иди домой! – огрызнулся Димка, но без злости, скорее устало и бессильно.

– Да не заводись ты, – миролюбиво попросил Витька. – Я же хочу понять, что ты задумал...

– Да, братик. – Настя, судя по виду, тоже не спешила возвращаться под пыльный амфитеатр. – Не поделишься?

– Нет, – на этот раз гораздо резче произнес тот. Хмуро покосился на остальных, упрямо сжал губы и исчез в прорехе.

– Вот в кого он такой? – совершенно по-маминому поинтересовалась девочка, ныряя следом.

Залезший последним Виктор едва удержался, чтобы не чихнуть. Он зажал нос пальцами и медленно вдохнул ртом. Щурясь от урагана пылинок, пляшущих в вертикальных полосках яркого света, мальчик разглядел брата и сестру. На этот раз наблюдательный пост выбрали другой – теперь заботинцы смотрели на манеж сквозь широкую горизонтальную щель из-под ступеней трибуны. Над головами все так же смеялись и хлопали, дети просили конфет, а взрослые нетерпеливо шоркали ногами.

Играла ритмичная жизнерадостная композиция, сама по себе вызывавшая улыбки. На манеже находились не Эрнест и Мария, а «весельчак» Степка, развлекающий публику нелепыми выходками. Вот он взобрался на сложнейшую конструкцию, составленную из обрезков трубы, сломанного табурета, надувного мяча и двух досок. Зал замер, когда клоун опасно забалансировал на шаткой пирамиде, а затем охнул – Степан полетел вниз. Клоун упал, мягко кувыркнувшись по песку, и неведь как поймал отлетевший от развалин конструкции мяч. Тот будто специально отскочил циркачу в руки, и мужичок прытко его оседлал. Артист поскакал по манежу, пуская длиннющие струи слез (они, конечно же, вылетали из специальных шлангчиков, спрятанных под кепкой). Затем вдруг подпрыгнул, одним движением встав на надувной шар, и почти минуту ловко и смешно удерживал равновесие, грозя вот-вот грохнуться оземь.

Трибуны смеялись и рукоплескали, а Степан спрыгнул на манеж, метким отретпированным пинком отправил мяч за кулисы и поочередно поклонился во все стороны, забавно хихикая и жонглируя обломками табурета. Именно так – подбрасывая и ловя детали, он скрылся за занавесом, напоследок прокричав что-то вроде «До новых встреч, друзья!».

Музыка сменилась, из радостно-дурашливой превратившись в таинственную и протяжную. Димка затаил дыхание, прикинув к наблюдательной щели так рьяно, что оттолкнул сестру. Но тут же облегченно выдохнул, заметив, что Эрнест и Георгий торопливо монтируют на затемненном манеже три фанерных щита с мишенями и расставляют человекоподобных манекенов.

– Димочка-а-а? – тихонечко, чтобы не расслышали сидящие над ними зрители, протянула Настя. – Может, все-таки расскажешь, что задумал, а?

– Да тихо ты... – отмахнулся тот.

Девочка посмотрела на Витьку в поисках поддержки, но тот пожал плечами – мне-то, дескать, откуда известно? На арену тем временем вышла Марго, все еще укрытая тенью. Голос ведущего из динамиков торжественно объявил:

– Несравненная Марго! Повелительница холодной стали, самая меткая и твердая рука во всем Спасгороде! Встречайте – Марго, женщина-клинок!

В этот момент на циркачку из-под потолка обрушился луч прожектора, и она плавно раскинула руки, приветствуя зал с небрежной ленцой. Тот, впрочем, на высокомерие не обиделся, аплодируя самозабвенно и шумно.

Димка что-то прошептал себе под нос, совсем уж неразборчиво и тихо. Глаза его горели болезненным огнем, лицо побледнело. Казалось, он готов сорваться с места, но что-то пока удерживает его, заставляя беспокойно кусать губы и семенить ногами.

Начав выступление, Марго с десятка шагов бросила в мишень (ровнехонько в центральное пятно) несколько увесистых дротиков – коротких копий с длинными железными наконечниками. Один ровно из-за плеча. Второй с разворота. Еще один – через себя, изогнувшись и встав на «мостик»; а последние с двух рук одновременно. Публика встретила меткость циркачки оживленными шепотками и одобрительным свистом – многие из зрителей бывали в цирке и ранее, но поражаться умениям труппы Мистициона им еще не наскучило.

– А теперь вы увидите коронный номер несравненной Марго! – сквозь музыку продолжал комментировать ведущий (судя по голосу, сам Валерий Пантелеевич). – Ходят слухи, что в цирках древности метатели работали с живыми людьми, что делало номер предельно рискованным, а иногда даже кровавым! Друзья, спасгородцы, представьте, что на месте куклы – живой человек, кто-то из ваших близких! Или даже вы сами! Представьте это и изумитесь, до какой ювелирной точности отработала Марго свое опасное и нелегкое ремесло!

Та, как и предполагалось сценарием, повернулась к мишени, на которой был зафиксирован манекен. Зажегся еще один прожектор, накрывая щит и пластиковую «жертву» кругом желтого света. Затем Марго отрепетированным движением откинула полы тонкого приталенного пальто, позволив рассмотреть пару десятков кинжалов на бедрах.

Димкины плечи налились свинцом, а ноздри шумно втянули пыльный воздух – он впился глазами в шкатулку, по-прежнему висящую на боку метательницы ножей. Мальчик обернулся, глядя на брата и сестру с диковатой улыбкой, а затем вдруг оттолкнул обоих, стремительно выныривая из-под трибуны напрямик на манеж и скидывая руку.

– Стойте! – его звонкий голос взметнулся над ареной, окатив ряды охнувших зрителей.

Маргарита, успевшая обнажить первый кинжал, злобно прищурилась, медленно поворачиваясь в сторону выскочки.

Глава девятая, заключительная, в которой желтый песок арены становится красным, а кое-кто познает суть отщизения

По публике прокатилась волна восторженно-колеблющегося «О-о-о-х!», а затем в шапиту наступила полная тишина – от неожиданности Валерий Пантелеевич даже выключил торжественную музыку. Посетители цирка, всецело уверенные, что появление мальчика тоже является частью шоу-программы, с замиранием сердца следили за разворачивавшимися в центре шатра событиями.

– Стойте, Марго! – повторил Димка в гулкой тишине, и его голос отразился от тугой парусины стен.

Те, кто смотрел представление не раз, были готовы пищать от восторга – в программу внесли изменения, что стало необычайно приятным сюрпризом. По рядам лавок пробежал жаркий шепот, люди готовились стать свидетелями чего-то нового и волнующего. Витя и Настя, совершенно не успев среагировать на выходку брата, устремились следом – они выскочили из-под трибуны, двумя сжавшимися комочками замерли за спиной Дмитрия, взбравшегося на барьер манежа.

– Чего ты хочешь, мальчишка? – раздраженно поинтересовалась метательница ножей,

кривя губу. – Я же приказала убираться вон!

Зал неодобрительно хмыкнул, поражаясь небрежности сценаристов, позволивших использование таких обидных и экспрессивных слов. На другой стороне манежа показались Ленуська и Степка. Помощница клоуна отчаянно грозила детям кулаком, а мужчина, уже не казавшийся ни смешным, ни ловким, наблюдал за беседой с плохо скрываемым страхом.

– Хочу задать вопрос! – не обращая внимания на надменный тон женщины, ответил мальчик.

Витька только сейчас поразился изяществу его плана. Поразился и, как обычно, взгрустнул, неосознанно сетуя, что такая хорошая мысль не пришла в голову ему самому... Ну конечно, что же может быть проще, чем разоблачить коварную циркачку перед тремя-четырьмя сотнями спасгородцев?! Это не иголку в матрасе прятать! «Сарафанным радио» весть разлетится по полянам со скоростью света. После представления Маргариту либо заставят положить конец бесчинствам мужа, либо она будет вынуждена пойти на это сама.

Однако совсем скоро выяснилось, что Виктор не совсем верно понял замысел брата...

– Метать ножи в манекен может любой! – Димка выстреливал слова уверенно и отважно, но его волнение красноречиво выдавал подрагивающий голос и нервно сжатые кулаки. – А слабо кинуть мимо живого человека? Или вы не такая уж «несравненная»?

И он вымученно улыбнулся, будто кто-то растянул его рот невидимыми пальцами. Зрители зашумели пуще прежнего, некоторые даже вскочили с мест, чтобы получше рассмотреть смелого мальчика. Часть публики полностью одобряла новый номер. Но часть роптала, риторически вопрошая, куда же смотрят надзорные органы, и готовилась уводить с программы собственных детей.

– Разницы никакой, маленький наглец, – лениво подкидывая на ладони сверкающий кинжал, парировала Марго. – Но зачем мне это? Свое мастерство я способна продемонстрировать и так.

– А если я предположу, что вы испугаетесь выступить в номере с живым человеком? – не унимался Димка, и брат с сестрой с ужасающей ясностью поняли, куда клонит смельчак.

– Я? – фыркнула циркачка, но все же невольно оглянулась на ропшущие трибуны. – Вот еще! Разумеется, не испугаюсь!

– Так докажите, блистательная Марго! – мальчик решительно спрыгнул внутрь манежа (но брат заметил, как плохо слушаются Димку потяжелевшие от страха ноги). – Предлагаю сделку! Вы поговорите с нами, честно и откровенно. Выслушаете правду, какой бы тяжелой она ни была. И мы вместе придумаем, как помочь Лифтам, не навредив Александру. Если согласны – я встану на место куклы!

Его палец ткнул через арену, целясь в манекен у мишени.

– Или пусть зрители думают, что вы трусили?

– Не нужно... – прошептала Настя, но ее голос затерялся в гуле трибун, как гайка тонет в пруду.

– Ты?! – гневно прошипела Марго. – На место куклы?!

– Да! – Димка шагал к мишени с решительностью обреченного. – Вы ведь поддержите несравненную Марго?! – крикнул он в пустоту купола, крутанувшись на месте и скользя взглядом по рядам зрителей. – Поддержите ее!

Зал заплодировал, громко, со свистом и криками «Да! Bravo!», но без единства – часть спасгородцев была шокирована идеей опасного номера, и к выходу из шатра потек тонкий ручеек покидавших представление.

Перепуганный Степан тоже исчез, а разъяренная Ленуська медленно огибала манеж, приближаясь к ненавистным безбилетникам. Раскрасневшийся от натуги Валерий Пантелеевич торопливо спускался со специального балкона, откуда управлял светом и музыкой.

– Только языком трепать и умеешь, недомерок! – продолжала Марго, наблюдая, как мальчик подходит к мишени. – Принимаю твою сделку, но ты должен помнить, что я никогда не пойду против *него* !

Ее рука машинально накрыла шкатулку, подвешенную к поясу. Она даже запахла палто, превратив ношу в некрасивый бесформенный нарост. В другой руке циркачка все еще сжимала кинжал – острое следовало за Димкой, будто Марго боялась его приближения.

– Немедленно прекратить! – гаркнул Валерий Пантелеевич, неловко перебираясь через борт арены. – Что ты себе позволяешь, хулиган! Убирайся! Марго, не волнуйся, бриллиантовая ты наша, умоляю, спокойней, это так неожиданно...

– Прочь! – вдруг выкрикнула та, мягко развернувшись и нацелив кинжал прямо в лицо имаджировщика. Ее алые губы изогнулись в презрительной усмешке. – Я сама разберусь с ним, ты, бесхребетный червяк! Пойди прочь!

И, бросив быстрый взгляд через худое плечо, увидела, что Дима уже отстегивает манекен от щита. Женщина удовлетворенно кивнула и грациозной походкой хищника двинулась к мальчику, убирая оружие в ножны.

Знаменитый Мистицион мгновенно и совсем не величественно ретировался через борт, едва не наступив на край своего плаща. Он смотрел на Маргариту со смесью жалости и отчаянья.

– Значит, ты смелый, да?

– Так говорят...

Теперь у Димки откровенно стучали зубы и заплетался язык, но он продолжал упорно возиться с ремешками, вынимая манекен из креплений. Марго подошла, отбросила его пальцы (ах, какими ледяными были ее ладони!) и, закончив освобождать пластмассовую куклу, швырнула ее на песок.

– Давай! – приказала она свистящим шепотом.

Трибуны стремительно пустели. Люди с опаской, не совсем доверяя глазам, косились на происходящее на манеже, перешептывались и пожимали плечами. После того как директор цирка лично появился на арене (так же быстро покинув ее под угрозами метательницы), в то, что перед ними всего лишь шоу, продолжало верить совсем немного спасгородцев. Те же, кто не хотел превратиться из зрителей в свидетелей, тихонечко покидали шапито.

Витя и Настя, одновременно перемахнув барьер, бросились к дальнему краю манежа, где Марго неторопливо пристегивала их брата к мишени. Ленуся, ринувшаяся на перехват парочки, почти поймала их за шкирки, но Витька резко обернулся, оскалившись и погрозив пальцем.

– Еще раз за ухо схватишь, палец откушу! – совершенно невежливо, но очень убедительно предупредил он кассиршу, от чего та покраснела и отшатнулась. – Ты что, до сих пор думаешь, что мы здесь ради бесплатного представления?

В темном проеме кулис мелькнули Эрнест, Георгий и Жужу. Они молча наблюдали за ареной, и только гуттаперчевая гимнастка обреченно качала головой, что-то шепча себе под нос.

– Готов ощутить *настоящий* страх? – зловеще прошептала Марго, застегивая на шее жертвы последнюю пряжку. – Думаешь, беседа со мной стоит седины в волосах?

Тот не ответил.

Беспомощно зафиксированный в ремнях (вблизи стало заметно, что часть оков носит следы порезов), он старался победить панику, не позволяя себе ни жмуриться, ни моргать. Мальчик смотрел куда-то вверх и вперед и даже не заметил брата с сестрой, остановившихся неподалеку.

– Отпустите его! – крикнул Витька. – Он пошутил!

– Пошутил?! – яростно прошипела Марго. – О нет, вряд ли. Игры кончились, глупые дети. А ведь вас предупреждали...

– Вы не имеете права!

Настя отважно шагнула в пространство между Марго и щитом, но в руках циркачки ледяным блеском сверкнули два кинжала.

– Только попробуй вмешаться, девочка, – негромко предупредила она, – и у него станет

на несколько пальцев меньше... А ну, всем быстро отойти! Теперь вы можете только смотреть. И постарайтесь вести себя так, чтобы я не потеряла концентрацию, – метательница недобро улыбнулась, отмеряя десять шагов. – Помните, к чему моя рассеянность привела на репетиции?

Теперь в шатре почти не осталось зрителей. Кое-кто еще сидел на верхних рядах, прикованный к месту фантастической нереальностью происходящего, но большая часть аудитории покинула цирк, не слушая отчаянных уговоров Ленуськи. Опустив руки, билетерша уселась на бортик возле выхода, с обидой и гневом глядя на виновников сорванного представления.

Жужу, силач и Эрнест подошли чуть ближе, но вмешаться по-прежнему не решались. Степана все еще не было видно, багровый имаджировщик нервно курил возле операторского навеса.

– Значит, хотите поговорить о сердце моего мужа? – насмешливо спросила Марго.

И сразу, без подготовки или примерки, швырнула кинжал. Так неожиданно и быстро, что Настя даже не успела закричать. Холодная сверкающая сталь вонзилась в каком-то сантиметре от левого бедра Димки. Тот не удержался – зажмурился, жалобно вскрикнув. Эхо удара железа о толстую фанеру еще висело в воздухе, когда метательница сделала шаг назад и пустила в полет второй нож.

– Прекратите, пожалуйста!..

По лицу Насти покатились слезы. Витька схватил ее за плечи, обнял, прижал к себе, как успокаивая, так и контролируя, чтобы она не кинулась под клинки сумасшедшей. Ему было невыносимо смотреть на пристегнутого к мишени брата, но наблюдать за безумной циркачкой казалось еще страшнее.

– Значит, задумали опозорить меня перед публикой?

Еще шаг назад, шелест покидающего ножны лезвия, взмах, гул вибрирующей стали, Димкин крик. На этот раз клинок вонзился возле его правого плеча, причем заметно ближе, чем предыдущие.

– Или ты настолько наивен, что веришь, будто выслушав про бедненькие-несчастненькие Лифты, я отрекусь от супруга и отдам вам его сердце?

Шаг назад, бросок, острие едва не разрезает штанину на правой ноге Дмитрия.

– Он уже давно не ваш муж! – сквозь стиснутые от напряжения и страха зубы, вдруг выдавил тот. – Он Мглистый Механик – чудовище, переставшее быть человеком! И он убивает Лифты, главное сокровище города!

– Врешь! – взвизгнула Марго, отступив сразу на два шага и метая оружие.

Глаза ее безумно вращались, лицо исказилось, ярко-красная губа была закусена.

На этот раз мальчик не просто вскрикнул, а закричал в полный голос. Витька, рефлекторно бросившийся вперед, отчетливо увидел, как кинжал вошел в мишень, задев левое предплечье брата. Настя бессильно прикрыла веки и тяжело осела на песок. Фанера окрасилась красным, алые капли потекли вниз и, сорвавшись с Димкиных пальцев, упали на арену.

Упали и тут же впитались, оставив после себя влажные багряные кружки.

– Марго, прекрати!

Эрнест и Георгий наконец ринулись к циркачке, легко перемахнув борт манежа. Но метательница, даже не глядя на них, бросила нож, вонзившийся в грунт в считанных сантиметрах от ноги силача.

– Ни шагу дальше! – хрипло приказала она, распахивая полы пальто. – У меня хватит на всех!

И ласково провела ладонью по рукояткам ножей, все еще оттягивающих перевязь.

Витька, стараясь не выпускать психопатку из поля зрения, принялся расстегивать путы, удерживавшие брата. Лицо Димки побелело, он все время отворачивался, стараясь не смотреть на рану. На мишень и песок текла кровь.

Едва освободив порезанную руку (клинок основательно рубанул по мышцам, к

счастью, не задев ничего жизненно важного), Виктор выдернул из штанов узкий матерчатый пояс. Вспоминая все, что читал в учебниках по медицине для старших классов, мальчик туго перетянул руку брата чуть выше пореза, останавливая кровотечение.

– Что. Это. Ты. Делаешь? – раздельно и громко поинтересовалась Маргарита Дрейфус, обернувшись к щиту. – Немедленно пристегни его обратно, номер не окончен! Мы заключили сделку!

Но Витька не успел ответить сумасшедшей циркачке.

Не успели сдвинуться с места Георгий и Эрнест, крадущиеся к буйнопомешанной.

Настя не успела прийти в себя, а Ленуська или Валерий Пантелеевич – понять, что происходит.

Стража, ворвавшаяся в шатер, была стремительна. Взметнувшаяся кулиса еще покачивалась, а люди в черном уже окружили манеж со всех сторон, беря артистов и детей на мушки массивных пистолетов. За Стражниками, запыхавшись и тяжело дыша, бежал престарелый клоун.

– Вот они, хватайте! – выдохнул Степан, грузно опускаясь на отстегнутую лошадиную голову.

Последние зеваки из числа зрителей, осмелившиеся до сих пор находиться в зале, испарились со своих мест, словно капли воды под горячей струей фена. Теперь в шапиту остались лишь циркачи, наши герои и целый взвод Стражи, рассредоточившийся по трибунам и манежу.

– Дети, вы арестованы по приказу Гильдии! – пробасил из-под шлема сержант, поднимая над головой отпечатанный приказ с тремя темно-красными сургучными печатями. – Смотрители признали вас нарушителями Устава города и обвиняют в посещении запрещенных территорий, а также объявлении ложной бактериологической тревоги! Женщина, немедленно бросьте оружие, отойдите от арестованных и держите руки на виду...

Но Марго было уже не остановить. Облизывая прикушенные до крови губы, она пригнулась, завертевшись на месте и будто подсчитывая окружавших противников.

– Дети никуда не пойдут! – крикнула метательница, хрипло рассмеявшись. – Они задумали убить моего мужа, теперь они мои!

– Опустите оружие! – еще раз приказал сержант, пряча документ за лацканом черного мундира. – Или мы будем вынуждены применить...

Не дождавшись окончания фразы, Маргарита швырнула нож. Несколько мгновений осекшийся сержант Стражи сосредоточенно рассматривал рукоятку, торчащую из того самого лацкана, а затем тяжело рухнул на спину, подняв облако песочной пыли.

Его люди среагировали молниеносно, открыв огонь на поражение.

Но и Марго зарабатывала на хлеб цирковым ремеслом не первый год. И даже не десятилетие – перекувыркнувшись через плечо, она юлой ушла из-под выстрелов. Пули ударили в арену, взметнув фонтанчики песка. А затем метательница резко раскинула руки – блеснула брошенная сталь, двое Стражников упали, схватившись за торчащие в плечах кинжалы.

Труппа бросилась врассыпную. Эрнест, Жужу и Георгий спешно скрылись в подсобных помещениях, сбив с ног клоуна. Ленуська метнулась к выходу, пробкой вылетев из-под купола наружу. Валерий Пантелеевич исчез в полумраке под трибунами. Витька торопливо расстегивал оставшиеся ремни, стараясь не вздрагивать, когда за спиной твоял пистолет очередного Стража. Едва последняя пряжка была побеждена, раненый брат навалился на него и чуть не опрокинул, жалостливо поджав перебитую руку. Витя подхватил его и бережно усадил перед щитом, проверил, надежно ли перекрыт ток крови. И только после этого осмелился осмотреться.

Циркачка металась по шатру, как одна из невесомых проекций имаджировщика. Пули, выпущенные в женщину, безжалостно крошили лавки и трибуны, били в борта манежа, но никак не могли поразить истинную цель. Клинки же, щедро разбрасываемые Маргаритой во все стороны, неизменно находили жертву, выводя из строя одного Стражника за другим.

Но в пистолетных магазинах пуль все же больше, чем ножей на поясе любого артиста, и никому не под силу убежать вечно. Один из Стражей оказался чуть ловчее коллег, чуть метче и проникательнее – и вот Маргарита Дрейфус застыла в прыжке, будто презрев законы физики и научившись летать. А затем, кулем упав поперек манежного борта, соскользнула на арену. Да так и осталась лежать, неудобно повернув руки и все еще кривя алые губы в безумной, злой и торжествующей улыбке.

Уцелевшие в схватке Стражники кинулись к раненым, оказывая им первую медицинскую помощь. Двое осторожно приблизились к телу Марго, не опуская пистолетов. Еще один неспешно направился к детям. Витька, убедившись, что кровь из раны брата больше не идет, подобрался к сестре. Та постепенно приходила в чувства, безропотно позволив перенести себя к фанерной мишени. Оттуда ребята и наблюдали, как предстоящее наказание в черной хрустящей форме медленно наступает на них, оставляя на песке манежа глубокие следы массивных ботинок.

И вдруг на все работающие прожекторы цирка словно надели специальные стеклянные светофильтры, заставляя их притухнуть. В шатер ворвался ледяной ветер, а на Стражников возле неподвижной циркачки легла огромная квадратная тень. Раздался звук удара, выстрел и еще один удар – и вот служители Гильдии уже летят прочь, причем на одном из них даже раскололся шлем.

Над подстреленной Марго стоял широкоплечий гигант в брезентовом переднике, с короткими ногами и непропорционально массивными ручищами в длинных перчатках-крагах. Одетый в черный рабочий комбинезон и крохотную кепку, несуразную и готовую вот-вот соскочить с безволосой головы. Фартук великана покрывали разводы засохшего машинного масла, а пояс оттягивали сумки, заполненные инструментами. Вместо глаз виднелось что-то вроде черных линз для сварки, но не крепившихся на ремне или дужках, а вживленных прямо в кожу. Лицо густо усеяли многочисленные шрамы, напоминавшие отметины на щеках Вити и Димы. На запястьях, ремне и даже шнурках ботинок гиганта болтались разнокалиберные шестеренки: от совсем крохотных до крупных и увесистых. Рядом, позвякивая при ходьбе, висели обломки микросхем и несколько процессоров.

– Мудрейшие Лифты, – выдохнул Витька, единственный из всех троих сохранивший способность здраво оценивать происходящее. – Только не это!..

Близнецы так и не узнали, каким образом Мглистый Механик почувствовал, что его секретному сокровищу угрожает опасность. Но он пришел. Явился тенью. Материализовался, будто очередная проекция Мистициона. Стоя над телом жены, мучитель Лифтов удивленно рассматривал дымящееся пулевое отверстие в самом центре своего фартука. Разбросанные им, словно куклы, Стражники лежали неподвижно; их коллеги вновь вынимали оружие, не совсем понимая, однако, что предпринять. Рядовой, направлявшийся через арену к детям, замер на месте, медленно потянувшись к пистолету.

– Не нужно... – попросил его Витя, но голос дрогнул, и с губ сорвалось едва слышное придыхание.

Стражники начали стрелять в Мглистого одновременно. Со всех сторон, не жалея боеприпасов. А тот, закрыв лицо руками, будто шел навстречу пыльной буре, вдруг ринулся в атаку с неожиданной для своей комплекции скоростью.

Пули с сочными шлепками врезались в его огромное тело, сшибали подвешенные к поясу шестеренки, звенели по рукояткам инструментов в мешках, но не причиняли Дрейфусу никакого вреда. Тяжело добежав до ближайшего Стража, великан ударил его кулаком в подбородок, точно под забрало шлема. Служивый взмыл вверх, по дуге упав на дальние ряды трибун и обмякнув на лавках.

Та же участь постигла еще одного. И еще. И еще...

Когда на манеже остался последний боеспособный Страж (тот самый, что шел арестовать детей), Механик неспешно вернулся к телу супруги.

За матерчатыми стенками шапито шумела Летняя Ярмарка, люди радовались жизни и покупали малышам подарки. Внутри же стонали раненые Стражники да методично щелкал

пустой пистолет в руке уцелевшего. Все еще целясь в бессмертное чудовище, солдат даже не замечал, что в магазине кончились патроны, и был не в силах пошевелиться или хотя бы опустить окаменевшую руку.

Когда гигант раздраженно повернулся к нему всем телом, сверкнув черными стекляшками, боец Гильдии выронил пистолет, развернулся и побежал со всех ног, начисто забыв об уставе, служебных предписаниях, ордере на арест близнецов и вообще обо всем на свете.

Чудовище в брезентовом фартуке повернулось в другую сторону, уставившись прямо на наших героев. Их разделяли не больше двадцати шагов, но одновременно казалось, что старые враги смотрят друг на друга через гигантский, бесконечно длинный тоннель. В цирке снова наступило безмолвие, в котором даже раненые циркачкой Стражи старались стонать потише...

Витька выпрямился в полный рост, глядя прямо на противника. Настя, неловко держась за ремни, на которых только что висел брат, застыла рядом. Сам Дима, баюкая на груди раненую руку, со стоном и скрежетом зубов поднялся последним. Вновь, как и полгода назад (каким же далеким казался тот день!), они встретились – дети и потрошитель, мстящий Лифтам за свое горе.

Мглистый, казалось, чего-то ждет, но Витька не тешил себя иллюзиями – в цирке не наблюдалось огромного чана с опасной охлаждающей жидкостью, куда можно было еще раз сбросить чудовище. И тогда мальчик заговорил.

– Видишь, что ты натворил?! – крикнул он, стараясь унять дрожь в голосе. – Видишь, к чему привела тебя слепая месть?!

Настя оперлась на его плечо – и чтобы не упасть самой, и чтобы поддержать. Сердце Дрейфуса в криогенной шкатулке было совсем рядом... Только подбери! Но близнецы понимали, что битва проиграна, ведь враг никому не позволит завладеть своим сокровищем. Но даже в откровенно безнадёжной ситуации, перед лицом смертельной опасности ребята не собирались сдаваться или отступить.

Мглистый хрустнул кулаками и качнулся, словно размышляя, не пойти ли ему в новую атаку.

– Месть приводит лишь к новым жертвам! – снова закричал Витька.

Механик наклонил голову, уголки обожженных губ опустились, будто он отведал прокисшей сметаны.

– Твоего сына не вернуть! – мальчик вздрогнул, но заставил себя произнести эти жуткие слова. – Лифты, которые ты уничтожил – не вернуть! Марго ранена людьми, на которых ты работал! Мой брат истекает кровью! Тебе нужно было именно это?

Красноречие оставалось последним оружием, которое дети могли применить против существа, устоявшего под градом пуль. Димка, стараясь не стонать и держаться мужественно, придвинулся к брату, чтобы тот чувствовал его локоть – я тут, говорил этот жест, с тобой!

– Чего ты на самом деле хочешь? – приободренный поддержкой Витя поразился собственной смелости. Он продолжал говорить все уверенней и тверже, стараясь не смотреть на раненых Стражей или циркачку у ног Механика. – Сколько еще людей и Лифтов ты готов принести в жертву Родике? – Он запнулся, но все-таки закончил, выплевывая слова, словно те превратились в раскаленные монетки: – Пора прекратить мстить и причинять бессмысленную боль другим! Никакая месть, даже самая изощренная, не вернет тебе сына. Ты хоть помнишь, каким был Александр Дрейфус до гибели Родика?...

Тут, услышав любимое имя, великан будто очнулся – вздрогнул всем телом, так что зазвенел подол из шестеренок и сломанных деталей. Он схватился за голову, огромными пальцами сминая кепку, и осмотрел себя так, словно впервые увидел толстый фартук, сумки с инструментами и тяжелые ботинки. Поднес руки к лицу и вдруг завыл. Протяжно, не человечески, дико и скорбно. Так неожиданно и громко, что даже отползавшие подальше раненые Стражи застыли, пораженно оборачиваясь на манеж.

Мглистый обреченно провел пальцами по своим страшным трофеям, и Витьку поразила лютая, бездонная ярость, исказившая грубые черты лица. Механик шагнул к детям, в иссиня-черных линзах отразились цирковые прожекторы – глаза нежити словно вспыхнули.

В этот миг Вите, Диме и Насте нестерпимо захотелось исчезнуть, убежать прочь и навсегда забыть жуткую семью Дрейфусов, сломленную горем; забыть свою наивную попытку противостоять обезумевшему злу; забыть злоключения и страхи, наполнявшие дни их странствий по городу.

Но они не побежали. А стояли плечом к плечу возле иссеченного кинжалами щита с грубо намалеванной мишенью, смотрели на приближавшегося Мглистого и дрожали.

Со стороны казалось, что на манеже разворачивается очередной номер цирковой программы. Но кровь, пятнами покрывавшая песок, неподвижное тело Маргариты и избитые Дрейфусом Стражники с легкостью разрушали эту иллюзию. Происходящее на арене не было частью шоу – сейчас на ней творился последний акт драмы, в которой решалась не только участь близнецов с Заботинска, но и судьба всего города.

Но вот Механик замер. Его голова, казавшаяся до нелепости крохотной на фоне гигантских плеч, склонилась. Он чуть повернулся на месте, через плечо покосился на поверженную супругу и сжал кулаки. Сделал к тройняшкам еще один шаг. Снова посмотрел на Марго.

И вдруг торопливо вернулся к ней – несколькими тяжелыми, нескладными прыжками, оставляя в мягком покрытии манежа глубокие следы, которые отчего-то не спешили выравниваться.

Затем Мучитель Лифтов согнулся в пояс, неловко опустившись на колено. Он стянул правую перчатку, обнажив бледную кисть, щедро изувеченную шрамами химических ожогов. Затем приподнял голову метательницы ножей, с неумелой лаской погладив ее по застывшему лицу. Плечи его вздрогнули.

Бережно опустив жену на упругий искусственный песок, он расстегнул перевязь с кинжалами, пара которых еще виднелась под складками пальто. Витька дернулся всем телом, собираясь оттолкнуть Настю за мишень, но, как выяснилось, Механик тянулся вовсе не за оружием.

Его пальцы сомкнулись на шкатулке, снимая ее с пояса циркачки.

В огромной ручище коробка казалась маленькой и изящной. Без усилий преодолев сопротивление крохотного замочка, великан отбросил отломанную крышку. Не глядя по сторонам, он перевернул ларец над ладонью, носящей отметины Радиатора. И не успели дети ахнуть, как оттуда выкатилось что-то округлое, алое, блестящее и пульсирующее...

Пустая шкатулка упала к его ногам. Показались медицинские приборы и крохотные криогенные установки, поддерживавшие жизнь в последнем, что Собиратель Процессоров сохранил от своей человечности.

Несколько длинных, протяжных и опустошительных секунд Мглистый Механик, в прошлом носивший имя Александра Дрейфуса, рассматривал собственное сердце. Когда-то оно было вырвано из груди и навеки оставлено жене, как дань собственной слабости и безответственности. Как безумная, полная отчаяния попытка искупить острую, словно бритва, вину.

Никто и никогда так и не узнал, по делу ли винил себя цирковой силач. Или ход событий был предопределен, и маленький Родик стал жертвой неумолимых обстоятельств?.. Но мудрые люди говорят, и я склонен согласиться – чрезмерно горя об утраченном, мы не только разрушаем себя, но и делаем больно тем, кто нам все еще близок...

Сердце поблескивало на ладони Мглистого, а в цирке наступила такая тишина, что стало слышно, как оно бьется. Тук-тук, тук-тук, мерно вздымаясь и опадая. Тук-тук... Механик повернулся к детям, держа алый комочек на вытянутой руке, будто предлагая рассмотреть поближе.

Витька сглотнул, Настя отвернулась, Димка покачулся, от слабости едва не потеряв

сознание. Позже, шепотом делясь впечатлениями и восстанавливая картину случившегося, все трое сходились во мнении, что в тот миг не могли даже близко предположить, чего хочет от них великан...

А тот, покопавшись в сумке с инструментами, вдруг вынул продолговатую жестянку машинного масла. Баночку задела пуля Стражника, и теперь на песок капала черная тягучая жидкость. Однако характерное бульканье подтверждало, что внутри оставалось еще не меньше половины. Разводя руки, Мглистый всем корпусом повернулся к нашим героям. Он будто взвешивал, что тяжелее, – банка с машинным маслом или его собственное сердце. И в этот момент (мальчик был готов клясться чем угодно) Витьке вдруг представилось, что Механик смотрит прямо на него...

– Эйцээ... – едва слышно промычал великан, протягивая содержимое шкатулки Виктору.

И тот, не отдавая себе отчета в своих действиях, протянул руку навстречу.

Робко и неуверенно, словно действительно хотел забрать пульсирующий комок прямо через двадцать шагов, разделявших детей и Мглистого. А тот вдруг удовлетворенно кивнул, отчаянно насилуя губы и пытаясь сложить их в какое-то подобие улыбки. Затем медленно свел руки, будто и вправду вернулся на арену, куда не выходил уже много лет, и демонстрирует премьеру номера, над которым работал все это время. Правая рука – с сердцем, оказалась чуть ниже. Левая – с протекающей масленкой, прямо над ней. Перевернув банку, Механик принялся выливать остатки машинного масла, внимательно наблюдая за процессом.

Настя вскрикнула.

Вязкие потеки черной жижи опутали красный овал блестящими нитями. Медленно, сантиметр за сантиметром красное проигрывало черному, скрываясь под слоем маслянистой пленки. Ритм пульсации многократно увеличился. Теперь комок на ладони великана сокращался гораздо чаще, упрямо раскидывая во все стороны крохотные темные брызги.

На лице Механика поселилась всепоглощающая сосредоточенность. Жидкость неотвратимо протекала сквозь мясистые пальцы, пачкая фартук и песок. Когда из банки упала последняя капля, тягуче зависнув, прежде чем сорваться на покрытый маслом овал, он отбросил жестянку прочь.

Теперь сердце в его руке колотилось необычайно быстро, и сердца детей, всецело захваченных зрелищем, невольно забились чаще, будто хотели попасть в такт этому сумасшедшему ритму. И когда показалось, что скорость сердцебиения стала нестерпимо велика, маслянистый комок в руке Дрейфуса вдруг вспыхнул ярчайшим фосфорным факелом.

С шипением и потрескиванием на ладони Мглистого догорало сокровище, много лет бережно хранимое его женой. Языки белоснежного пламени лизали изувеченную кожу руки, но громила смотрел на них бестрепетно и спокойно, лишь с некоторым любопытством. Дыма не было, а оттого казалось, что вокруг кисти Механика кто-то умело соткал трехмерную проекцию. Лишь горящие капельки масла, продолжавшие просачиваться сквозь пальцы, доказывали, что все это происходит на самом деле...

Сердце Александра Дрейфуса горело не больше минуты. Но всем присутствующим – нашим героям, раненым Стражам, выглядывавшему из-под трибун имаджировщику – казалось, что факел в руке гиганта не погаснет никогда.

Огонь исчез так же внезапно, как возник. Он съежился и потух, оставив на ладони ровную горстку мелкого серого пепла. Перевернув ладонь, Мглистый равнодушно высыпал его на арену, когда-то познакомившую его с женой, а затем отнявшую Марго...

Затем Дрейфус повернулся к супруге, но внезапно споткнулся и упал на колено. Стон, мучительный, болезненный и страшный, вырвался из его покрытых шрамами губ, когда он попытался встать. Из отверстий, оставленных пулями Стражей, начал просачиваться легкий дымок. Испытывая небывалое напряжение, Мглистый нагнулся, поднимая тело Маргариты с таким усилием, как если бы оно весило две сотни килограммов. Постанывая и качаясь,

великан распрямился, нежно держа циркачку на руках.

Теперь из ранений шел едкий грязно-серый дым, окружавший Механика густым клубящимся облаком. Больше не глядя по сторонам, он двинулся к выходу из шашито, спотыкаясь на каждом шагу. Александр шел тяжело и неловко, но в каждом его движении чувствовалось непреклонное желание добраться до конца избранного пути.

А еще через минуту тяжелые портьеры кулис сомкнулись за его спиной, отрезав дымный след и навсегда укрыв Мглистого Механика в своей тени. Последнее представление в жизни силача и его супруги было окончено...

Ни Витя, ни Настя, ни Димка, ни другие жители города больше никогда не встречали это странное и страшное существо, с которым отважную троицу столкнула судьба. Потом они слышали разные истории, причем чаще всего их рассказывали всезнайки, знакомые с людьми, которые якобы лично видели выходящее из цирка чудовище. Часть сплетников клялась, что тот просто растаял в воздухе, едва луч Светоча коснулся его уродливой кожи. Другие настаивали, что Мглистый упал замертво прямо на выходе из шашита, превратившись в лужу машинного масла. Но еще одна часть посетителей Ярмарки (и тройняшки предпочитали верить именно им) утверждала, что здоровяк с неподвижной женщиной на руках медленно пересек поляну и исчез в одной из потайных дверей внешней стены. Никто – ни Стража, ни урядники – даже не подумал остановить его или хотя бы приблизиться.

– У нас получилось, – тихонечко прошептала Настя. – Мы заставили его сделать это... Он больше никому не причинит зла.

– Да, сестренка, – кивнул Витя. – Получилось.

А Димка, позеленев, опустился обратно на песок – силы, потраченные мальчиком на противостояние с Мглистым, подошли к концу. Он попробовал улыбнуться, облизнул сухие губы и пробормотал:

– Подумать только... У нас получилось... не зря я, выходит, из школы сбегал... Вот только на душе беспокойно, Озорника бы теперь проведать, не забыть... – И медленно закрыл глаза, уплывая в небытие.

Настя бросилась к брату, щупая пульс и укладывая его поудобнее, Витька – к Страже, умоляя скорее помочь раненому. Затем в шашите появились новые гвардейцы, с опозданием прибывшие на помощь коллегам.

А для наших героев все закружилось в тягучем хороводе гневных вопросов, обвинений, упреков, лести, угроз и бесконечного повторения одной и той же истории, записать которую хотели, казалось, все бюрократические ведомства Спасгорода.

Манеж цирка заполнили врачи и чиновники из администрации, за их спинами мелькали плащи младших Смотрителей. Биохимики, собиравшие пробы пепла, смешавшегося с песком, разворачивали походную лабораторию. Военные медики уносили раненых и побитых бойцов, урядники обеспечивали оцепление.

Худой мужчина с непроницаемым лицом и значком Гильдии на лацкане пиджака снял у детей отпечатки пальцев, установив личности. Затем их растащили по разным секторам арены, окружив дознавателями, следователями и секретарями. Начались расспросы – про ложную тревогу на Летней Ярмарке, про длительное отсутствие прогульщиков в школе, про жуткие события в шашите. Вопросы сыпались градом, но путешественники были настолько физически и эмоционально истощены, что даже этот тяжелый допрос не мог сбить их с толку.

Разделенные десятками шагов и лишённые малейшей возможности сговориться, близнецы рассказывали *одинаковую*, хоть и не совсем правдивую историю. Она совпадала даже в мелочах, вызывая сомнения дознавателей своей обтекаемостью и простотой. Конечно, служители Гильдии подозревали обман, но все же не смогли подловить арестантов на лжи...

Ведь нарушители спокойствия не видели и не слышали друг друга, но все равно рассказывали одно и то же. Причем не совсем то, чего ожидали Смотрители.

И если вы спросите меня, как нашим героям удалось не выдать важных секретов, скрыв крупницы истины в коконе полуправды, я только развею руками. Близнецы, всегда

понимавшие друг друга с полуслова, в момент предельного умственного напряжения словно вышли на некий телепатический уровень, раз за разом пересказывая довольно безобидную историю.

Да, они сбежали с уроков и полезли на технические уровни.

– Чтобы доказать в школе, что мы не тусовщики, – говорил Витька, наблюдая, как следователь делает записи в планшет.

– Чтобы избавиться от шуточек, которыми нас достают уже полгода, – в это время шептал Димка, все еще находившийся в полузабытьи.

– Чтобы не оставлять этих двух балбесов без присмотра, – в ту же секунду докладывала Настя.

Затем они порвали какой-то старый шланг и нанюхались опасного газа. Не помнят внушительный кусок собственной жизни. Им было весело и страшно одновременно, хотелось приключений. Как в итоге они очутились на Ярмарке, не помнит никто. Морща лбы, ребята изучали собственные куртки, обнаруженные Стражей на лестницах Шлюза, но отрешенно мотали головами.

– Я всегда мечтал побывать в цирке, – с нотками зависти говорил Витя.

– Конечно, первым делом нам захотелось в цирк! – пытался храбриться Дима, но обрабатывавший его руку врач с терпеливым недовольством возвращал пациента на борт манежа, не позволяя вставать.

– Мальчики нашли способ пробраться в цирк без билетов, и я пошла с ними, – скромно оправдывалась Настя.

Разумеется, они хотели посмотреть представление. Один раз их даже выгнали взащей – это может подтвердить помощница клоуна Ленуська. Им удалось избежать наказания. Но иллюзии Мистициона хотелось увидеть еще разок хотя бы издали, и безбилетники снова полезли внутрь. Да, это некрасивый поступок, но удержаться было невозможно...

А потом вдруг тетенька, которая кидала ножи, схватила Димку и заставила его встать на место манекена! Потом появились Стражники, началась драка, но деталей тройняшки не помнят – было страшно, шумно, со всех сторон стреляли и кричали. Потом сумасшедшая тетенька исчезла. Наверное, убежала? Она была ненормальной, очень страшной, опасной для общества! Наверняка циркачи скажут то же самое, спросите у них!

Артисты, уже допрошенные вояками, угрюмо кучковались у выхода на манеж. На ребят они смотрели хмуро, но без злости. До циркачей доносились обрывки детских ответов, и труппе Валерия Пантелеевича ничего не оставалось, кроме как пожимать плечами и признавать правдивость истории.

Даже старенький клоун Степан (и до, и во время сражения проявивший себя не самым лучшим образом) откровенничать не спешил, на вопросы сыщиков отвечал скупой и все время ссылаясь на возраст и слабую память. Да, Стражу вызвал он. Но детей до начала шоу не встречал. Остальные циркачи тем более помалкивали – Эрнест и Мария смотрели на гильдейцев с плохо скрываемым презрением, Георгий успокаивал рыдающую Жужу, а имаджировщик курил одну папиросу за другой.

Рассказать правду обитатели цирка действительно не могли.

Даже потеряв одну из коллег, они были вынуждены молчать. Совершив свой отважный поступок, троица странных детей, сама того не желая, стала частью циркового братства – частью семьи, привыкшей тщательно хранить свои тайны, какими бы страшными они ни были...

Затем Валерий Пантелеевич показал эмиссарам Смотрителей медицинские справки, подтверждавшие, что у Маргариты Дрейфус было зафиксировано психическое заболевание. Но кто мог знать, что, даже пройдя курс интенсивного лечения, она вдруг станет злобной и неуправляемой?!

Безусловно, чуть позже Смотрители допросили и покинувших шатер зрителей (вернее, тех из них, кого сумели разыскать). Но показания перепуганных спасгородцев настолько разнились, что на них в итоге махнули рукой.

Затем дети извинялись.

Плакали, причем тоже почти одновременно.

Просились домой.

Взрослые, уже больше час бившиеся над ними в поисках правды, только качали головами. Оказали Димке помощь, заполнив порез особым лечебным гелем. Вкололи всем троим витамины и успокоительное, взяли пробы крови и слюны, укутали медицинскими одеялами.

А потом в цирке неожиданно очутился вызванный с работы Петр Петрович в сопровождении местного урядника. Заплатив Страже немалый залог, он молча забрал близнецов под домашний арест.

Вчетвером они вышли на залитую ярким праздничным светом Ярмарку. Вокруг шапито собирались зеваки, которых безуспешно пытались разогнать люди в белых мундирах. Пробравшись через толпу, дети с отцом направились к Лифтам.

– Па, мы правда не хотели... – виновато начала Настя, глядя на Петра Петровича снизу вверх.

– Помолчи, дочь, – скупое отрезал тот. – Поговорим дома.

Мальчишки плелись следом, понурые и усталые. Димка, чью рубашку врачи срезали ножницами, чтобы поскорее залатать рану на руке, был все еще закутан в медицинское одеяло.

– Но мы правда хотели сделать как лучше! – продолжала девочка, несмотря на суровое предупреждение папы. – Честное слово, нам очень жаль!

– Лучше? – хмыкнул тот, и только теперь дети заметили, каким подавленным и пристыженным выглядит отец. Ярко-красная рабочая куртка болталась на его похудевших плечах, словно на вешалке. – Носить специальный браслет слежения, которым вас теперь «наградит» Гильдия, – это лучше?

– Но мы победили Мглистого Механика! – не выдержал и Витька, с трудом сдерживавший слезы. – Гильдии до этого дела нет, но ты-то должен понимать, что мы...

– Тише! – предупредил тот, но все же остановился, внимательно глядя на тройняшек с высоты своего роста. – Вы храбрецы, я никогда в этом не сомневался. Но зачем, ради всего разумного, зачем вы вообще полезли в эту авантюру? Неужели до сих пор не поняли, какие силы стоят за всем этим?

Петр Петрович выразительно покосился на пикеты Стражей, расставленные вокруг цирка, и темные плащи Смотрителей, видневшихся в толпе.

– Отомстили Мглистому за погибшие Лифты, – одними губами с горечью прошептал он. – Довольны теперь? Довольны, что опять втянули семью в неприятности?

– Нет, – ответил ему Дмитрий, задумчиво рассматривая бинты на левом предплечье. – Но почему ты решил, па, что нами двигала месть? Мы просто смогли сделать то, на что у других не хватало духа. Мы защитили город, и Лифтам теперь ничего не угрожает! Это совсем другое...

Отец обреченно вздохнул, словно спрашивая: вы всерьез полагаете, что с исчезновением Мглистого жизнь изменится и все будет так, как мечтали строители Спасгорода? Но промолчал, дрожащими пальцами вынимая из кармана перфокарту допуска в скоростной Лифт Экстренных Перемещений.

– Идемте-ка домой, родные мои, – наконец предложил Петр Петрович, потирая переносицу. – И пока возвращаемся на Заботинск, рекомендую подумать, как вы будете просить прощения у мамы...

Они подошли к нужной шахте, и мужчина начал протокол вызова, что-то переключая на панели и активируя выданную Стражей карту. Юные смельчаки, бледные и утомленные приключениями, словно по команде обернулись, чтобы запомнить вид полосатой красно-желтой крыши циркового шатра.

И в самый последний момент, когда казалось, что от возвращения домой их отделяет всего несколько минут, из-за шахты Лифта вынырнула фигура. Невысокая и худая,

закутанная в серый плащ и с низко надвинутой на глаза шляпой. Ребята сразу вспомнили недавнее посещение Штамповальни и суету, вовремя учиненную верным Облачком... Сбежавший от Сортировщиков младший Смотритель бочком приблизился к семейству, приторно-ласковым голосом обращаясь к Петру Петровичу.

– Одну секундочку, уважаемый, – и когда все четверо замерли, оцепенев под его неприятным липким взглядом, улыбнулся и сухо продолжил: – Прежде чем вы отправитесь на свою поляну, я хотел бы поговорить. Беседа, прошу заметить, будет весьма серьезной...

Так закончилось противостояние наших героев (не самых послушных, спору нет, но очень храбрых и справедливых) с существом, известным в преданиях Спасгорода как Мглистый Механик. Так закончилась непростая жизнь Александра и Маргариты Дрейфус, сломленных горем и вставших на путь безумия.

Нарушив все мыслимые запреты, сбежав из родного дома, близнецы все же вернулись на Заботинск, прямоком в объятия плачущей от счастья мамы. Израненные, избитые, угодившие в секретные досье Стражи, изголодавшиеся и изможденные.

Они прошли через многочисленные опасности и наконец еще раз лицом к лицу сразились с главным врагом Лифтов – Собирателем Процессоров. Ребята получили раны и уроки жизни, преодолели собственный страх и вновь осознали ценность взаимовыручки и отваги.

Они – уже не дети, но еще не совсем взрослые – почувствовали, что значит защищать слабых и исполнять свой долг. Рассмотрели трагическую изнанку мести, ощутили ее едкий медный вкус, и это сделало их чуть старше и мудрее.

Но в тот роковой день, возвращаясь домой в кабине чопорного Лифта (он работал на Стражу), близнецы не могли даже предположить, что произошедшее с ними станет лишь очередным звеном цепи, прочно сковавшей судьбу Вити, Насти и Димки с будущим всего Спасгорода...

О, уверяю вас, эти пугающие и удивительные события заслуживают отдельной истории. И, разумеется, совсем скоро я с удовольствием поведаю ее вам.